

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**БОГОСЛОВСКИЙ
СБОРНИК
ТАМБОВСКОЙ
ДУХОВНОЙ
СЕМИНАРИИ**

№ 1(10) 2020

Тамбов

УДК 23/28
ББК 86.372я5
Б74

Рекомендовано к публикации
Издательским Советом Русской Православной Церкви

ИС Р20-005-0207

Б74 **Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии:**
Научный журнал / Тамбовская духовная семинария. – Тамбов :
ООО «ТПС», 2020. – № 1 (10). – 212 с.

В выпуск № 1 (10) научного журнала «Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии» вошли статьи, в которых изложены результаты научных исследований преподавателей. Публикации охватывают широкий круг вопросов, связанных с историей Церкви, развитием церковно-государственных отношений, актуальные темы богословия и философии, православной антропологии и педагогики, филологии.

Издание адресовано научным работникам, преподавателям, аспирантам, студентам духовных и светских вузов, а также всем интересующимся историей Церкви и богословскими науками.

УДК 23/28
ББК 86.372я5

ISSN 2687-072X

© Тамбовская духовная семинария, 2020
© ООО «ТПС», 2020

SCIENTIFIC JOURNAL

**THEOLOGICAL
COLLECTION
OF TAMBOV
THEOLOGICAL
SEMINARY**

No 1(10) 2020

Tambov

Recommended for publication
by the Publishing Council of the Russian Orthodox Church

Theological Collection of Tambov Theological Seminary:
Scientific Journal / Tambov Theological Seminary. – Tambov :
OOO «TPU», 2020. – No. 1 (10). – 212 p.

Issue 1 (10) of the Scientific Journal «Theological Collection of the Tambov Theological Seminary» includes articles representing results of scientific studies carried out by professors. The articles cover a wide range of issues related to history of the Church, the development of relations between the Church and the state, highly topical issues of theology and philosophy, Orthodox anthropology and pedagogy, and philology.

The issue is addressed to scientists, professors, graduate students, students of theological and secular universities, as well as all those interested in history of the Church and theological sciences.

ISSN 2687-072X

© Tambov Theological Seminary, 2020
© OOO «TPU», 2020

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор	Митрополит Тамбовский и Рассказовский Феодосий (Васнев), доктор теологии, кандидат богословия, ректор Тамбовской духовной семинарии
Заместитель главного редактора	Грудинина Елена Валерьевна, кандидат филологических наук, проректор по научной работе Тамбовской духовной семинарии
Секретарь	Филиппова Светлана Викторовна, кандидат филологических наук, заведующая сектором заочного обучения, заведующая кафедрой филологии Тамбовской духовной семинарии

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Священник Виталий Щербаков, магистр религиоведения, первый проректор Тамбовской духовной семинарии

Аленова Инна Викторовна, кандидат исторических наук, доцент, проректор по учебной работе Тамбовской духовной семинарии

Евтихий Петр Николаевич, кандидат педагогических наук, доцент, заведующий церковно-практической кафедрой Тамбовской духовной семинарии

Ряховская Татьяна Викторовна, кандидат философских наук, заведующая кафедрой богословия, библеистики и философии Тамбовской духовной семинарии

Зусман Юрий Андреевич, кандидат педагогических наук, доцент, старший преподаватель кафедры филологии Тамбовской духовной семинарии

Булгыгина Светлана Викторовна, заведующая библиотекой Тамбовской духовной семинарии

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Митрополит Тамбовский и Рассказовский Феодосий (Васнев), доктор теологии, кандидат богословия, ректор Тамбовской духовной семинарии

Митрополит Калужский и Боровский Климент (Капалин), доктор исторических наук, кандидат богословия, Председатель Издательского Совета Русской Православной Церкви, ректор Калужской духовной семинарии

Медведев Николай Владимирович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и методологии науки Факультета истории, мировой политики и социологии ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»

Ильин Алексей Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, директор Тамбовского филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

Налетова Ирина Владимировна, доктор философских наук, профессор, проректор по учебной работе ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»

Безукладова Ирина Юрьевна, доктор филологических наук, доцент, начальник Управления международных связей по работе с иностранными студентами ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»

Хворова Людмила Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка Факультета филологии и журналистики ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»

Сорокина Наталия Владимировна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, журналистики Факультета филологии и журналистики ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»

Протоиерей Виктор Лисюнин, кандидат богословия, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой церковной истории Тамбовской духовной семинарии

Диакон Антоний Дик, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой теологии ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина», старший преподаватель кафедры церковной истории Тамбовской духовной семинарии

Орлова Вера Дмитриевна, кандидат исторических наук, доцент, старший преподаватель кафедры церковной истории Тамбовской духовной семинарии

Игумен Пимен (Семилетов), кандидат богословия, старший преподаватель кафедры богословия, библеистики и философии Тамбовской духовной семинарии

EDITORS OF THE JOURNAL

Editor-in-Chief	Feodosy (Vasnev), Metropolitan of Tambov and Rasskazovo, Doctor of Theology, Rector of Tambov Theological Seminary
Deputy Editor-in-Chief	Elena V. Grudinina, PhD in Philology, Vice-rector for Research Tambov Theological Seminary
Editorial Assistant (Secretary)	Svetlana V. Filippova, PhD in Philology, Head of the Extramural Studies Division, Head of the Philology Department Tambov Theological Seminary

EDITORIAL BOARD

Vitaly Shcherbakov, Priest, Master of Religion Studis, First Vice-Rector, Tambov Theological Seminary

Inna V. Allenova, PhD in History, Vice-Rector for Academic Affairs, Tambov Theological Seminary

Petr N. Evtikhiev, PhD in Pedagogy Associate Professor Head of the Church and Practical Department Tambov Theological Seminary

Tatiana V. Ryakhovskaya, PhD in Philosophy, Head of the Theology Department, Tambov Theological Seminary

Yuri A. Zusman, PhD in Pedagogy, Associate Professor, Tambov Theological Seminary

Svetlana V. Bulygina, Head of the Library Tambov Theological Seminary

EDITORIAL COUNCIL

Feodosy (Vasnev), Metropolitan of Tambov and Rasskazovo, Doctor of Theology, Rector of Tambov Theological Seminary

Kliment (Kapalin), Metropolitan of Kaluga and Borovsk, Doctor of History, PhD in Theology, Chairman of the Publishing Council of the Russian Orthodox Church, Rector of Kaluga Theological Seminary

Nikolai V. Medvedev, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Methodology of Science, Faculty of History, World Politics and Sociology, Derzhavin Tambov State University

Aleksei Yu. Ilin, Doctor of History, Professor, Director of Tambov Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Irina V. Naletova, Doctor of Philosophy, Professor, Vice-Rector for Academic Affairs, Derzhavin Tambov State University

Irina Yu. Bezukladova, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the International Relations Department, Derzhavin Tambov State University

Lyudmila Ye. Khvorova, Doctor of Philology, Professor, Head of the Russian Language Department, Faculty of Philology and Journalism, Derzhavin Tambov State University

Natalia V. Sorokina, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian and World Literature, Journalism; Faculty of Philology and Journalism, Derzhavin Tambov State University

Viktor Lisyunin, Archpriest, PhD in Theology, PhD in History Head of the History Department, Tambov Theological Seminary

Antony Dik, Deacon, PhD in History, Associate Professor, Head of the Theological Department, Derzhavin Tambov State University

Vera D. Orlova, PhD in History, Associate Professor, Church History Department, Tambov Theological Seminary

Pimen (Semiletov), Hegumen, PhD in Theology, Associate Professor, Department of Theology Tambov Theological Seminary

СОДЕРЖАНИЕ

Богословие и философия

Священник Виталий Щербаков

Взгляд на путь развития России: генезис проблемы (на основании историко-философского спора западников и славянофилов)..... 14

Иеромонах Паисий (Буй)

Понятие нравственного чувства в контексте православной антропологии 27

Священник Алексей Злобин

Богословский аспект огласительной подготовки перед таинством Крещения 34

Ряховская Татьяна Викторовна

Сомнение как условие существования феномена веры 42

История Церкви

Протоиерей Виктор Лисюнин

Архив семьи главного хирурга эвакогоспиталей Тамбовского облздравотдела Т.М. Гроздова как источник изучения темы служения святителя Луки (Войно-Ясенецкого) на Тамбовской земле в годы Великой Отечественной войны..... 56

Протоиерей Владимир Сергунин

Духовные уроки испытания войной (к истории православного духовенства и паствы Тамбовской епархии в 40-е годы XX века) 69

Игумен Пимен (Семилетов)

Подвижники благочестия монастырей Тамбовской епархии во второй половине XIX – начале XX века 80

Священник Александр Неплюев

Государство и Церковь в годы Великой Отечественной войны..... 98

Орлова Вера Дмитриевна

Некоторые источниковедческие проблемы тамбовского церковного краеведения: из опыта научного руководства дипломными работами студентов Тамбовской духовной семинарии..... 105

*Православная педагогика и антропология***Алленова Инна Викторовна**

Идеал воспитания в аристократических христианских семьях ранней Византии..... 118

Евтихий Петр Николаевич

Воспитательная система Екатерины II в контексте современной образовательной парадигмы 129

Диакон Антоний Дик

Условия формирования духовного мира русской студенческой молодежи в эмиграции 1920–1930-х годов..... 144

*Филология***Митрополит Тамбовский и Рассказовский Феодосий (Васнев)**

Публикации трудов святителя Феофана Затворника в «Тамбовских епархиальных ведомостях» 156

Грудинина Елена Валерьевна

Метаморфозы любви в рассказе А.И. Куприна «Гранатовый браслет» 173

Священник Михаил Липунцов

Проблемы изображения представителей духовенства в творчестве И.С. Тургенева..... 188

Филиппова Светлана Викторовна

Многогранность жанра романа С.П. Залыгина «Комиссия» 197

Список сокращений 210

 CONTENTS
*Theology and Philosophy***Vitaly Shcherbakov, Priest**

A look at the path of development of Russia: the genesis of the problem (based on historical and philosophical dispute between Westerners and Slavophiles) 14

Paisy (Bui), Hieromonk

The concept of moral feeling in the context of Orthodox anthropology 27

Aleksy Zlobin, Priest

The theological aspect of catechetical preparation before the Sacrament of Baptism 34

Tatiana V. Ryakhovskaya

Doubt as a condition for the existence of the phenomenon of faith 42

*History of the Church***Viktor Lisyunin, Archpriest**

The archive of the family of the chief surgeon of evacuation hospitals of the Tambov regional health department T.M. Grozdov as a source for studying the theme of the ministry of St. Luke (Voino-Yasenetsky) in the Tambov land during the Great Patriotic War 56

Vladimir Sergunin, Archpriest

Spiritual lessons of the test of war (on the history of the Orthodox clergy and flock of the Tambov diocese in the 1940s)..... 69

Pimen (Semiletov), Hegumen

Devotees of piety in the monasteries of the Tambov Diocese in the second half of the 19th – early 20th centuries 80

Aleksandr Neplyuev, Priest

The State and the Church during the Great Patriotic War 98

Vera D. Orlova

Some source study problems of the Tambov church local history:
based on the experience of academic advising of graduation works
of the Tambov Theological Seminary students..... 105

*Orthodox Pedagogy and Anthropology***Inna V. Allenova**

The ideal of upbringing in aristocratic Christian
families in early Byzantium 118

Petr N. Evtikhiev

The educational system of Catherine II in the context
of the modern educational paradigm 129

Antony Dik, Deacon

Conditions for the formation of the spiritual world of Russian
student youth in emigration in the 1920s – 1930s 144

*Philology***Feodosy (Vasnev), Metropolitan of Tambov and Rasskazovo**

Publications of the writings by St. Theophan the Recluse
in the Tambov Diocese Gazette..... 156

Elena V. Grudinina

Metamorphoses of love in the short novel by A.I. Kuprin
The Garnet Bracelet..... 173

Mikhail I. Lipuntsov, Priest

Issues of depicting clergy in I.S. Turgenev's creative works 188

Svetlana V. Filippova

The versatility of genre in S.P. Zalygin's novel Commission 197

List of abbreviations 210

**БОГОСЛОВИЕ
И ФИЛОСОФИЯ**

УДК 130.2; 93/94

**ВЗГЛЯД НА ПУТЬ РАЗВИТИЯ РОССИИ:
ГЕНЕЗИС ПРОБЛЕМЫ
(НА ОСНОВАНИИ ИСТОРИКО-
ФИЛОСОФСКОГО СПОРА
ЗАПАДНИКОВ И СЛАВЯНОФИЛОВ)**

Священник Виталий Юрьевич Щербаков
магистр религиоведения, первый
проректор Тамбовской духовной
семинарии, доцент кафедры теологии,
аспирант кафедры философии
и методологии науки
ТГУ им. Г.Р. Державина
E-mail: vitl.78@mail.ru

Для цитирования: *Щербаков, В.Ю., свящ.* Взгляд на путь развития России: генезис проблемы (на основании историко-философского спора западников и славянофилов) // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. – Тамбов, 2020. – № 1 (10). – С. 14–26.

Аннотация

В данной статье представлен анализ причин идейного размежевания представителей «раннего» западничества (П.А. Чаадаев) и славянофильства (А.С. Хомяков, И.В. Киреевский) в вопросах исторического пути России. Автор прослеживает влияние данной полемики на развитие философской мысли России в XIX – начале XX века, а также устанавливает историко-философские связи концепций западников и славянофилов с современной дискуссией о направлении политического и социокультурного развития нашей страны.

Ключевые слова: западники; славянофилы; «философические письма»; историческая традиция; западное христианство; Православие; самобытность; симфония властей; общечеловеческие ценности; размежевание.

Проблема выбора вектора развития возникает в истории любого государства в переломные моменты его существования. Не является исключением и Россия, чья самобытность неоднократно

сталкивалась с вопросом: с кем быть – с Западом или Востоком? Решать эту дилемму приходилось князьям Владимиру Крестителю, Александру Невскому, Василию Темному, правителям Смутного времени. Казалось, точка была поставлена в начале XVIII века Петром I, когда волей императора национальная культура была объявлена архаичной и не соответствующей духу времени, и в сферах политической, культурной, образовательной, военной и, отчасти, духовной были введены «западные стандарты».

Реформы, безусловно, необходимые для достижения стратегических целей: возвращения ранее утраченных русских земель и в целом поднятия престижа Российского государства на международной арене, – в итоге привели к уничтожению собственного культурного, нравственного и духовного наследия, что в значительной мере способствовало, де-юре, ужесточению крепостного права, закреплению значительных привилегий дворянского сословия и, де-факто, к неограниченной власти дворянства над крестьянским сословием, составляющим подавляющее большинство населения.

При преемниках Петра, продолжавших государственное реформирование в определенном им направлении, движение в сторону западной цивилизации только усилилось. Западная мысль была возведена в абсолютный идеал, и на этой почве произошел объективный разрыв в культурно-исторической традиции между образованным меньшинством, пропагандировавшим эти идеи, и этноконфессиональным большинством, не принимавшим их.

Переломным этапом, заставившим русскую мысль вернуться к вопросу о собственном пути развития в первой половине XIX века, следует назвать Отечественную войну 1812 года и заграничные походы русской армии 1813–1814 гг. Эти события совпали с возрождением духовной жизни в России: активным восстановлением ранее закрытых и открытием новых монастырей, развитием действующих обителей, изучением истории становления русского монашества, его влияния на деятельность государства, а также с развитием отечественной богословской мысли.

В названный период с особой остротой встал вопрос о наличии либо отсутствии у России собственных исторических традиций. Ответом на него стали «Философические письма», автором которых был представитель старинной дворянской семьи, философ и публицист П.Я. Чаадаев, воспитанный на идеях европейско-

го Просвещения и ставший основателем движения западников. В период с 1828 по 1830 год в светских гостиных происходило обсуждение его трактата. Вопросы исторического развития России, ее обычаев и нравов, поднятые в данном сочинении, вызвали неоднозначную реакцию и нашли как своих сторонников, так и противников среди интеллектуальной элиты.

История развития государства Российского была представлена Чаадаевым исключительно в мрачных тонах, он описывал ее следующим образом: «...Сначала дикое варварство, затем грубое суеверие, далее иноземное владычество, жестокое и унижительное, дух которого национальная власть впоследствии унаследовала, – вот печальная история нашей юности. Поры бьющей через край деятельности, кипучей игры нравственных сил народа – ничего подобного у нас не было... Никаких чарующих воспоминаний, никаких пленительных образов в памяти, никаких действенных наставлений в национальной традиции. Окиньте взором все прожитые века, все занятые нами пространства, и Вы не найдете ни одного приковывающего к себе воспоминания, ни одного почтенного памятника, который бы властно говорил о прошедшем и рисовал его живо и картинно. Мы живем лишь в самом ограниченном настоящем без прошедшего и без будущего, среди плоского застоя» [8].

Один из главных тезисов, выдвинутых П.А. Чаадаевым, – отрицание наличия у России, в отличие от западных стран, собственных исторических традиций, следствием чего явилось «отсутствие каких-либо общих идей и закономерностей развития» [5, с. 96]. В обоснование своей позиции Чаадаев писал, что «...одна из самых прискорбных особенностей нашей своеобразной цивилизации состоит в том, что мы все еще открываем истины, ставшие избитыми в других странах и даже у народов, гораздо более нас отсталых. Дело в том, что мы никогда не шли вместе с другими народами, мы не принадлежим ни к одному из известных семейств человеческого рода, ни к Западу, ни к Востоку, и не имеем традиций ни того, ни другого» [8]. И поскольку нет прошлого и будущего, поскольку во всем застой, поскольку мы не имеем отношения к иным цивилизациям, а соответственно, и к их традициям, тогда у России нет и «внутреннего развития, естественного прогресса; прежние идеи выметаются новыми, потому что последние не происходят из первых, а появляются у нас неизвестно откуда» [8].

Из сказанного следует вполне логичный пессимистический вывод, что «начиная с самых первых мгновений нашего социального существования, от нас не вышло ничего пригодного для общего блага людей, ни одна полезная мысль не дала ростка на бесплодной почве нашей родины, ни одна великая истина не была выдвинута из нашей среды; мы не дали себе труда ничего создать в области воображения и из того, что создано воображением других, мы заимствовали одну лишь обманчивую внешность и бесполезную роскошь... мы принесли с собой одни только дурные идеи и губительные заблуждения» [8].

Что же или кто же виноват в произошедшем с Россией, какое историческое событие отбросило нас от «братства цивилизованных народов» на периферию истории, в результате чего мы стали некими изгоями в среде других народов Земли? П.Я. Чаадаев дает однозначный ответ: виной всему принятие Православия, ибо «в то время, когда среди борьбы между исполненным силы варварством народов Севера и возвышенной мыслью религии воздвигалось здание современной цивилизации, что делали мы? По воле роковой судьбы мы обратились за нравственным учением, которое должно было нас воспитать, к растленной Византии, к предмету глубокого презрения этих народов» [8].

«Философические письма» П.Я. Чаадаева не могли не вызвать обратной реакции со стороны сторонников национальной самоидентичности и явились основной причиной возникновения движения славянофилов.

В 1836 году А.С. Хомяков написал трактат «Несколько слов о „Философическом письме“», в котором были сформулированы основные постулаты славянофильства. Апеллируя к высказываниям Чаадаева об открытиях, связанных с формированием европейской мысли, он отметил, что «они относятся только к открытиям, касающимся до совершенствования вещественной жизни, а не духовной» [6]. Следовательно, по мнению Хомякова, «мы не отстали в этом отношении от других просвещенных народов. Что же касается до условных форм общественной жизни, то пусть опыты совершаются не над нами; можно жить мудро чужими опытами; зачем нам вдаваться в крайности: испытывать страсть сердца, как во Франции, охлаждаться преобладанием ума, как Англия; пусть одна перегорает, а другая стынет. Одна от излишних усилий может нажить аневризм, а другая от излишней полноты – паралич. Русские же, при

крепком своем сложении, умеренной жизнью могут достигнуть до маститых веков существования, предназначенного народам» [6].

Открыто полемизируя с Чаадаевым относительно исторических традиций России, А.С. Хомяков обвинил автора «Философических писем» в том, что он «не потрудился развертывать той метрической книги, в которой записано и наше рождение в числе прочих законнорожденных народов ... Он, верно, не видел записи и межевого плана земли, где отмечено родовое имение славян и руссов, – отмечено на своем родном языке, а не на наречии! Если бы мы не жили мощными впечатлениями времен прошедших, мы не гордились бы своим именем, мы бы не смели свергнуть с себя иго монголов, поклонились бы давно власти какого-нибудь Сикста V или Наполеона, признали бы между адом и раем чистилище и, наконец, давно бы обратились уже в ханжей, следующих правилу «несть зла в прегрешении тайном» [6].

На вопрос Чаадаева: «Что делали мы в то время, когда в жестокой борьбе варварства северных народов с высокой мыслию религии возникало величественное здание нового образования?» – Хомяков однозначно ответил, что «мы принимали от умирающей Греции святое наследие, символ искупления, и учились слову, мы отстаивали его от нашествия Корана и не отдали во власть Папы, сохраняли непорочную голубицу, перелетавшую из Византии на берега Днепра и припавшую на грудь Владимира» [6]. А причину появления мнения, «будто Россия не имеет ни историй, ни преданий», он видел в том, что «надо знать только историю салонов, чтоб быть до такой степени несправедливым» [6]. Таким образом, А.С. Хомяков подчеркнул неразрывную связь исторического бытия русского народа с Православием как основным источником собственных национальных традиций и уклада жизни.

Вместе с тем А.С. Хомяков не идеализировал прошлое России. В статье «О старом и новом» он говорил об исторических проблемах России как Киевского, так и Владимирского великокняжеских периодов, когда правители так и не смогли объединить удельные княжества в единое государство, что впоследствии осуществили московские династии – Рюриковичи и Романовы. Он указывал на крепостное право, на злоупотребления дворянства по отношению к крестьянам как на несомненное зло. Но, несмотря на указанные негативные стороны русской жизни, свою статью он закончил сле-

дующими словами: «При всем том перед Западом мы имеем выгоды неисчислимы. На нашей первоначальной истории не лежит пятно завоевания. Кровь и вражда не служили основанием государству русскому, и деда не завещали внукам преданий ненависти и мщения. Церковь, ограничив круг своего действия, никогда не утрачивала чистоты своей жизни внутренней и не проповедовала детям своим уроков неправосудия и насилия» [7].

Вместе с тем большинство славянофилов не отрицало позитивных европейских тенденций, в частности, демократизации общества, выступало за разумное заимствование положительного западного опыта. Так, А.С. Хомяков писал: «Теперь, когда эпоха создания государственного кончилась, когда связались колоссальные массы в одно целое, несокрушимое для внешней вражды, настало для нас время понимать, что человек достигает своей нравственной цели только в обществе, где силы каждого принадлежат всем и силы всех каждому. Таким образом, мы будем подвигаться вперед смело и безошибочно, занимая случайные открытия Запада, но придавая им смысл более глубокий или открывая в них те человеческие начала, которые для Запада остались тайными, спрашивая у истории церкви и законов ее – светил путеводительных для будущего нашего развития. <...> Тогда, в просвещенных и стройных размерах, в оригинальной красоте общества, соединяющего патриархальность быта областного с глубоким смыслом государства, представляющего нравственное и христианское лицо, воскреснет древняя Русь, но уже сознающая себя, а не случайная, полная сил живых и органических, а не колеблющаяся вечно между бытием и смертью» [7].

И.В. Киреевский в ответе А.С. Хомякову указывал на христианство как некое объединяющее начало Запада и России. При этом он отмечал абсолютно разное понимание религиозного смысла народами, исповедующими Католичество и Православие. Различие это, по его мнению, заключается в особенном направлении просвещения, в особенном смысле частного и народного быта [4]. Если на Западе «каждый индивидуум – частный человек, рыцарь, князь или город внутри своих прав есть лицо самовластное, неограниченное, само себе дающее законы», то в России наблюдается иное общественное устройство, выраженное в том, что «человек принадлежит миру, мир – ему», что приводит к «праву владения лицом чем-либо настолько, насколько оно входит в общество» [4].

Идеи, высказанные П.Я. Чаадаевым, с одной стороны, и А.С. Хомяковым, И.В. Киреевским, с другой стороны, не могли не найти своих сторонников и противников, и в конце 30-х – начале 40-х годов XIX века вокруг них сложились кружки единомышленников, впоследствии названные западниками и славянофилами.

Сторонниками славянофильства являлись А.С. Хомяков, братья И.В. и П.В. Киреевские, братья К.С. и И.С. Аксаковы, Ю.Ф. Самарин, А.И. Кошелев, В.А. Черкасский. Эти замечательно образованные представители дворянства поддерживали мысль о самобытном развитии России, основанном на византийской теории симфонии светской и религиозных властей, совместно формирующих высшие духовные ценности. Вместе с тем славянофилы не призывали отбросить Россию назад, к допетровским временам. Они не отрицали достижений современной им западноевропейской цивилизации, но считали необходимым интегрировать их в российскую действительность, не нарушая национальных устоев и традиций, главными из которых считали общинное начало жизни и принцип соборности. В их понимании русский народ со времени принятия Православия являлся носителем основополагающих христианских идей: возвышения человеческого духа через любовь к Богу и ближнему. Опровергая мысль Чаадаева о Православии как о некоем зле для России, мешающем ей преобразоваться и интегрироваться в западный мир, славянофилы развивали идею нравственного совершенствования народа и приобретения таким образом духовной свободы.

Основными негативными чертами российской действительности славянофилы, как и западники, считали крепостное право и деспотизм аристократии. Но, в отличие от П.Я. Чаадаева и его последователей, они говорили о собственном пути развития России, отличном от Запада и Востока, а также указывали на невозможность прямого повторения положительного исторического опыта предшествующих эпох для современного им периода развития государства и общества. В целом становление взглядов славянофилов завершилось к 1845 году, после опубликования в журнале «Москвитянин» их основных статей.

В противоположность славянофилам западники поддерживали идею Чаадаева об отсутствии собственного исторического пути развития России. Говоря о наднациональном характере общечеловеческих ценностей, они безоговорочно признавали возможность

единства человеческой цивилизации во главе с Западной Европой, а цель бытия России видели в присоединении к ней путем цивилизационного слияния.

Окончательно кружок западников сложился к 1841–1842 годам, и в нем выделялось два направления. Представителями либерального направления являлись П.В. Анненков, В.П. Боткин, Н.Х. Кетчер, В.Ф. Корш; главным идеологом радикального направления был В.Г. Белинский. Позицию западников также разделяли историки Т.Н. Грановский и С.М. Соловьев, правоведы М.П. Катков и К. Д. Кавелин, филолог Ф.И. Буслаев, писатели И.С. Тургенев, И.И. Панаев, И.А. Гончаров, Н.А. Некрасов. Свои взгляды они выражали в журналах «Отечественные записки», «Московский наблюдатель», «Московские ведомости», «Русский вестник».

Безусловно, главной межевой чертой, разделявшей славянофилов и западников, являлся вопрос о выборе пути развития России. Первым он представлялся самобытным, основанным на духовных традициях Православия, вторым – построенным по подобию западной цивилизации.

Вместе с тем, с точки зрения объективного применения идей западников и славянофилов в российской действительности середины XIX века, этот спор носил скорее теоретико-философский характер, что осознавали сами противоборствующие стороны. Так, представитель западничества Б.Н. Чичерин писал: «...Я пламенно любил отечество и был искренним сыном Православной Церкви... Но меня хотели уверить, что весь верхний слой русского общества, подчинившийся влиянию петровских преобразований, презирает все русское и слепо поклоняется всему иностранному, что, может быть, и встречалось в некоторых петербургских гостиных, но чего я, живя внутри России, от роду не видал... Вне московских салонов русская жизнь и европейское образование преспокойно уживались рядом; и между ними не оказывалось никакого противоречия; напротив, успехи одного были чистым выигрышем для другого» [3].

Несмотря на противоположные идейные полюсы, по мнению доктора философских наук, профессора К.М. Антонова, «...в течение долгого времени никакого размежевания не происходило, поскольку общие ценности свободы мысли и творчества, общее противостояние деструктивным тенденциям и силам были в это время особенно

сильны» [1, с. 134]. Началом расхождения, как он полагает, является смерть А.С. Пушкина, которая «внесла в свободную русскую литературу момент дезориентации уже тем, что эта литература лишилась своего признанного лидера» [1, с. 134]. С этого момента на горизонте русской литературы появляются «ученики» П.Я. Чаадаева – Герцен и Грановский, которые «принесли с собой значительный заряд резко отрицательного отношения и к режиму, и к той культуре, которая сделала возможным его появление..., что привело к теоретическому (в начале), а затем и бытовому и организационному размежеванию западников и славянофилов» [1, с. 134].

Мнения о том, что на этапе становления обоих направлений принципиального разделения между ними не было, придерживался и доктор философии Оксфордского университета Н.М. Зернов, писавший, что «на первых порах оба лагеря, испытывавшие влияние немецкого идеализма, во многом были близки друг другу, но постепенно трещина между ними углублялась, пока, наконец, дело не дошло до открытой вражды... Западники со временем отказались от философского идеализма и превратились в революционеров-атеистов. Славянофильство претерпело меньшие изменения, пока не было прибрано к рукам во второй половине XIX века людьми..., проповедовавшими ярый национализм под маркой славянофильства» [2, с. 131–132].

Не могли не сыграть свою роль в углублении разрыва и стихотворения поэта-славянофила Н.М. Языкова «К Чаадаеву» и «К не нашим», про которые сам автор говорил, что они «разделили то, что не должно было быть вместе, отделили овец от козлищ, польза большая!.. Едва ли можно называть духом партии действие, какое бы оно ни было, противу тех, которые хотят доказать, что они имеют не только право, но и обязанность презирать народ русский, и доказать тем, что в нем много порчи, тогда как эту порчу родило, воспитало и еще родит и воспитывает именно то, что они называют своим убеждением!» [9]. Последовавшие затем ответы западников Н.А. Некрасова, В.Г. Белинского и А.И. Герцена усилили взаимную антипатию сторон.

Выдвинутые славянофилами и западниками в начале XIX века идеи вызвали напряженную работу мысли русского общества, оказав огромное влияние как на развитие религиозно-философских направлений, так и формирование общественно-политических взглядов. Несмотря на разность во взглядах, наличие личных предубеждений, можно сделать вывод, что и западники, и славянофилы

были обеспокоены за будущее России и желали ей только благополучия. Оба противоборствующих лагеря были патриотами и «любили Россию: славянофилы, как мать, западники, как дитя» [9].

Различное понимание истории своей страны, направлений ее развития в будущем, явившееся основанием противостояния славянофилов и западников, и в настоящее время не позволяет дать однозначный ответ на вопрос, на чьей стороне правда. Рассуждая о выборе пути для России, и славянофилы, и западники говорили только о русском народе, не учитывая, что уже несколько столетий их Родина была многонациональна и многоконфессиональна, а историю и проблемы представителей других народов и религий, проживавших на территории империи, они не знали и не проявляли к ним интереса. В связи с этим «мечтательный элемент» [9], в равной степени присущий славянофилам и западникам, не позволяет использовать их взгляды в качестве основы социально-политической концепции развития России на современном этапе.

Список литературы

1. Антонов, К.М. Философия И.В. Киреевского : антропол. аспект. / К.М. Антонов. – Москва : Изд-во ПСТГУ, 2006. – 240 с.

2. Зернов, Н.М. Три русских пророка: Хомяков, Достоевский, Соловьев. – Санкт-Петербург : Рус. симфония, 2010. – 408 с.

3. Кара-Мурза, А. Борис Николаевич Чичерин в Генуе / Алексей Кара-Мурза // Фонд «Русское либеральное наследие» : [официальный сайт]. URL: http://rusliberal.ru/books/anons_CNicherin_i_Genuya.pdf (дата обращения: 28.01.2020).

4. Киреевский, И.В. В ответ А.С. Хомякову / И.В. Киреевский // Полное собрание сочинений : в 2 т. / И.В. Киреевский. – Москва : Тип. П. Бахметева, 1861. – Т. 1. – С. 188–200. – URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=130323> (дата обращения: 18.02.2020). – Режим доступа: по подписке.

5. Смирнова, З.В. Русская мысль первой половины XIX века и проблема исторической традиции : (Чаадаев, славянофилы, Герцен) / З.В. Смирнова // *Вопр. философии.* – 1995. – № 9. – С. 95–106.

6. Хомяков, А.С. Несколько слов о «Философическом письме», напечатанном в 15 книжке «Телескопа» : (письмо к г-же Н.) /

А.С. Хомяков. – Москва : Директ-Медиа, 2012. – 10 с. – URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=97384> (дата обращения: 12.02.2020). – Режим доступа: по подписке.

7. Хомяков, А.С. О старом и новом / Хомяков А.С. // Полное собрание сочинений Алексея Степановича Хомякова : в 8 т. / Хомяков А.С. – Москва : Унив. тип., 1900. – Т. 3. – С. 11–29. – URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=52480> (дата обращения: 06.02.2020). – Режим доступа: по подписке.

8. Чаадаев, П.Я. Философические письма : сборник / П.Я. Чаадаев. – Москва : Директ-Медиа, 2016. – 829 с. – URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=436261> (дата обращения: 26.12.2019). – Режим доступа: по подписке.

9. Языков Николай Михайлович // Википедия : свобод. энцикл. : сайт. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Языков,_Николай_Михайлович (дата обращения: 12.02.2020).

UDC 130.2; 93/94

A LOOK AT THE PATH OF DEVELOPMENT OF RUSSIA: THE GENESIS OF THE PROBLEM

**(based on historical and philosophical
dispute between Westerners and Slavophiles)**

Vitaly Yu. Shcherbakov, Priest
Master of Religious Studies,
First Vice-rector
Tambov Theological Seminary,
Associate Professor of Theology,
Post-graduate Student
Department of Philosophy and
Methodology of Science
Derzhavin Tambov State University
E-mail: vitl.78@mail.ru

For citation: *Shcherbakov, V.Yu., priest.* A look at the path of development of Russia: the genesis of the problem (based on historical and philosophical

dispute between Westerners and Slavophiles) // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. Tambov, 2020, no. 1 (10), pp. 14–26. (in Russian)

Abstract

This article presents an analysis of the reasons for the ideological separation of representatives of «early» Westernism (P. A. Chaadaev) and Slavophilism (A. S. Khomyakov, I. V. Kireevsky) in the issues of the historical path of Russia. The author traces the influence of this controversy on the development of Russian philosophical thought in the 19th – early 20th centuries, and also establishes historical and philosophical connections between the concepts of Westerners and Slavophiles with the modern discussion about the direction of political and socio-cultural development of our country.

Keywords: Westerners; Slavophiles; «philosophical letters»; historical tradition; Western Christianity; Orthodoxy; identity; Symphony of authorities; universal values; division.

References

1. *Antonov, K.M.* *Filosofiya I.V. Kireevskogo : antropologicheskii aspect [I.V. Kireevsky Philosophy: anthropological aspect].* / K.M. Antonov. Moscow: Publishing house of PSTGU, 2006. 240 p. (in Russian)

2. *Zernov, N.M.* *Tri russkikh proroka: Khomyakov, Dostoevsky, Soloviev [Three Russian prophets: Khomyakov, Dostoevsky, Soloviev].* St. Petersburg: Russian Symphony, 2010. 408 p. (in Russian)

3. *Kara-Murza, A.* *Boris Nikolaevich Chicherin v Genue [Boris Nikolaevich Chicherin in Genoa] / Alexei Kara-Murza // Foundation «Russian Liberal Heritage»: [official website] (in Russian).* Available at: http://rusliberal.ru/books/anons_CHicherin_i_Genuya.pdf (Accessed: 28.01.2020).

4. *Kireevsky, I.V.* *V otvet A.S. Khomyakovu [In response to A.S. Khomyakov].* / I.V. Kireevsky // *Complete Works: in 2 volumes / I.V. Kireevsky.* Moscow: P. Bakhmetev printing house, 1861, vol. 1, pp. 188–200. (in Russian). Available at: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=130323> (Accessed: 18.02.2020).

5. *Smirnova, Z.V.* *Russkaya mysl' pervoi poloviny 19 veka i problema istoricheskoi traditsii : (Chaadaev, slavyanofily, Gertsen)*

[Russian thought of the first half of the 19th century and the problem of historical tradition: (Chaadaev, Slavophiles, Herzen)]. / Z.V. Smirnova // Issues of philosophy. 1995, no. 9, pp. 95–106. (in Russian)

6. *Khomyakov, A.S.* Neskol'ko slov o «Filosoficheskom pis'me», napechatannom v 15 knizhke «Teleskopa» : pis'mo k zhene N.) [A few words about the «Philosophical Letter» published in the 15th book of the «Telescope»: (a letter to wife N.)]. / A.S. Khomyakov. – Moscow: Direct Media, 2012. 10 p. (in Russian). Available at: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=97384> (Accessed: 12.02.2020).

7. *Khomyakov, A.S.* O starom i novom [About old and new]. / Khomyakov A.S. // Complete works of Alexei Stepanovich Khomyakov: in 8 volumes / A. Khomyakov – Moscow: University publishing house, 1900, vol. 3. pp. 11–29. (in Russian). Available at: <http://biblioclub.ru/index.php?Page=book&id=52480> (Accessed: 06.02.2020).

8. *Chaadaev, P.Ya.* Filosoficheskie pis'ma : sbornik]. [Philosophical letters: collection]. / P.Ya. Chaadaev. Moscow: Direct Media, 2016. 829 p. (in Russian). Available at: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=436261> (Accessed: 26.12.2019).

9. Yazykov Nikolai Mikhailovich [Yazykov Nikolai Mikhailovich]. // Wikipedia: free encyclopedia website. (in Russian)

УДК 248.152

ПОНЯТИЕ ПРАВСТВЕННОГО ЧУВСТВА В КОНТЕКСТЕ ПРАВОСЛАВНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Иеромонах Паисий

(Буй Сергей Игоревич)

магистр богословия, проректор
по воспитательной работе Тамбовской
духовной семинарии

E-mail: ppaisios@mail.ru

Для цитирования: *Паисий (Буй), иером.* Понятие нравственного чувства в контексте православной антропологии // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. – Тамбов, 2020. – № 1 (10). – С. 27–34.

Аннотация

В статье рассматривается понятие нравственного чувства как главной силы человеческого духа. Среди всех естественных человеческих потребностей нравственная потребность выполняет особую роль – оценивает их. Особый акцент делается на понятиях потребности и желания и их взаимосвязи в ситуации нравственного выбора личности. Нравственное чувство является основой нравственного сознания человека, именуемого совестью.

Ключевые слова: нравственность; совесть; нравственное чувство; образ Божий; антропология; дух; душа; личность; потребность; желание.

Православная антропология рассматривает человека как существо, бытие которого протекает одновременно в трех измерениях: духовном, душевном и телесном. Это одинаково справедливо как для его земной жизни, так и для вечной. Человек является в полном смысле этого слова человеком только тогда, когда он обладает тремя составляющими своей природы: духом, душой и телом.

Одним из важнейших положений православной антропологии является учение о сотворении человека по образу Божию. При этом образ Божий в человеке не есть некое статическое состоя-

ние, но постоянно действующая сила. Этот принципиальный момент православного богословия говорит о том, что в человеке от природы, то есть онтологически, действует сила, влекущая его к своему Первообразу – Богу. Святые отцы эту силу называют духом. Святитель Феофан Затворник пишет: «Дух, как сила, от Бога исшедшая, ведает Бога, ищет Бога и в Нем одном находит покой» [4, с. 27]. Дух человека, стремящийся к Богу, является той изначальной, естественной потребностью человеческой природы, которая задает импульс всей его внутренней жизни. Эта сила может ослабляться, искажаться, превратно пониматься, но она в человеке неискоренима, так как неискореним образ Божий.

Святоотеческая литература достаточно ярко свидетельствует о наличии в человеческой природе изначально заданного духовного импульса. Преподобный Максим Исповедник пишет: «Бог, создавший человеческое естество, вместе с дарованием ему по воле Своей бытия, сочетал с ним и силу исполнять достоподобное; под силою же сею разумею существенно *в естество* наше *вложенное* движение (*влечение*) к совершению добродетелей, которое сознательно проявляется на деле по воле того, кто имеет его» [1, с. 260–261]. Преподобный Макарий Великий также отмечает, что Бог сотворил душу человека «по образу добродетели Духа, вложил в нее законы добродетелей» [5, с. 150]. Эти и другие подобные высказывания святых отцов показывают, что человек, появляясь на свет, не является нравственно нейтральным. С самого рождения человеческая душа, в высшем своем проявлении – духе, является носителем особенного свойства – Образа своего Творца – Бога. Следовательно, Образ Божий есть *онтологический принцип* человеческого бытия.

Для дальнейшего рассуждения нам необходимо ввести в оборот два понятия: *потребность* и *желание*. *Потребность* есть «естественное стремление человека восполнить ограниченность своей природы», а *желание* – это «потребность осмысленная и конкретизированная в объекте» [3, с. 60–61]. То есть потребность или, как это называют святые отцы, *естественная воля*, представляет собой исходный пункт всей эмоционально-потребностной сферы бытия человека. Потребности определяют и выражают природу человека. *Желание* же является осознанным (но не всегда правильно оцененным) выбором конкретного способа удовле-

ния той или иной потребности. Потребность и желание являются двумя ступенями одного процесса внутренней жизни человека, потребность выражает природный уровень, а желание – личный. Например, когда человек почувствовал голод, – это явление природного уровня (*естественная воля*), которое не зависит от его желания. Когда же человек думает о том, как конкретно утолить голод, в этот момент актуализируется его *личная воля*, результат выбора которой определяется нравственными установками уже самого человека.

Образ Божий, будучи достоянием природы человека, проявляет себя как *нравственная потребность*. Всякий раз, когда человек чувствует, что ему необходимо сравнить свой личный поступок с неким идеалом, он переживает нравственную потребность. Это явление не требует логических доказательств – каждый человек в той или иной степени переживал потребность в нравственной оценке своих поступков.

Нравственная потребность есть стремление богообразной природы человека соответствовать своему Первообразу – Богу, поэтому стремление к богоподобию есть естественная потребность человека. В сознании человека нравственная потребность выражается в форме *чувства*, но *нравственное чувство* действует особенным образом. Раздражителем любого другого чувства человека: слуха, зрения, обоняния, осязания, вкуса – является какой-либо внешний предмет. Нравственное же чувство активизируется по причине всякого *свободного* намерения или действия человека и выполняет функцию их оценки. Таким образом, нравственное чувство есть «непосредственная, произвольная и субъективно-индивидуальная оценка произвольных намерений, или действий воли, поскольку она проявляется в этих конкретных намерениях и действиях» [6, с. 48]. Нравственное чувство действует всегда: оно либо удовлетворено и дает человеку состояние покоя, либо возбуждено недостойным действием и приводит человека в состояние внутреннего смятения.

Естественное нравственное чувство является импульсом, приводящим в движение жизнь человека на всех трех уровнях: духовном, душевном и телесном. Разум человека в течение всей жизни, анализируя опыт переживания одобрения или порицания со стороны нравственного чувства, формулирует правила нравствен-

ного поведения. Наиболее драматично это происходит в детском возрасте, когда ребенок активно накапливает опыт переживания своих нравственных и безнравственных поступков. К этому его личному внутреннему опыту прибавляется еще оценка его поступков со стороны внешних авторитетов: родителей, старших его по возрасту. В результате человек сам для себя формулирует правила своего поведения, которые составляют содержание его личного *естественного нравственного закона*. При этом нравственный закон приобретает *обязывающий (императивный)* характер силой нравственного чувства и личного опыта.

Будучи онтологической данностью, как и другие естественные потребности человека, природа нравственной потребности идеальна. Но поражение человека грехом становится причиной рассогласованности между потребностью и желанием. Грех, в этом смысле, представляет собой несоответствие желания человека той потребности, которая активизирует процесс «воления». Другими словами, грех есть ошибка в выборе средств.

Изначально действие греха состояло в том, что дьявол (в пер. с греч. – «клеветник»), посредством *обмана*, исказил смысл *естественного использования* природных свойств человека и обратил ум первых людей к *противоестественному использованию*. Грехопадение произошло на *личностном* уровне и состояло в *отказе* первого человека от благодатного общения со своим Творцом. «Знает Бог..., и вы будете как боги» (Быт. 3, 5) – вот те слова, которыми дьявол поколебал в человеке доверие Богу. В них слышится попытка обвинить Бога в том, что Он якобы утаивает от человека то, что ему принадлежит по праву. Появившееся в уме первого человека сомнение переориентировало все это мировоззрение.

Бог вел первого человека по пути совершенствования. Рай – это то место и «обстановка», в условиях которых человек развивался бы естественным, законным путем. В результате человек действительно стал бы подобным Богу. Дьявол же, обозначив на первый взгляд ту же самую цель для человека («будете как боги»), предложил другой путь его достижения – незаконный. Понятия «законный» и «незаконный» здесь сопоставимы с понятиями «естественный» и «противоестественный». Таким образом, исказив способ достижения богоподобия, дьявол направил человека и к искаженной цели.

Почему все-таки человек послушал дьявола и не отказался от его внушений? Это сложный вопрос, разрешение которого сводится к пониманию феномена свободы. Здесь важно то, что ошибка первого человека в *личностном* плане повлекла за собой необратимый процесс распада человеческого естества. Этот распад преподобный Максим Исповедник определил тремя аспектами: страстность, тленность и смертность. Указанные три момента отражают *искажение природы* человека и составляют существо *первородного греха*. Первородный грех – это не акт воли человека, а *наклонность природы*, ставшая той данностью, с которой рождается каждый человек и которая дезориентирует его в личном выборе.

В результате греховной наследственности каждый человек в своей внутренней жизни сталкивается с явлением постоянной ошибки в «выборе средств». Наиболее ярко это выразил апостол Павел: «Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю» (Рим. 7, 19). Такими словами апостол Павел тонко подмечает, что, в принципе, желание сделать что-либо доброе есть в человеке, но когда делает он это, оказывается, что получилось не то, чего хотел, а другое – злое. То есть происходит ошибка в оценке того, что в каждом конкретном случае является действительно добрым. А это и есть несоответствие между тем, что хочется, и тем, что требуется, то есть между желанием и потребностью. Святитель Феофан Затворник отмечает, что каждый человек стремится к благу, никто себе не хочет причинить вреда. Но, оказывается, что определить, что действительно является благом в каждой конкретной ситуации, не так просто. «Блаженства все желают и ищут; оно есть двигатель всех деяний и предприятий человеческих, и больших, и малых. Но не все понимают, в чем оно и как к нему дойти, и даже понявши, не все так располагаются действовать, как нужно, чтобы достигнуть блаженства. В этом скрывается что-то непонятное. Человек осязательно терпит тут обман и даже некоторое насилие, и идет куда зря» [4, с. 17]. Таким образом, главной целью нравственной жизни человека становится обретение способности отличать действительно благо от мнимого. Способность эта зависит от чистоты и силы действия в душе нравственного чувства.

Нравственное чувство, в силу своего универсального места в иерархии естественных потребностей человека, бывает задействовано в каждом акте личного выбора. Укрепляется оно через воздействие на него божественной благодати, подаваемой в Церкви. Оказывая свое влияние на весь состав человеческой природы, оно дает начало бытию такого явления нравственной жизни человека, как совесть. Совесть представляет собой реализацию нравственного чувства во всем многообразии проявлений человеческой жизни: ума, чувств, воли. Поэтому от состояния нравственного чувства зависит чистота и сила человеческой совести.

Список литературы

1. Добротолубие. В 5 т. Т. 1. – 4-е изд. – Москва : Изд-во Срет. монастыря, 2010. – 608 с.
2. Добротолубие. В 5 т. Т. 3. – 4-е изд. – Москва : Изд-во Срет. монастыря, 2010. – 448 с.
3. *Леонов, В., прот.* Основы православной антропологии : учеб. пособие. – Москва : Изд-во Моск. Патриархии Рус. Православ. Церкви, 2013. – 456 с.
4. *Феофан Затворник, свт.* Толкование на псалом 118 / святитель Феофан Затворник. – Москва : Правило веры, 2008. – 653 с.
5. *Феофан Затворник, свт.* Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться / святитель Феофан Затворник. – Москва : Правило веры, 2009. – 335 с.
6. *Янышев, И., прот.* Православно-христианское учение о нравственности / протоиерей И. Янышев. – Санкт-Петербург : Тип. М. Меркушева, 1906. – 462 с.

UDC 248.152

THE CONCEPT OF MORAL FEELING IN THE CONTEXT OF ORTHODOX ANTHROPOLOGY

Paisy (Sergei I. Bui), Hieromonk
Master of Theology,
Vice-rector for Educational Work
Tambov Theological Seminary
E-mail: ppaisios@mail.ru

For citation: *Paisy (Bui), hieromonk.* The concept of moral feeling in the context of Orthodox anthropology // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. Tambov, 2020, no. 1 (10), pp. 27–34. (in Russian)

Abstract

The article considers the concept of moral sense as the main force of the human spirit. Among all natural human needs, moral need plays a special role. It evaluates them. Particular emphasis is placed on the concepts of need and wish and their relationship in a situation of moral choice of an individual. Moral feeling is the basis of the moral consciousness of a person called conscience.

Keywords: moral; conscience; moral sense; spirit; image of God; anthropology; soul; person; need; wish.

References

1. Dobrotolyubie [The Philokalia]. In 5 vols., vol. 1, 4th edition. Moscow, Publishing House of the Sretensky Monastery, 2010. 608 p. (in Russian)
2. Dobrotolyubie [The Philokalia]. In 5 vols., vol. 3, 4th edition. Moscow, Publishing House of the Sretensky Monastery, 2010. 448 p. (in Russian)
3. *Leonov, V., archpriest.* Osnovy pravoslavnoi antropologii : ucheb. posobir [Fundamentals of Orthodox anthropology: textbook]. Moscow: Publishing house of the Moscow Patriarchate of the Russian Orthodox Church, 2013. 456 p. (in Russian)

4. *St. Theophan the Recluse*. Tolkovanie na psalom 118 [Commentary on Psalm 118]. / Saint Theophan the Recluse. Moscow: The Rule of Faith, 2008. 653 p. (in Russian)

5. *St. Theophan the Recluse*. Chto est' dukhovnaya zhizn' i kak na nee nastroit'sya [What is spiritual life and how to be attuned to it]. / St. Theophan the Recluse. Moscow: The Rule of Faith, 2009. 335 p. (in Russian)

6. *Yanyshev, I., archpriest*. Pravoslavno-khristianskoe uchenie o npravstvennosti [Orthodox Christian doctrine of morality]. / Archpriest I. Yanyshev. St. Petersburg: M. Merkushev publishing house, 1906. 462 p. (in Russian)

УДК 2-534.4

БОГОСЛОВСКИЙ АСПЕКТ ОГЛАСИТЕЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ ПЕРЕД ТАИНСТВОМ КРЕЩЕНИЯ

Священник Алексей Николаевич Злобин
магистр теологии, преподаватель
кафедры богословия Тамбовской
духовной семинарии
E-mail: zlobin.a.n@yandex.ru

Для цитирования: Злобин, А.Н., *свящ.* Богословский аспект огласительной подготовки перед таинством Крещения // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. – Тамбов, 2020. – № 1 (10). – С. 34–41.

Аннотация

В статье особое внимание уделено богословскому аспекту огласительной подготовки перед совершением таинства Крещения. Знание вероучения, твердость веры, а также правильное устройство последующей духовной жизни крещеного человека являются основополагающими в деле его духовно-нравственного совершенствования и стремления к обожению.

Ключевые слова: Православная Церковь; вероучение; догматы; таинство Крещения; святые отцы; духовная жизнь; добродетели.

О вероучительной подготовке человека, желающего приступить к таинству Крещения, и последующем совершении этого таинства над уверовавшим говорит Сам Иисус Христос: «Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа» (Мф. 28, 19). Отправившись на проповедь Евангелия, апостолы, исполняя заповедь Господа Иисуса Христа, принимали в общину уверовавших через таинство Крещения. Для человека оно становилось неким сакраментальным входом в лоно Церкви, открывающим путь к участию в Евхаристии, а через нее к наследованию спасения и обожению [6, с. 7].

Продолжая апостольское служение, отцы Церкви уделяли внимание вероучительной подготовке оглашенных. Одним из первых трактатов, последовательным и основательным в богословском отношении, можно считать вероучительный труд Тертуллиана «О Крещении». Святоотеческая литература, пополняясь все новыми сочинениями, накопила достаточно обширный материал о совершении таинства Крещения и, что является важным для исследования данной темы, отражает практику огласительной подготовки. Следует отметить наиболее значимых представителей среди церковных иерархов, писавших об этом: святитель Кирилл Иерусалимский, святитель Василий Великий, святитель Григорий Богослов, святитель Григорий Нисский, святитель Иоанн Златоуст, святитель Амвросий Медиоланский («О Таинствах»), блаженный Августин («Об обучении оглашенных»), преподобный Максим Исповедник («Тайноводство»), преподобный Иоанн Дамаскин («Точное изложение православной веры»), преподобный Феодор Студит («Огласительные поучения») [6, с. 9].

«Огласительные поучения» святителя Кирилла Иерусалимского содержат описание чина оглашения и совершения таинства Крещения, которое отражает крещальную практику Иерусалимской Церкви IV века. «Огласительные поучения» представляют собой определенным образом составленную серию бесед о христианской вере, которые проводились для наставления оглашенных. В качестве содержательной основы данных бесед автор взял Символ веры Иерусалимской Церкви, который текстуально является наиболее близким к содержанию Символа веры, составленного на I Вселенском соборе. Вероучительный материал в этих поучениях располагается достаточно последовательно и структурировано,

представляя собой общее толкование каждого члена Иерусалимского Символа веры [5, с. 523].

Имея определенные опасения о том, что преждевременное знание о церковных таинствах может вызвать насмешку со стороны оглашенных, святитель Афанасий Александрийский в своих богословских сочинениях высказывает такое суждение: «Не подобает выставлять таинства напоказ перед оглашенными и тем более перед язычниками, <...> чтобы язычники по незнанию не осмеяли их и чтобы оглашенные, будучи любопытны, не соблазнились» [1, с. 129].

Проходя вероучительную подготовку, оглашенные имели возможность за богослужением слушать Евангелие. Благодаря деятельности наставников, они также изучали догматы христианской веры, которые им преподавались на основе толкования и объяснения Символа веры. Наставления в христианской вере могли произноситься для оглашенных на протяжении месяца, об этом, например, в своих беседах упоминает святитель Иоанн Златоуст. Наиболее подходящим периодом для наставления в вере оглашенных было время Великого поста [7, с. 4].

Говоря об огласительной подготовке к принятию Крещения, необходимо сказать о чинопоследовании самого таинства в святоотеческую эпоху. Приняв во внимание поучения тайноводственные святителя Кирилла Иерусалимского, можно отметить, что таинство Крещения начиналось в притворе храма. Там стояли оглашенные, повернувшись лицом на запад, они отрекались от сатаны, произнося словесную формулировку: «Отрицаюсь тебя, сатана, и всех дел твоих, и всей гордыни твоей, и всего служения твоего» [8, с. 3]. После того как крещаемые сказали вместе или каждый из них в отдельности указанную формулировку, они в знак своего обращения ко Христу поворачивались так, чтобы лицом смотреть на восток или же в сторону алтаря храма, произносили затем исповедание своей веры в Бога-Троицу: «Верую в Отца и Сына и Святого Духа и в единое Крещение покаяния» [5, с. 563].

В творении «О церковной иерархии», авторство которого относят к Дионисию Ареопагиту, можно ознакомиться с достаточно подробным описанием чинопоследования таинства Крещения. В тексте трактата говорится о факте формирования поименного списка оглашенных. Каждый, кто имел внутреннее стремление и

желание принять таинство Крещения, должен был первым делом обратиться к кому-то из христиан с просьбой, чтобы тот отвел его к епископу. Когда происходила означенная встреча, епископ первым делом должен был вознести молитвенное благодарение Богу, а затем «созывал в священное собрание весь священный чин для содействия себе и для сопразднования спасению человека, а одновременно и для благодарения Божественной благодати» [4, с. 7]. После этого, согласно чинопоследованию, исполнялось какое-либо песнопение из Священного Писания. В заключение епископ целовал край престола и «выходил к пришедшему, спрашивая, ради чего тот пришел». В свою очередь будущий оглашенный осуждал всякое безбожие, получив предварительное наставление в этом от своего восприемника, и обращался к епископу с просьбой о совершении над ним таинства Крещения. Епископ же, отвечая на просьбу этого человека, говорил наставление о том, что обращение к Богу должно быть всесовершенное, потому что Бог Совершенен и Непорочен есть. Затем епископ, «раскрыв ему богоугодный порядок жизни и спросив, будет ли он так жить, после обета со стороны вопрошаемого возлагал на голову его руку и, запечатлев крестным знамением, повелевал иереям записать имя этого мужа и его восприемника» [4, с. 7].

Человек, проходящий огласительную подготовку перед совершением над ним таинства Крещения, должен был исполнить важное условие, которое заключается в исповедании им Троицы Единосущной и Нераздельной. Данное исповедание есть богословское основание совершения таинства. «Храни исповедание веры в Отца и Сына и Святого Духа. Это исповедание вверяю тебе ныне, с ним погружу в купель, с ним и изведу», – писал святитель Григорий Богослов. И далее святитель продолжает: «Его даю тебе на всю жизнь товарищем и заступником, – единое Божество и единую Силу» [2, с. 128].

Святитель Григорий Богослов обращает особое внимание на формирование религиозного сознания и воспитание в вере: «...К совершенству в вере приведет тебя всякий, воспитанный в той же вере» [2, с. 128]. Отсюда можно заключить, что человек, который принимает таинство Крещения, должен обязательно быть обучен основам Православия, а те, которые уже крестились, должны в ходе своего воцерковления и последующей активной жизни в лоне

Церкви совершенствовать свое познание в христианском вероучении и нравственности. Кроме этого, получение знаний в области духовной жизни следует обязательно подкреплять делами, проводя добродетельную жизнь, так как определенные знания в духовной жизни, если они не были пережиты человеком на собственном опыте, гораздо труднее воспринимаются или же остаются для него непонятными.

Далее важно сказать о том, какое воздействие на духовно-нравственную жизнь человека оказывает таинство Крещения. В таком воздействии выделяют два взаимосвязанных аспекта. Первый заключается в том, что человек, ставший христианином благодаря таинству Крещения, получает освобождение от первородного греха. Здесь же важно подчеркнуть различие понятий «освобождение» и «прощение», которые иногда воспринимают как синонимы. Утверждение, что в Крещении человеку простился первородный грех, предполагает, что личная вина прародителей, совершивших первый грех в раю, лично вменяется каждому человеку, рожденному на земле. Такое мнение является неверным, так как, по учению отцов Православной Церкви, конкретный человек лично не участвовал в грехе прародителей, однако, в силу генетической связи всех людей, несет в себе его последствия в виде поврежденности своей природы (Рим. 5, 12–14). Поэтому под «освобождением» от первородного греха в Святом Крещении следует понимать исцеление человеческой природы, возможность возвращения к первообразу.

Второй аспект связан с теми обязанностями, которые принимает на себя христианин. Заключаются они в том, чтобы, омыв свои грехи в купели Крещения, человек не возвращался к прежней греховной жизни, а также всячески воздерживался от впадения в новые грехи. «Очистим, братья, всякий член тела, освятим всякое чувство; да не будет в нас ничего несовершенного, ничего от первого рождения; не оставим ничего непросвещенного», – писал святитель Григорий Богослов, акцентируя внимание на том, что, став через таинство Крещения христианином, человек должен направить все свои усилия на изменение образа жизни с целью всецелого духовного обновления [2, с. 129]. Святитель Иоанн Златоуст по данной теме также писал: «Эта купель может отпустить прежние грехи; но не мал страх и не маловажна опасность, чтобы мы

опять не возвратились к ним, и чтобы врачество не сделалось для нас язвой. Чем больше благодать, тем строже будут наказаны те, которые после того согрешают» [7, с. 124].

Следует сказать, что осуществляется прямая связь между искренним и ответственным подходом человека к принятию таинства Крещения и позитивными изменениями духовно-нравственной жизни неопита. Проходя формально огласительную подготовку и приступая к таинству Крещения только ради обрядовой или культурной составляющей, человек в скором времени переживает охлаждение в духовной жизни, а зачастую приходит к полному забвению своего духовного состояния. Таким образом, он не приносит добрый плод и препятствует действию божественной благодати: «Вода тебя примет, но Дух не примет», – писал святитель Кирилл Иерусалимский [8, с. 15]. Также святитель Кирилл Иерусалимский высказывает замечание о том, что не должно быть лицемерия со стороны крещаемого: «Если ты лицемеришь, то люди крестят тебя ныне, а Дух не крестит тебя» [8, с. 17]. На то же указывает и святитель Григорий Нисский: «Если баня (Крещение) послужила телу, а душа не свергла с себя страстную нечистоту – напротив того, жизнь после тайнодействия сходна с жизнью до тайнодействия, то, хотя смело будет сказать, однако же скажу и не откажусь, что для таких вода остается водой, потому что в рожаемом нисколько не оказывается дар Святого Духа...» [3, с. 8].

Подводя итог, необходимо отметить, что человек, принимающий таинство Крещения, должен осознавать не только умом, но и всем своим существом обретение в этом таинстве нового понимания жизни, вступление в иные отношения с миром и Богом.

Список литературы

1. *Афанасий Великий, свт.* Полное собрание сочинений. В 4 т. Т. 3. Вторая речь против Ария / святитель Афанасий Великий. – Репр. изд. – Спасо-Преображ. Валаам. монастырь, 1994. – 632 с.
2. *Григорий Богослов, свт.* Название? Т. 1 / святитель Григорий Богослов. – Москва : Изд-во Срет. монастыря, 2005. – 358 с.
3. *Григорий Нисский, свт.* Большое огласительное слово 40 / святитель Григорий Нисский. – Москва : Изд-во Срет. монастыря, 2005. – 32 с.

4. *Дионисий Ареопагит, свт.* О церковной иерархии / святитель Дионисий Ареопагит. – Москва : Изд-во Срет. монастыря, 2005. – 68 с.

5. *Иларион (Алфеев), архиеп.* Православие. В 2 т. Т. 2 / архиепископ Иларион (Алфеев). – Москва : Изд-во Срет. монастыря, 2009. – 976 с.

6. *Иларион (Алфеев), митр.* Как прийти в Церковь / митрополит Иларион (Алфеев). – Москва : Эксмо, 2010. – 160 с.

7. *Иоанн Златоуст, свт.* Слово огласительное 1 / святитель Иоанн Златоуст // Полное собрание творений : в 12 т. / святитель Иоанн Златоуст. – Москва : Православ. книга, 1993. – Т. 2, кн. 1. – С. 251–261.

8. *Кирилл, архиеп.* Поучение предогласительное / архиепископ Иерусалимский Кирилл. – Москва : Синод. библиотека, 1991. – 26 с.

UDC 2-534.4

THE THEOLOGICAL ASPECT OF CATECHETICAL PREPARATION BEFORE THE SACRAMENT OF BAPTISM

Aleksy N. Zlobin, Priest
Master of Theology,
Lecturer Tambov
Theological Seminary
E-mail: zlobin.a.n@yandex.ru

For citation: *Zlobin, A.N., priest.* The theological aspect of catechetical preparation before the Sacrament of Baptism // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. Tambov, 2020, no. 1 (10), pp. 34–41. (in Russian)

Abstract

The article focuses on the theological aspect of catechetical preparation before performing the Sacrament of Baptism. Knowledge of the creed, firmness of faith, as well as the correct arrangement of the subsequent spiritual life of the baptized person are fundamental in the matter of his spiritual and moral improvement and the desire for deification.

Keywords: Orthodox Church; creed; dogmas; Sacrament of Baptism; Holy fathers; spiritual life; virtues.

References

1. *St. Athanasius the Great*. Polnoe sobranie sochinenii [Complete works]. In 4 volumes. Vol. 3. The second speech against Aria / Saint Athanasius the Great. Transfiguration Balaam Monastery, 1994. 632 p. (in Russian)

2. *St. Gregory the Theologian*. Title? vol. 1 / St. Gregory the Theologian. Moscow: Publishing House of the Sretensky Monastery, 2005. 358 p. (in Russian)

3. *St. Gregory of Nyssa*. Bol'shoe oglasitel'noe slovo 40 [Big catechetical word 40]. / Saint Gregory of Nyssa. Moscow: Publishing House of the Sretensky Monastery, 2005. 32 p. (in Russian)

4. *St. Dionysius the Areopagite*. O tserkovnoi ierarkhii [On the Church Hierarchy]. / Saint Dionysius the Areopagite. Moscow: Publishing House of the Sretensky Monastery, 2005. 68 p. (in Russian)

5. *Hilarion (Alfeev), archbishop*. Pravoslavie [Orthodoxy]. In 2 vols., vol. 2 / Archbishop Hilarion (Alfeyev). Moscow: Publishing House of the Sretensky Monastery, 2009. 976 p. (in Russian)

6. *Hilarion (Alfeev), metropolitan*. Kak priiti v Tserkov' [How to come to the Church]. / Metropolitan Hilarion (Alfeyev). Moscow: Eksmo, 2010. 160 p. (in Russian)

7. *St. John Chrysostom*. Slovo oglasitel'noe 1 [Catechetical word 1]. / St. John Chrysostom // Complete works: in 12 volumes / St. John Chrysostom. – Moscow: Pravoslavnaya kniga, 1993, vol. 2, book 1, pp. 251–261. (in Russian)

8. *Cyril, archbishop*. Pouchenie predoglasitel'noe [Pre-catechetical Preaching]. / Archbishop of Jerusalem, Cyril. Moscow: Synodal library, 1991. 26 p. (in Russian)

УДК 141.201.-211

СОМНЕНИЕ КАК УСЛОВИЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ ФЕНОМЕНА ВЕРЫ

Ряховская Татьяна Викторовна
кандидат философских наук,
заведующая кафедрой богословия,
библейстики и философии
Тамбовской духовной семинарии
E-mail: rosmutvr@mail.ru

Для цитирования: Ряховская, Т.В. Сомнение как условие существования феномена веры // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. – Тамбов, 2020. – № 1 (10). – С. 42–54.

Аннотация

Статья посвящена вопросу отношения феномена веры и сомнения как философской категории. Рассматривается роль категории «сомнение» в таких философских направлениях, как скептицизм, агностицизм, догматизм. Показана необходимость присутствия сомнения в православной религиозной вере, в которой оно выступает критерием истинности и существенным элементом духовной жизни человека.

Ключевые слова: феномен веры; категория сомнения; скептицизм; критицизм; неверие.

Формирование любой веры всегда сопровождается принятием множества мнений. Всякое мнение представляет собой результат предметно-практической деятельности человека, но оно не всегда в состоянии теоретически обосновать ее. Поэтому мнение первоначально принимается на веру или же отвергается, что тоже есть акт веры [9, с. 142].

В первом приближении сомнение противостоит вере подобно тому, как сомнению противостоит мнение. Что же такое сомнение? «Сомнение – состояние неуверенности, нерешительность, колебание в том, что следует считать истинным или правильным (теоретическое, нравственное, религиозное сомнение). Сомнение

может иметь методологическое значение и являться предварительной ступенью познания» [7, с. 425]. Сомнение выражает внутреннюю неопределенность, состояние нерешительности, беспокойства духа. Как пишет Л. Фейербах: «Истинное сомнение есть необходимость не только потому, что оно освобождает меня от мнений и предрассудков, мешающих моему познанию предмета, и таким образом является субъективным средством достигнуть его познания, но и потому, что оно соответствует предмету, который я познаю через него, лежит в нем самом и поэтому является единственным данным самим предметом и определенным средством познания его» [10, с. 230].

Предметно-практическая деятельность и изменение чувственно-духовного опыта человека постоянно открывает ему новые стороны, черты реальности, следовательно, рано или поздно возникает новое сомнение, противостоящее уже принятым доказанным мнениям, ставших убеждениями. В результате возникает постоянное движение по принятию мнений или их отрицанию, переводу их в план убежденности и сомнения в них. Сомнение оказывается действительно необходимым для постоянного поддержания веры в силу того, что окончательное складывание веровательной установки не означает прекращения процесса восприятия мира на всех уровнях человеческого опыта, и настоящая вера всегда открыта для нового содержания. Все вышесказанное больше относится к психологической характеристике сомнения, нежели философскому осмыслению категории сомнения.

Сомнение может являться промежуточным состоянием между верой и ее противоположностью – неверием. Феномен неверия означает решительное внутреннее неприятие чего-либо, не имеющего так же, как и вера, достаточного обоснования. Неверие тоже означает внутреннюю «определенность», психологическую установку, формирующую отношение к соответствующим явлениям действительности. Но неверие, перерастающее в глобальный скепсис и далее в нигилизм, уже отрицательно сказывается на процессе познания. Сомнение есть неопределенность, колебание в том, что следует считать истинным или ложным, есть способ переоценки ценностей.

Таким образом, процесс формирования и разрушения веры связан с актом сомнения и неверия. Следовательно, состояние веры,

сомнения и неверия находятся в диалектической взаимозависимости, поэтому необходимо учитывать их возможные взаимопереходы друг в друга. Кроме того, вера, сомнение и неверие несут в себе ценностное отношение к явлениям объективной реальности. Они могут иметь позитивную или негативную значимость для личности, определять или изменять основные жизненные смыслы.

Может показаться, что вера и сомнение взаимно исключают друг друга, что они не могут одновременно присутствовать в вере религиозной. Однако это не так. Сомнение есть необходимый элемент истинной веры. Подтверждение этому мы находим, например, в посланиях ап. Иоанна: «Возлюбленные! Не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они, потому что много лжепророков появилось в мире» (1 Ин. 4, 1). Апостол говорит нам, что необходимо иметь трезвенное разумение, чтобы не подпасть под влияние лжепророков и лжеапостолов. Предупреждая, он дает нам критерий для определения истинности вероучения и проповеди: «Духа Божия (и духа заблуждения) узнавайте так: всякий дух, который исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, есть от Бога. А всякий дух, который не исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, не есть от Бога, но это дух антихриста, о котором вы слышали, что он придет и теперь есть уже в мире» (1 Ин. 4, 2–3). «Посему-то мы узнаем духа истины и духа заблуждения» (1 Ин. 4, 6).

Также проявление трезвенного размышления, критичного отношения к явлениям духовного мира мы можем видеть в богослужебных текстах, читаемых на службе праздника Благовещения Пресвятой Богородицы. В том диалоге, который происходит между Богородицей и Архангелом Гавриилом, показано, как Дева Мария отвечает на слова о том, что Она станет Матерью Бога: «Отыде далече, не прельстиши, человеце, якоже прежде Еву праматерь змий лъстивый» (2-я стихира на стиховне малой вечерни). В третьем тропаре третьей песни канона звучит: «Моя прамати, приемши разум змиин, пици Божественная изгнана бысть, темже и Аз боюся целования страннаго твоего, стыдящися поползновения». В данном тексте видно противопоставление праматери Евы, которой не хватило критичного сомнения в словах змия, и Девы Марии, которая, не сомневаясь в действиях Бога, проявляет рассудительность в принятии вести, принесенной Архангелом Гавриилом. Однако

после доводов Архангела, проявив духовное трезвение, критичное размышление, Дева Мария произносит: «Се, Раба Господня; да будет Мне по слову твоему» (Лк. 1, 38). В этом образе действий Богоматери показано «испытание духов», к которому призывал апостол Иоанн, а также аскетическое учение святых отцов о необходимости противостоять прелести, сохраняя ум в чистоте.

Наиболее подробное рассмотрение категория сомнения находит в философских направлениях. Например, в таком, как скептицизм. В краткой философской энциклопедии мы можем найти следующее определение: «Скептицизм – философское направление, выдвигающее сомнение в качестве принципа мышления, особенно сомнение в надежности истины... В обыденном смысле скептицизм – психологическое состояние неуверенности, сомнение в чем-либо, заставляющее воздерживаться от высказывания категорических суждений» [7, с. 417].

Большое внимание скепсису как проявлению сомнения уделял в своем учении И. Кант. Скептическую установку философской рефлексии он считал шагом вперед по сравнению с догматизмом. Предварительная критика разума позволяет избежать как рационализации знания – стремления к непротиворечивости, доказательности даже там, где заведомо ее быть не может, так и скепсиса по поводу наших познавательных возможностей. Полученные знания не заключают в себе никакой достоверности – мы просто привычным образом верим в связность мировых процессов, которой на самом деле не существует. Основой всеобщности и необходимости становится случайная индивидуальная способность, психологическое свойство: «воображение и ассоциативная связь, привычка – вот источник представлений о причинности» [2, с. 68].

Таким образом, человеческий разум пребывает в глубоком заблуждении относительно своих познавательных возможностей. Истина оказывается только видимостью. Отдавая должное скептической установке философствующего разума, Кант, тем не менее, характеризует ее как своеобразную форму догматизма. Мотив исключительности всегда присущ скепсису и в этом смысле он не менее догматичен, чем самая твердая вера.

В предисловии к своему труду «Грезы духовидца, поясненные грезами метафизика» [4, с. 2] Кант объясняет, что работа была на-

писана им, в частности, по просьбе друзей, заинтригованных случаями ясновидения и просивших изложить его мнение по этому поводу. В ней Кант говорит о том, что существует соблазн простого отрицания вещей, которые явно противоречат здравому смыслу, а тем более пытливому критическому разуму. И все же, не имея достаточных оснований для опровержений, приходится воздерживаться от этого отрицания. Кант говорит о том, что и полное отрицание, и принятие на веру без всякой критики являются одинаково нелепыми предрассудками.

Скептицизм плодотворен, если его цель «только сразить нескромность и заносчивость не осознающего свое истинное назначение разума, <...> если бы <...> эмпирик довольствовался этим, то его основоположение было бы максимой умеренности в притязаниях, скромности в утверждениях...» [5, с. 295]. Но беда в том, что зачастую скепсис в этом вопросе оборачивается догматической уверенностью в невозможности и бесполезности метафизики и отрицания любых попыток обоснования метафизического знания, то есть противоречащим моральности неверием, «которое всегда в высшей степени догматично» [5, с. 24].

Кантовский критицизм переносит акцент с поиска непротиворечивой достоверности, очищенной от каких бы то ни было иллюзий, на анализ условий появления заблуждений – на саму деятельность познающего сознания. Заблуждения неминуемы, поскольку разум, стремясь к достижению высшего синтеза всех знаний, восходит к абсолютным принципам. Спрашивая о безусловном, он выходит за пределы чувственно воспринимаемого мира и оказывается в море иллюзий, «в котором движение вперед не оставляет никакого следа, а на горизонте его нет никакой видимой цели, по которой можно было бы судить, насколько мы к ней приблизились» [6, с. 179]. Таким образом, получается, что разум оказывается стесненным различными противоречиями.

Кант предлагает выход из этого затруднения: обратить критический взор не на совершенствование механизма познания с целью постижения истины, а на условия, возможности и закономерности самого человеческого разума. «Только такой критикой можно подрезать корни материализма, фатализма, атеизма, неверия, свободомыслия, фанатизма и суеверия, которые могут приносить всеобщий вред, и, наконец, идеализма и скептицизма, которые

больше опасны для школ...» [5, с. 26], и одновременно утвердить свободное пространство метафизики. Критическая философия «раз и навсегда, и притом сократическим методом, <...> кладет конец всем возражениям, которые выдвигаются против нравственности и религии» [5, с. 25], возможным лишь в пространстве метафизики. Кант присоединяется к критике религии, но при этом создает свое учение о религии в пределах только разума. Осуждая религию, Просвещение создает новую религию – религию разума [8, с. 191–192].

Не меньшее внимание осмыслению сомнения, скепсиса придавалось в истории развития русской философии. Так, П.А. Флоренский утверждает, что процесс возникновения веры, состоящий из нескольких «шагов», заключается в возникновении первичной веры, ее изменении в результате возникающего сомнения, и, наконец, преодоление сомнения ведет к настоящей вере, из которой убраны, благодаря сомнению, случайные элементы [11, с. 840].

В то же время важно подчеркнуть существенное различие веры и сомнения: вера дает человеку больше спокойствия и твердости основания для действий, чем сомнение. Бесконечное сомнение, не завершаемое обретением веры, бесплодно и мучительно, оно не дает возможности нахождения своего смысла жизни и свершения поступков. Но не всякое сомнение имеет воздействие на веру – волевая природа веры требует настоящего, живого сомнения, имеющего ту же основу, что и сама вера.

Вообще же вера не может быть полностью свободной от сомнений еще по одной причине: осуществляя акт веры (трансцендентной по своему характеру), человек перемещается в реальность, совершенно отличную от мира, в котором он повседневно живет. Предмет веры не может не иметь какого-то образного выражения, так как именно образ воздействует на эмоциональную сферу сознания. И здесь возникает трудность нахождения адекватного образа, так как трансцендентное содержание веры невыразимо с помощью средств обычного мира, что всегда оставляет сомнение (какую-то его определенную долю) в правильности понимания самой веры, верного ее истолкования. В этом случае сомнение направлено не на саму веру, а на ее образное (в дальнейшем и логическое) выражение. Сказанное относится

как к религиозной форме веры [1, с. 89], так и внерелигиозной форме духовной веры.

Своеобразное понимание феномена веры представляет собой концепция, разработанная И.А. Ильиным. В своем исследовании он выступил не как теолог, описывающий свой собственный путь богопознания через веру, а как философ. Анализируя духовный религиозный опыт великих учителей христианства, И.А. Ильин стремился найти основы или аксиомы этого опыта, которые предполагались их верой. Он писал: «...устанавливая их, я убеждался в том, что эти аксиомы должны светить не только нам, православным христианам, как своего рода неумирающие пневматические заповеди, но и христианам всех других исповеданий. Мало того, они являются основами всякой подлинной религиозности вообще, через всю историю человеческих религий; они дают некий неколебимый критерий для всех времен и народов» [3, с. 36–37].

С точки зрения Ильина, основанием религиозной веры является личный религиозный опыт человека, а его источником – пережитое в этом опыте откровение. Современное ему состояние религии Ильин оценивал как кризисное, поскольку большинство людей утратило подлинность, искренность и цельность религиозного опыта, они стали безрелигиозными даже в рамках конфессиональной принадлежности, и поэтому те люди, которым открыты подлинно духовные основы веры, должны уметь говорить о вере, защищать и объяснять ее перед лицом стремительно обезбоживаемого мира. Обожествленный людьми рассудок, восставший против Божественной истины, уже разрушил в области веры все, что можно было разрушить. Как считал И.А. Ильин, пришло время иной веры, которая ясно осознает свой путь и способна указать его другим. Единственно верный путь к Богу, по мнению религиозного философа, есть тот, на который человек вступает только от себя лично, который начинается с переживания конкретной души. Человек, лишенный ощущения бесконечности своего несовершенства перед лицом Бога, не может быть религиозным. Но именно эта способность оказалась утраченной современным человеком.

Человеку как духовному существу присуща автономия в вере в том смысле, что принятие веры есть исключительно личност-

ный и свободный акт, поскольку человека невозможно заставить принять Бога. Навязанная вера есть вера по чужому указанию, она слепа, пассивна и покорна, она не в состоянии отстоять себя и даже не в состоянии понять, почему следует верить во что-либо: «...свобода видения – есть свобода увидеть и не увидеть; а увидев, – принять и не принять; а приняв, – исповедовать вслух или не исповедовать. Только право на невидение дает настоящую свободу видения» [3, с. 78]. Это право дает людям стать на путь свободного и самостоятельного восприятия Бога. Однако «автономная религиозность не исключает того, что по происхождению своему она может быть социально-гетерономной» [3, с. 83]. Говоря о подобном происхождении автономной религиозности, Ильин имеет в виду религиозное воспитание. Задачу последнего Ильин видит в том, «чтобы научить верующего автономной вере, чтобы указать ему путь к свободному и самостоятельному усвоению... Свобода есть, прежде всего, внутреннее, духовное искусство. И воспитывать человека значит вводить его в это искусство, приучать к нему. <...> Религиозный опыт есть искусство духовной свободы» [3, с. 83–84].

Итак, автономный, свободный духовный опыт, направленный к совершенству, к безусловному, и обладающий высшей степенью достоверности для погруженного в него человека, есть условие веры, которая начинается с доверия к этому духовному опыту и согласия с ним. Только в этом случае возможна религиозная связь человека с Богом, от Которого исходит откровение, свободно принимаемое человеком, осуществление веры как «синергии».

Бог как предмет веры, по мысли И.А. Ильина, не имеет ничего общего с предметом рационального мышления. Посредством разума человек извлекает понятия из предметного мира, тем самым ограничивая и обедняя его. Бог как предмет веры есть абсолютное совершенство, и поэтому, когда человек соприкасается с Ним в религиозном опыте, Бог заполняет его душу, раскрывая Свое богатство и беспредельность, тем самым перерождая человека и углубляя его духовный мир. Содержание Божественного предмета, раскрывшееся в субъекте веры, есть религиозное содержание, «есть то, во что человек верует...» [3, с. 124], то, что пережито чувством. Понимание и приятие Божественного содержания возможно только на пути к Богу. «...В основе всякой на-

стоящей веры, – писал И.А. Ильин, – лежит свободное приятие Бога горением искренней любви» [3, с. 96]. Когда она овладевает воображением, человек приобретает дар «сердечного созерцания», который, по мнению Ильина, есть важнейший в составе религиозного опыта.

Истинная вера не боится разума, она сама по себе разумна и нуждается в разуме для своего очищения. Противопоставление веры и разума, по мнению И.А. Ильина, возникает только в эпохи религиозного упадка, оно совершенно отсутствует у великих христианских учителей, для которых вера не только разумна, но является истинным тождеством разума, а разум не отделяется ни от любви, ни от совести, ни от воли.

Но истинная вера не исключает сомнения. Боязнь сомнения в вере свидетельствует только о том, что она не является основательной и укорененной в человеке. Может показаться, что вера и сомнение взаимно исключают друг друга, но это не верно. В доказательство И. Ильин приводит евангельскую молитву: «Верую, Господи! Помоги моему неверию» (Мк. 9, 24).

Сомнение есть предварительное состояние для веры. «Сомнение есть предварительное воздержание: в науке воздерживаться – сила суждения, в искусстве воздерживаться – сила выбора, в религии воздерживаться – сила веры» [3, с. 193]. Само наличие сомнения указывает на соотношенность человека с предметом веры: в том, чего нет, сомневаться невозможно.

Как вера невозможна без Предмета, так и сомнение есть «живая сосредоточенность на Предмете и направленность в его сторону; это есть разновидность предметной воли» [3, с. 196]. Сомнению придается статус «удостоверяющей» характеристики, то есть оно сообщает вере достаточную основу и силу. Сомнение есть соединение разума и воли. Верующий, считает И.А. Ильин, должен неуклонно заботиться о духовной чистоте и глубине своей веры и соизмерять свою жизнь с Богом как высшим критерием.

Чтобы сомнение стало плодотворным с религиозной точки зрения, оно должно удовлетворять определенным требованиям. Во-первых, сомневающийся человек должен иметь подлинную потребность в боговосприятии. Если сомнение слабо, то оно ведет к релятивизму и эклектическому скептицизму; если оно сильнее веры, то ведет к опустошающему нигилизму. Во-вторых, сомнева-

ющийся человек должен иметь волю к предметной и религиозной очевидности. Сомнение разрешается не умствованием, а только реальным опытом, оно есть путь предметного удостоверения.

Наша вера определяет границы нашего познания. Помогает ей в этом критицизм, он предостерегает от ошибок и иллюзорного знания. Вера, прошедшая через сомнение, приобретает крепость, наполняется удостоверенностью в знании собственного предмета, истинности сведений, полученных о нем.

Итак, можно сделать следующие выводы: сомнение является не только психологической, но и философской категорией, тесно связанной с фундаментальной категорией веры; сомнение присутствует в области религиозной веры в качестве необходимой составляющей при подтверждении наличия и истинности постижения предмета веры; в сфере внерелигиозной веры сомнение является своеобразным критерием достоверности научных или же личностных убеждений; сомнение может проявляться в таких непродуктивных формах, как нигилизм, агностицизм и скептицизм.

Список литературы

1. *Гайденко, П.П.* О предмете религиозной философии / П.П. Гайденко, Г.А. Смирнов // *Общественные науки и современность.* – 1996. – № 1. – С. 85–96.

2. *Длугач, Т.Б.* И. Кант : от ранних произведений к «Критике чистого разума» / Т.Б. Длугач. – Москва : Наука, 1990. – 136 с.

3. *Ильин, И.А.* Аксиомы религиозного опыта / И.А. Ильин ; сост. и вступ. ст. И.Н. Смирнова. – Москва : Рарогъ, 1993. – 448 с.

4. *Кант, И.* Грезы духовидца, поясненные грезами метафизика / И. Кант ; пер. с нем. Б.П. Бурдес ; под. ред. А.Л. Волынского. – Изд. переводчика. – Санкт-Петербург : [б. и.], 1904. – 125 с.

5. *Кант, И.* Критика чистого разума. – Москва : Мысль, 1994. – 591 с. – (Философское наследие ; т. 118).

6. *Кант, И.* О вопросе, предложенном на премию Королевской Берлинской Академии науки в 1791 году: Какие действительные успехи сделала метафизика в Германии со времени Лейбница и Вольфа? / И. Кант // *Сочинения* : в 6 т. / И. Кант. – Москва : Мысль, 1966. – Т. 6. – С. 177–255.

7. Краткая философская энциклопедия. – Москва : Прогресс, 1994. – 576 с.

8. Соловьев, Э.Ю. Морально-этическая проблематика в «Критике чистого разума» / Э.Ю. Соловьев // «Критика чистого разума» и современность. – Рига : Зинатне, 1984. – С. 178–195.

9. Сознание как категория материалистической диалектики : монография / В.Г. Иванов [и др.] ; под ред. В.Г. Иванова, В.В. Лапицкого. – Ленинград : Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1989. – 167 с.

10. Фейербах, Л. История философии : собр. произведений. В 3 т. Т. 1. / Л. Фейербах ; Акад. наук СССР. – Москва : Мысль, 1967. – 544 с. – (Философское наследие).

11. Флоренский, П.А. Столп и утверждение Истины / П.А. Флоренский. – Москва : Правда, 1990. – 490 с.

UDC 141.201.-211

DOUBT AS A CONDITION FOR THE EXISTENCE OF THE PHENOMENON OF FAITH

Tatiana V. Ryakhovskaya
PhD in Philosophy,
Head of the Department of Bible S,
Theology and Philosophy
Tambov Theological Seminary
E-mail: rosmutvr@mail.ru

For citation: *Ryakhovskaya, T.V.* Doubt as a condition for the existence of the phenomenon of faith // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. Tambov, 2020, no. 1 (10), pp. 42–54. (in Russian)

Abstract

The article is devoted to the relationship between the phenomenon of faith and doubt as a philosophical category. The role of the category of doubt in the philosophical directions of skepticism, agnosticism, dogmatism is considered. The necessity of the presence of doubt in the Orthodox religious faith is shown,

in which doubt is a criterion of truth and an essential element of a person's spiritual life.

Keywords: faith phenomenon; category of doubt; skepticism; criticism; unbelief.

Referenses

1. *Gaidenko, P.P.* O predmete religioznoi filosofii [On the subject of religious philosophy]. / P.P. Gaidenko, G.A. Smirnov // Social sciences and the present. 1996, no. 1, pp. 85–96. (in Russian)

2. *Dlugach, T.B.* I. Kant: ot rannikh proizvedenii k «Kritike chistogo razuma» [I. Kant: from early works to «Critique of Pure Reason»]. / T. B. Dlugach. Moscow: Nauka, 1990. 136 p. (in Russian)

3. *Ilyin, I.A.* Aksiomy religioznogo opyta [Axioms of religious experience]. / I.A. Ilyin; compilation and opening letter by I.N. Smirnov. Moscow: Rarog, 1993. 448 p. (in Russian)

4. *Kant, I.* Grezy dukhovidtsa, poyasnenie grezami metafizika [Dreams of a Spirit-seer, Illustrated by Dreams of Metaphysics]. / I. Kant; translated from German by B.P. Bourdes; edited by A.L. Volynsky. St. Petersburg: [without publishing house identification], 1904. 125 p. (in Russian)

5. *Kant, I.* Kritika chistogo razuma [Critique of Pure Reason]. Moscow: Mysl', 1994. 591 p. – (Philosophical heritage; vol. 118). (in Russian)

6. *Kant, I.* O voprose, predlozhenom na premiyu Korolevskoi Berlinskoi Akademii nauk v 1791 godu: Kakie deistvitel'nye uspekhi sdelala metafizika v Germanii so vremeni Leibnitsa i Vol'fa? [On the Prize Question proposed for the year 1791 by the Royal Berlin Academy of Science : What real progress has metaphysics in Germany made since Leibniz and Wolff?]. / I. Kant // Works: in 6 volumes / I. Kant. Moscow: Mysl', 1966, vol. 6, pp. 177–255. (in Russian)

7. *Kratkaya filosofskaya entsiklopediya* [A brief philosophical encyclopedia. Moscow: Progress, 1994. 576 p. (in Russian)

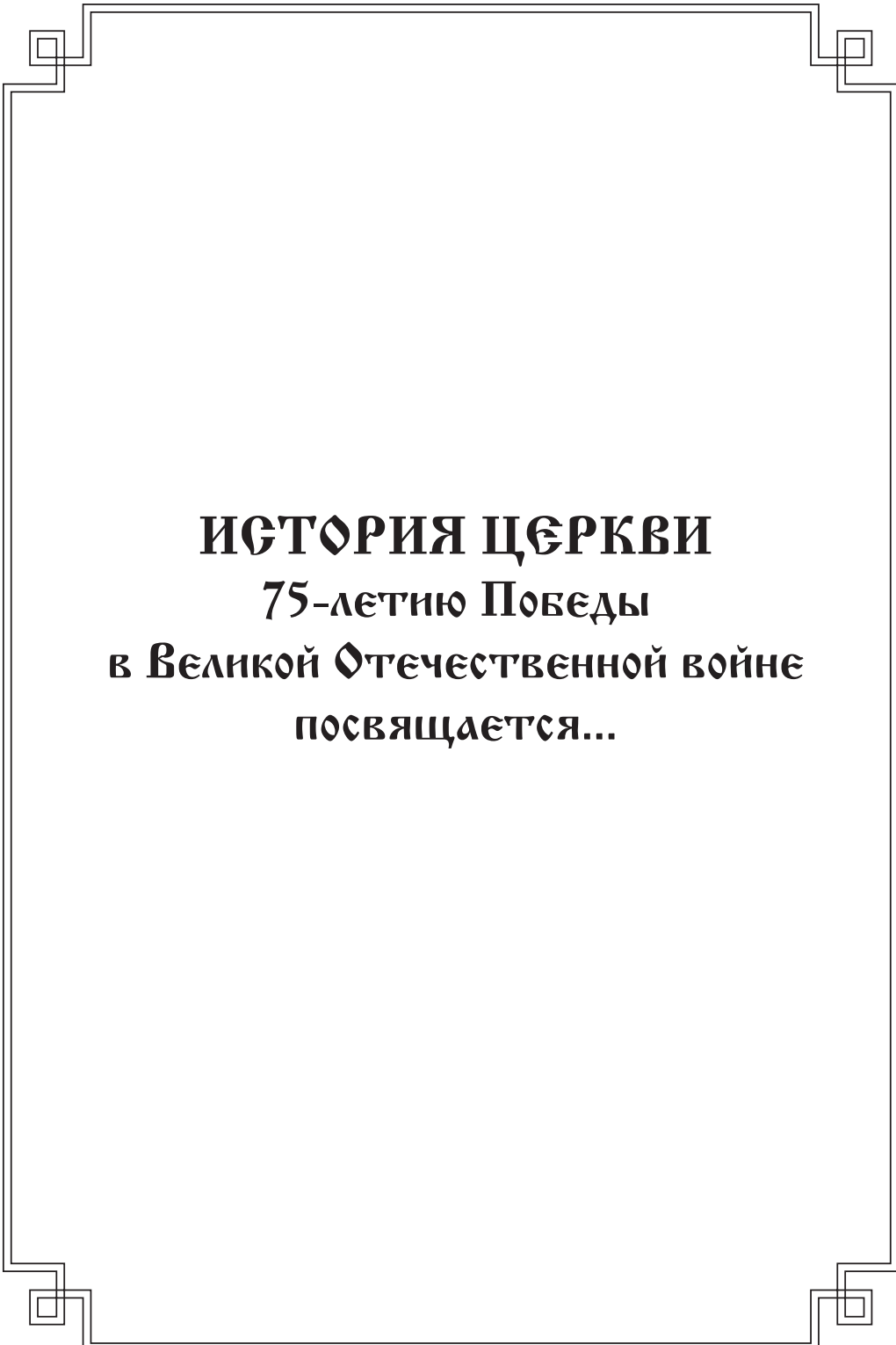
8. *Soloviev, E.Yu.* Moral'no-eticheskaya problematika v «Kritike chistogo razuma» [Moral and ethical issues in the «Critique of Pure

Reason»]. / E.Yu. Soloviev // «Critique of Pure Reason» and the Present. Riga: Zinatne, 1984, pp. 178–195. (in Russian)

9. Soznanie kak kategoriya materialisticheskoi dialektiki : monografiya [Consciousness as a category of materialistic dialectics: monograph]. / V.G. Ivanov [etc.]; under the editorship of V.G. Ivanov, V.V. Lapitsky. Leningrad: Publishing house of Leningrad State University, 1989. 167 p. (in Russian)

10. *Feuerbach, L.* Istoriya filosofii : sobranie proizvedenii [History of Philosophy: Collection of works]. In 3 vols., vol. 1. / L. Feuerbach; Academy of Sciences of the USSR. Moscow: Mysl', 1967. 544 p. (Philosophical heritage). (in Russian)

11. *Florensky, P.A.* Stolp i utverzhdienie Istiny [The Pillar and Ground of the Truth]. / P.A. Florensky. Moscow: Pravda, 1990. 490 p. (in Russian)

ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ
75-летию Победы
в Великой Отечественной войне
посвящается...

УДК 908, 929

**АРХИВ СЕМЬИ ГЛАВНОГО ХИРУРГА
ЭВАКОГОСПИТАЛЕЙ ТАМБОВСКОГО
ОБЛЗДРАВ ОТДЕЛА Т.М. ГРОЗДОВА
КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ТЕМЫ
СЛУЖЕНИЯ СВЯТИТЕЛЯ ЛУКИ
(ВОЙНО-ЯСЕНЕЦКОГО)
НА ТАМБОВСКОЙ ЗЕМЛЕ В ГОДЫ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Протоиерей Виктор Федорович Лисюнин
кандидат богословия,
кандидат исторических наук,
заведующий кафедрой церковной истории
Тамбовской духовной семинарии
E-mail:ovli09@mail.ru

Для цитирования: *Лисюнин, В.Ф., прот.* Архив семьи главного хирурга эвакогоспиталей Тамбовского облздравотдела Т.М. Гроздова как источник изучения темы служения святителя Луки (Войно-Ясенецкого) на Тамбовской земле в годы Великой Отечественной войны // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. – Тамбов, 2020. – № 1 (10). – С. 56–68.

Аннотация

Статья посвящена анализу данных семейного архива хирурга эвакогоспиталей Тамбовского облздравотдела Тихона Митрофановича Гроздова (1894–1957). Обнаруженные документы и семейные предания позволяют проследить сохранение семейных традиций в трагическое послереволюционное время и в годы Великой Отечественной войны, а также связи с архиепископом Лукой (Войно-Ясенецким) в период его служения в городе Тамбове, когда было положено начало возрождению Тамбовской епархии.

Ключевые слова: семья Гроздовых; семейный архив; Великая Отечественная война; архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий); эвакогоспиталь.

За последние десятилетия появилось много замечательных исследований о жизни и деятельности великого святого исповедника – святителя Луки. Но неизменный интерес для исследователей

представляют труды самого святителя: богословский труд «Дух, душа и тело» [15] и автобиография «Я полюбил страдание...» [14].

Первым, кто дерзнул дать фундаментально-обоснованное повествование об архиепископе Луке, был М.А. Поповский, монография которого «Жизнь и житие святителя Луки (Войно-Ясенецкого), архиепископа и хирурга» [16] впервые была опубликована в 1979 году в Париже. Одними из первых, кто в 1990-е коснулся темы тамбовского служения архиепископа Луки, были архиепископ Тамбовский и Мичуринский Евгений (Ждан), Я.И. Фарбер [6], В.А. Кученкова [7] и др. [17]. В 2004 году в свет вышла работа С.А. Чеботарева «Тамбовская епархия 40–60 гг. XX века» [19], которая значительно расширила тамбовскую тему и привнесла в научный оборот много новых рассекреченных документов из фонда тамбовских уполномоченных по делам Церкви. Значительными трудами в изучении духовного наследия святителя Луки на Тамбовской земле являются исследования митрополита Тамбовского и Рассказовского Феодосия (Васнева) [18], а также Г.А. Абрамовой [1, 2], А.Е. Яковлева [8] и др. [17].

С 2001 по 2019 год был опубликован ряд работ [1, 9, 10, 11, 12], которые позволили раскрыть тему приходского служения во времена святителя Луки через изучение устных свидетельств и воспоминаний очевидцев, а также через исследование истории повседневности прифронтового г. Тамбова и особенности развития Покровского прихода. Появление новых документов из семейных частных архивов, личные переживания в отражении воспоминаний очевидцев – все это каждый раз в совокупности позволяет уточнить уже известные факты архивных источников, что особым образом способствует более глубокому пониманию контекста исторических событий, реконструируя их на основе выявленного опыта общения очевидцев.

В этой связи собрание документов, фотографий, писем, дневников, записей, старинных предметов семьи Тихона Митрофановича Гроздова [15] открывает тему возрождения Тамбовской епархии в правление архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого) с точки зрения непосредственных участников характеризуемых процессов. Заботы, деяния, взгляды на жизнь, настроения в среде интеллигенции, в лице которой архипастырь видел главную силу возрождения православных традиций, открываются в этих свидетельствах с непреложностью очевидного факта.

Хотя потомки Тихона Митрофановича Гроздова – сын Вячеслав, внучка Марина, – благодаря которым характеризуемый источник был открыт, послевоенный и современный нам период провели в Ленинграде (теперь – Санкт-Петербурге), они поддерживали контакты с Тамбовом, регулярно приезжая проведать близких и поклониться могилам родственников. Сохранился и дом Гроздовых в Тамбове – ул. Чичканова, 65, – где они провели военные годы. Как свидетельствует о деде Марина Вячеславовна Ганеева (Гроздова), он «не был никогда ни за границей, нигде, не понимая, куда еще можно поехать, кроме Тамбова» [4]. В родительском доме после смерти старших Гроздовых жила Анна Тихоновна, которая была врачом в областном онкодиспансере и психиатрической больнице. [4]. Она завещала дом брату, после которого хозяйкой всего имущества стала Марина Гроздова (в замужестве – Ганеева).

После смерти Анны Тихоновны, последовавшей в 2001 году, наиболее ценная часть имущества была перевезена в Санкт-Петербург, а ценные документы в 2011 году переданы безвозмездно в Музейно-выставочный центр г. Тамбова директору И.А. Николаеву. В Музейно-выставочный комплекс был передан портрет Тихона Митрофановича Гроздова, висевший в кабинете его сына Вячеслава, а также записка, составленная рукой святителя Луки, помещенная старшим Гроздовым в рамку. Текст записки архиепископа Луки стал девизом Вячеслава Тихоновича: «Для хирурга не может быть случая (медицинского. – *Прот. В. Л.*), а может быть только живой страдающий человек». Марина Вячеславовна отдала в дар музею много альбомов с фотографиями и рисунками отца, рулоны листов ватмана, на которых были «папины и дедушкины рисунки» [4], в том числе зарисовки хирургических операций, так как оба Гроздова великолепно рисовали. Была также передана программа Межрегиональной конференции хирургов, проходившей в г. Орле в 1943 году.

В 2010 году Вячеслав Тихонович Гроздов скончался. Вещи, оставшиеся в квартире, в том числе дневники военных лет, были переданы безвозмездно в Тамбовский краеведческий музей в 2018 году для экспозиции созданного Мемориального дома-музея святителя Луки по историческому адресу: ул. Комсомольская, 9 (ныне ул. Архиепископа Луки, 9). М. В. Гроздова остается хранительницей семейных реликвий, к каковым относится большого размера кар-

тина, изображающая кающуюся Марию Магдалину, подаренная отцу Тихона Митрофановича – священнику Митрофану Гроздову, за участие в работе Крестовоздвиженского братства. О старшем Гроздове Марина Вячеславовна знает немного: о принадлежности к потомственному духовенству говорить в семье было не принято из предосторожности. По той же причине, как считает Марина Вячеславовна, в семье Гроздовых открыто не говорили об архиепископе Луке (Войно-Ясенецком). И тетка Анна Тихоновна, хотя была жительницей Тамбова, ничего об архиепископе не говорила.

Некоторые документальные свидетельства семейного архива открывают давнее знакомство двух хирургов – В.Ф. Войно-Ясенецкого и Т.М. Гроздова, пути которых пересекались еще в Ташкенте в начале 1920-х годов. Так, в материалах выставки, посвященной святителю Луке, хранится архивная выписка за № 4 из Книги записей браков за 27 ноября 1923 года в г. Катта-Курган. Ниже, в графе «Месяц и число заключения брака», указана другая дата – 27 января 1923 г. Выписка показывает, что Тихон Митрофанович, врач, родившийся в г. Тамбове, женился первым браком на Пелагее Васильевне Пенко (графика передачи фамилии невесты позволяет прочесть иной вариант – «Гиенко»), родившейся в г. Ташкенте [5]. Если учесть, что Туркестанский полк был вовлечен в сложную борьбу молодого советского государства с басмачами, державшими связь с английской, американской, турецкой разведкой, а также характерную внешность женщины, дальнейшее изучение этого вопроса может оказаться перспективным [3]. Оба – православного вероисповедания. Жених – врач 3-го Туркестанского полка. Выписку из книги регистрации браков дополняет выписка из метрической книги о таинстве Брака, совершенном священником Свято-Владимирского храма г. Катта-Курган – Никифором Пономаревым. Со стороны поручителей жениха были граждане г. Моршанска Тамбовской губернии Леонид Александрович Розонов и врач 3-го Туркестанского полка Николай Дмитриевич Доброхотов. Обе фамилии имеются в списках выпускников Тамбовской духовной семинарии и принадлежат потомственному тамбовскому духовенству. После описываемых событий в 1923 году молодые супруги Гроздовы выехали в Тамбов, а несколькими месяцами раньше, в июне, глава Туркестанской епархии епископ Лука (Войно-Ясенецкий) был арестован и, пройдя через Бутырскую и Таганскую тюрьмы, этапирован в Восточную Сибирь.

Уверенность родственников Т.М. Гроздова в том, что он был в общении с епископом-хирургом Лукой (Войно-Ясенецким), служа в Ташкенте, здесь дополняется вероятностью, что в начале 1920-х годов выходцы из духовного сословия Тамбовской епархии были прихожанами православных храмов архипастырского попечения святителя Луки, стремительно прошедшего путь от диакона (январь 1921 г.) до епископа Туркестанской епархии (май 1923 г.). При этом церковь в г. Катта-Курган находилась в Самаркандской области, т.е. недалеко от г. Пенджикент, где в мае 1923 года Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий был наречен епископом Барнаульским, хиротонию с ведома Святейшего Патриарха Тихона (Белавина) совершил епископ Уфимский Андрей (Ухтомский).

М.В. Гроздова, родившаяся в Ленинграде 19 января 1955 года, лично святителя Луку не знала, но именно она проявляла с детства интерес к истории семьи и расспрашивала ближайших родственников. Беседы с родителями и родственниками помогли Марине Вячеславовне стать настоящим биографом семьи Гроздовых. Из семейных рассказов ей известно, что прадедушка протоиерей Митрофан Иванович Гроздов был женат на дочери священника Анне Васильевне Добровой. Отец невесты, священник Василий Добров, несколько лет служил в с. Моршань-Лядовка Кирсановского уезда, затем переехал в Тамбов и был протоиереем кладбищенской церкви. Из 17 детей 12 (6 сыновей и 6 дочерей) дожили до солидного возраста. Отец Митрофан Гроздов при поддержке княгини Кугушевой и купцов-благотворителей организовал школу-интернат для слепых детей в здании с домовым храмом, где теперь на ул. А. Бебеля располагается Тамбовский колледж искусств.

Семья Гроздовых пострадала от репрессий в отношении духовенства. Отец Митрофан умер в 1919 году. Старший сын Сергей, как священник, отбыл тюремный срок, затем работал на строительстве канала Москва–Волга, вновь был арестован и сослан в Сибирь, где погиб в 1941 году. Его сын Андрей «попал в тюрьму за неосторожные политические высказывания» [4]. Старшая дочь Татьяна стала врачом, ее поздний брак остался бездетным, но она заботилась о младших братьях и племянниках. Дочь Ольга, став свидетельницей повешения людей во время Гражданской войны, пережила «реактивный психоз» и находилась на содержании семьи.

Тихон Митрофанович, дед Марины Вячеславовны, хранительницы архива семьи Гроздовых, окончил семинарию, затем – университетский курс медицинского факультета (сначала в Варшаве, а затем в Москве). Будучи призванным в Красную Армию, воевал под командованием Тухачевского, был в плену в Польше, а затем был направлен в Среднюю Азию, где воевал с басмачами, являясь врачом 3-го Туркестанского полка. После демобилизации с 1923 года служил в Тамбовской губернской (ныне областной) больнице, преподавал в фельдшерско-акушерской школе. Во время Великой Отечественной войны служил в эвакогоспиталях главным хирургом, а после войны – главным врачом в онкодиспансере. Опубликовал 19 научных работ. С 1950 года возглавлял научно-медицинское общество, был членом Совета при Главном управлении лечебно-профилактической помощи Министерства здравоохранения РСФСР. Награжден орденом Ленина, орденом Красной Звезды, медалями и значком «Отличник здравоохранения». Ему было присвоено звание «Заслуженный врач РСФСР» [5].

Вячеслав Тихонович Гроздов родился 10 февраля 1927 года в г. Тамбове. Он стал третьим ребенком в семье Тихона Митрофановича, где были старшая дочь Анна (1924 г.р.) и сын Борис (1925 г.р.). Во время войны много помогал отцу в госпиталях, делал зарисовки операций, портреты раненых. В своих дневниках, которые юный Вячеслав Гроздов вел с конца 1930-х до 1945 года, он отразил эпизодические встречи с профессором архиепископом Лукой (Войно-Ясенецким), подчеркнув неизгладимое впечатление, произведенное на него этой сильной и волевой личностью. По воспоминаниям Вячеслава Гроздова можно понять, что его отец Тихон Митрофанович и святитель Лука имели сходные взгляды не только в профессиональной деятельности, в том числе в отношении методов проведения операций и лечения пациентов, но и общие мировоззренческие позиции. Благодаря обретенным документам можно определенно говорить, что сын священника, выпускник Тамбовской семинарии Тихон Митрофанович Гроздов, являясь главным хирургом эвакогоспиталей Тамбовского облздравотдела, не стеснялся брать советы у святителя Луки и не боялся посещать его на дому, свидетелем чего был Вячеслав Гроздов [5].

После Великой Отечественной войны Вячеслав уехал из Тамбова и закончил в Москве институт инженеров железнодорож-

ного транспорта, был призван в армию, стал кадровым военным. Служил в Эстонии, Ленинградской и Новгородской областях. С 1962 года проживал и работал в Ленинграде. Преподавал и возглавлял кафедру в военно-строительном университете, защитил две диссертации, получил ученую степень доктора технических наук и звание профессора. Вячеслав Тихонович – автор около 40 печатных работ, он воспитал большое количество военных специалистов. Скончался в 2010 году.

Отношения Гроздовых и архиепископа Тамбовского Луки окружены ореолом тайны: хотя близкое знакомство признавалось всеми, о самом архипастыре в семье не говорили. Марина Вячеславовна вспоминает, что дедушка всегда помнил, что происходит из семьи священника и, будучи талантливый и уважаемый хирургом, все-таки постоянно ждал ареста. В коридоре всегда стоял, собранный на «экстренный случай», чемоданчик.

Своих родственников Марина Вячеславовна вспоминает как людей исключительных. Бабушка берегла руки Тихона Митрофановича, так как это были руки хирурга. Тихон Митрофанович Гроздов был «запредельной скромности» человеком: он никогда ничего не брал за исцеление, и попытки пациентов отблагодарить его пресекал – иногда резко. Не считал себя вправе жить лучше других. Бабушка рассказывала Марине Вячеславовне, что как-то ее встретил на рынке начальник облздравотдела Гаспарян и спросил, почему она не приходит за талонами, которые полагаются Т.М. Гроздову как главному хирургу. Оказалось, что Пелагея Васильевна ничего не знала о том, что им полагаются «какие-то лишки: 100 граммов масла или спирт, которые можно было обменять на что-то». И это в то время, когда родной сын умирал от менингита...[4]. Гаспарян велел Пелагее Васильевне, не говоря мужу, приходите за талонами к нему лично.

Супружеские отношения Тихона Митрофановича и Пелагеи Васильевны были тоже окружены семейными преданиями. Марине Вячеславовне известно из разговоров в семье, что дед привез жену из Ташкента и что к тому времени она была в разводе. Прежние семейные отношения у Гроздовых принято было не обсуждать.

Марина Вячеславовна запомнила, что брак дедушка и бабушка оформили в Ташкенте, а венчались – в Тамбове. Причем до венча-

ния Тихон Митрофанович принципиально избегал супружеских отношений. Второбрачие Пелагеи Васильевны стало причиной того, что свекровь, мать Тихона Митрофановича, никогда не поддерживала с нею отношений и детей растить не помогала [4].

Понимание того, что дед и отец Гроздовы являлись носителями исторической памяти, пришло не сразу. Марина Вячеславовна признается, что в медицинском институте изучала «Очерки гнойной хирургии» В.Ф. Войно-Ясенецкого, не осознавая, что речь идет об очень значимом для ее семьи человеке. Теперь карандашный эскизный портрет архиепископа Луки, сделанный ее отцом Вячеславом Гроздовым, является «самым ценным, что есть в доме». Тем не менее Марина Вячеславовна в 2011 году решила расстаться с семейной реликвией, сделать «гражданский шаг», так как «для тамбовской земли это важно» [4]. Портрет был передан в фонд ТОКМ и теперь находится в экспозиции Народного мемориального дома-музея архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого) в Тамбове.

Благодаря тому, что М.В. Гроздова сохранила семейный архив, его реликвии сегодня стали эмпирическим материалом для широкого спектра научной и музейной деятельности. Наибольшую ценность представляют дневники ее отца Вячеслава Тихоновича Гроздова, составившие настоящую летопись жизни семьи и города в годы Великой Отечественной войны.

Список литературы

1. Примите мою любовь : тамбовский период служения архиепископа Луки : исслед., док., воспоминания / авт.-сост.: Г.А. Абрамова, протоиерей Виктор Лисюнин. – Тамбов, 2018. – 216 с.

2. Абрамова, Г.А. Из истории взаимоотношения Тамбовского областного краеведческого музея и Тамбовской епархии в 1943–1945 гг. : неизвестные страницы : (по материалам науч. архива ТОКМ) / Г.А. Абрамова // Природа и история Тамбовской области в памятниках материальной культуры, 1937–2007 гг. : сб. ст. первых обл. музейн. краевед. чтений. – Тамбов, 2007. – С. 34–36.

3. Азовцев, Н.Н. Гражданская война в СССР / Н.Н. Азовцев. – Москва : Воениздат, 1986. – 447 с.

4. Аудиозапись интервью с М.В. Ганеевой (Гроздовой, 1955 г.р.) 10.10.2017 г. // Личный архив прот. В. Лисюнина.

5. Документы семейного архива Гроздовых // Тамбовский областной краеведческий музей (ТОКМ). Отдел рукописей.

6. *Евгений, архиеп.* Две ипостаси великого человека // Тамбовская жизнь / архиепископ Тамбовский и Мичуринский Евгений, Я. Фарбер. – 1992. – 23 апр. – С. 2.

7. *Кученкова, В.А.* Житие архиереев тамбовских / В.А. Кученкова. – Тамбов : Компьютер. центр, 1998. – 77 с.

8. *Косачев, И.Д.* Профессор В.Ф. Войно-Ясенецкий – архиепископ Лука : врачевание и священнослужение (1877–1961) : монография / И.Д. Косачев, П.Ф. Гладких, А.Е. Яковлев ; под общ. ред. И. Б. Максимова. – Санкт-Петербург : Военно-мед. акад. ; Дмитрий Буланин, 2013. – 509 с.

9. *Лисюнин, В., свящ.* История Покровского собора города Тамбова / священник Виктор Лисюнин. – Тамбов : [б. и.], 2001. – 106 с.

10. *Лисюнин, В., свящ.* Тамбовская Голгофа святителя Луки : (по свидетельству очевидцев) / священник Виктор Лисюнин. – Тамбов : Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012. – 540 с.

11. *Лисюнин, В., свящ.* Покровский собор города Тамбова и православные традиции / священник Виктор Лисюнин. – Тамбов : Изд-во ТРОО «Бизнес–Наука–Общество», 2013. – 432 с.

12. *Лисюнин, В., свящ.* Покровский собор – свидетель и памятник святителя Луки / священник Виктор Лисюнин // Церковь и государство: XX век. – Тамбов, 2001. – С. 116–136.

13. *Лука (Войно-Ясенецкий), архиеп.* «Я полюбил страдание...» : автобиография / архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий). – Москва : Молодая гвардия, 2003. – 208 с.

14. *Лука (Войно-Ясенецкий), архиеп.* Дух, душа и тело / архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий). – Симферополь : Изд-во Симфероп. и Крым. епархии, 2000. – 136 с.

15. *Милованов, В.В.* Т.М. Гроздов – организатор и первый руководитель онкологической службы в Тамбовской области : (к 70-летию становления) / В.В. Милованов // Онкология. Журнал им. П.А. Герцена. – 2017. – № 6. – С. 72–75.

16. *Поповский, М.А.* Жизнь и житие святителя Луки (Войно-Ясенецкого), архиепископа и хирурга / М.А. Поповский. – Санкт-Петербург : Сатисъ, 2002. – 511 с.

17. Святитель Лука (Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий) (1877–1961) : библиографический указатель / Упр. куль-

туры и архивного дела Тамбовской области, ТОГБУК «ТОУНБ им. А.С. Пушкина» ; сост. О.А. Борзова. – Тамбов, 2017. – 191 с.

18. *Феодосий (Васнев), митр. Тамбовский и Рассказовский*. Святитель Лука – архиепископ Тамбовский и Мичуринский / митрополит Тамбовский и Рассказовский Феодосий (Васнев) // Тамб. епарх. ведомости. – 2016. – № 11. – С. 32–39.

19. *Чеботарев, С.А.* Тамбовская епархия 40–60-х гг. XX века / С.А. Чеботарев. – Тамбов : Юлис, 2004. – 379 с.

UDC 908, 929

**THE ARCHIVE OF THE FAMILY OF THE
CHIEF SURGEON OF EVACUATION
HOSPITALS OF THE TAMBOV
REGIONAL HEALTH DEPARTMENT
T.M. GROZDOV AS A SOURCE FOR
STUDYING THE THEME OF THE
MINISTRY OF ST. LUKE (VOINO-
YASENETSKY) IN THE TAMBOV LAND
DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR**

Viktor F. Lisyunin, Archpriest
PhD in History,
PhD in Theology,
Head of the Department of Church
History
Tambov Theological Seminary
E-mail:ovli09@mail.ru

For citation: *Lisyunin, V.F., archpriest*. The archive of the family of the chief surgeon of evacuation hospitals of the Tambov regional health department T.M. Grozdov as a source for studying the theme of the ministry of St. Luke (Voino-Yasenetsky) in the Tambov land during the Great Patriotic War // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. Tambov, 2020, no. 1 (10), pp. 56–68. (in Russian)

Abstract

The article analyzes the data of the family archive of the Tambov regional Department of emergency medicine surgeon Tikhon Mitrofanovich Grozdov (1894–1957). The documents and family traditions found allow us to trace the preservation of family traditions in the tragic post-revolutionary period and during the great Patriotic war, as well as the connection with Archbishop Luka (Voino-Yasenetsky) during his Ministry in Tambov, when the revival of the Tambov diocese was initiated.

Keywords: family Drozdovich; family archive; Great Patriotic war; Archbishop Luka (Voino-Yasenetsky); an evacuation hospital.

References

1. *Primate moyu lyubov' : tambovskii period sluzheniya arkhiepiskopa Luki : issledovaniya, dokumenty, vospominaniya* [Accept my love: the Tambov period of the ministry of Archbishop Luke: researches, documents, memoirs]. / Compiled by G.A. Abramova, Archpriest Victor Lisyunin. Tambov, 2018. 216 p. (in Russian)

2. *Abramova, G.A. Iz istorii vzaimootnosheniya Tambovskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya i Tambovskoi eoarkhii v 1943–1945 gg. : neizvestnye stranitsy : (po materialam nauchnogo arkhiva TOKM)* [From the history of the relationship between the Tambov Regional Museum of Local Lore and the Tambov Diocese in 1943–1945 : unknown pages: (based on materials from the scientific archive of the Tambov Regional Museum of Local Lore)]. / G.A. Abramova // *Nature and history of the Tambov region in the monuments of material culture, 1937–2007. : Collected papers of the first regional museum local history readings*. Tambov, 2007, pp. 34–36. (in Russian)

3. *Azovtsev, N.N. Grazhdanskaya voina v SSSR* [Civil war in the USSR]. / N.N. Azovtsev. Moscow: Military Publishing House, 1986. 447 p. (in Russian)

4. *Audiozapis' interv'yu s M.V. Ganeevoi (Grozdovoi, 1955 g.r.) 10.10.2017 g.* [Audio recording of an interview with M.V. Ganeeva (Grozдова, born in 1955) 10/10/2017]. // Personal archive of archpriest V. Lisyunin.

5. *Dokumenty semeinogo arkhiva Grozdovykh* [Documents of the Grozdovs family archive]. // Tambov Regional Museum of Local Lore. Manuscript department.

6. *Evgeni, archbishop*. Dve ipostasi velikogo cheloveka [Two hypostases of a great man]. // Tambovskaya Zhizn' / Archbishop of Tambov and Michurinsk Evgeni, Y. Farber. 1992, April 23, p. 2. (in Russian)

7. *Kuchenkova, V.A.* Zhitie arkhierееv tambovskikh [Life of the Tambov Bishops]. / V.A. Kuchenkova. Tambov: Computer Center, 1998. 77 p. (in Russian)

8. *Kosachev, I.D.* Professor V.F. Voyno-Yasenetsky – arkhiepiskop Luka: vrachevanie i svyashchenosluzhenie (1877–1961): monografiya [Professor V.F. Voyno-Yasenetsky – Archbishop of Luke: doctoring and serving as a priest (1877–1961): monograph]. / I.D. Kosachev, P.F. Gladkikh, A.E. Yakovlev; under the general editorship of I.B. Maksimov. St. Petersburg: Military Medical Academy ; Dmitry Bulanin, 2013. 509 p. (in Russian)

9. *Lisyunin, V., priest*. Istoriya Pokrovskogo sobora goroda Tambova [History of the Cathedral of Intercession of the Virgin in the city of Tambov]. / priest Viktor Lisyunin. Tambov: [without publishing house identification], 2001. 106 p. (in Russian)

10. *Lisyunin, V., priest*. Tambovsskaya Golgofa svyatitelya Luki : (po svedetel'stvu ochevidtsev) [Tambov Golgotha of St. Luke: (according to eyewitnesses' accounts)]. / priest Viktor Lisyunin. Tambov: Publishing house of TSU named after G.R. Derzhavin, 2012. 540 p. (in Russian)

11. *Lisyunin, V., priest*. Pokrovskii sobor goroda Tambova i pravoslavnye traditsii [The Cathedral of Intercession of the Virgin in the city of Tambov and Orthodox traditions]. / priest Viktor Lisyunin. Tambov: Publishing House of TROO «Business – Science – Society», 2013. 432 p. (in Russian)

12. *Lisyunin, V., priest*. Pokrovskii sobor – svidetel' i pamyatnik svyatitelya Luki [The Cathedral of Intercession of the Virgin – the witness and monument to St. Luke]. / priest Viktor Lisyunin // Church and State: XX century. Tambov, 2001. pp. 116–136. (in Russian)

13. *Luke (Voyno-Yasenetsky), archbishop*. «Yapolyubil stradanie...» : avtobiografiya [«I fell in love with suffering ...» : autobiography]. / Archbishop Luke (Voyno-Yasenetsky). Moscow: Young Guard, 2003. 208 p. (in Russian)

14. *Luke (Voyno-Yasenetsky), archbishop*. Dukh, dusha i telo [Spirit, soul and body]. / Archbishop Luke (Voyno-Yasenetsky).

Simferopol: Publishing house of Simferopol and Crimea diocese, 2000. 136 p. (in Russian)

15. *Milovanov, V.V.* T.M. Grozdov – organizator i pervyi rukovoditel' onkologicheskoi sluzhby v Tambovskoi oblasti : (k 70-letiyu stanovleniya) [T.M. Grozdov, organizer and first head of the oncological service in the Tambov region: (to the 70th anniversary of its foundation) / V.V. Milovanov // *Oncology. P.A. Herzen Journal*. 2017, no. 6, pp. 72–75. (in Russian)

16. *Popovsky, M.A.* Zhizn' i zhitie svyatitelya Luki (Voino-Yasenetskogo), arkhiepiskopa i khirurga [Life and Hagiography of St. Luke (Voino-Yasenetsky), Archbishop and Surgeon]. / M.A. Popovsky. St. Petersburg: Satis, 2002. 511 p. (in Russian)

17. Svyatitel' Luka (Valentin Feliksovich Voino-Yasenetsky) (1877–1961) : bibliograficheskii ukazatel' [Saint Luke (Valentin Feliksovich Voino-Yasenetsky) (1877–1961): bibliographic index]. / Department of Culture and Archives of the Tambov region, Tambov Regional Universal Scientific Library named after A.S. Pushkin; compiled by O.A. Borzova. Tambov. 2017. 191 p. (in Russian)

18. *Feodosy (Vasnev), Metropolitan of Tambov and Rasskazovo.* Svyatitel' Luka – arkhiepiskop Tambovskii i Michurinskii [St. Luke, Archbishop of Tambov and Michurinsk]. / Metropolitan of Tambov and Rasskazovo Feodosy (Vasnev) // *Tambov diocese journal*. 2016, no. 11, pp. 32–39. (in Russian)

19. *Chebotarev, S.A.* Tambovskaya eparkhiya 40–60 gg. XX veka [Tambov Diocese in the 1940s–1960s / S.A. Chebotarev. Tambov: Yulis, 2004. 379 p. (in Russian)

УДК 261.7 (94(47).084.8)

**ДУХОВНЫЕ УРОКИ ИСПЫТАНИЯ
ВОЙНОЙ
(К ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВНОГО
ДУХОВЕНСТВА И ПАСТВЫ
ТАМБОВСКОЙ ЕПАРХИИ В 40-е ГОДЫ
XX ВЕКА)**

**Протоиерей Владимир
Александрович Сергунин**
магистр религиоведения,
аспирант кафедры отечественной истории,
доцент кафедры теологии
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный
университет им. Г.Р. Державина»,
старший преподаватель церковно-
практической кафедры Тамбовской
духовной семинарии
E-mail: vlaserg@gmail.com

Для цитирования: *Сергунин, В.А., прот.* Духовные уроки испытания войной (к истории православного духовенства и паствы Тамбовской епархии в 40-е годы XX века) // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. – Тамбов, 2020. – № 1 (10). – С. 69–80.

Аннотация

В статье дана характеристика взаимоотношений Русской Православной Церкви и государственной власти СССР в период Великой Отечественной войны; раскрывается духовный и патриотический подвиг Тамбовского священства и паствы. Представлена информация о благотворительных пожертвованиях и сборах, проводимых тамбовским духовенством и жителями Тамбовской области в пользу Красной Армии. Показана твердость веры и решимость в совершении церковного служения тамбовчан-фронтовиков.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь; Тамбовская епархия; Великая Отечественная война; православное духовенство; подвиг духовный; патриотизм.

История православного духовенства и паствы Тамбовской епархии знает немало примеров, когда нашествие опасного противника вдохновляло на подвиг, на самоотверженное служение отечеству, земному и небесному. Известно, что прозорливый старец, иеросхимонах Серафим (Муравьев), теперь – преподобный Серафим Вырицкий [9, с. 36–37], взывал к молитвенной помощи преподобного Серафима Саровского, стоя пред его иконой, помня пророчество: «Мне, убогому Серафиму, Господь открыл, что на земле Русской будут великие бедствия: Православная вера будет попрана, архиереи Церкви Божией и другие духовные лица отступят от чистоты Православия и за это Господь тяжко их накажет» [16]. Преподобный Серафим Вырицкий воочию убедился в истинности этого пророчества, когда стал свидетелем гибели имперской России, гонений на Церковь и верующих, обновленческого раскола, усугубившего и без того печальное положение духовенства. В 1927 году, т.е. в момент расцвета обновленческой ереси, преподобный Серафим пророчествовал: «Будет война, и война страшная, всемирная, она приведет народ России к Богу» [9, с. 37].

Справедливость этого тезиса подтверждают события Великой Отечественной войны, вернувшие помраченный атеистической идеологией и пропагандой народ к православной вере. В «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви» война прямо определяется как зло, как «физическое проявление скрытого духовного недуга человечества – братоубийственной ненависти» (Быт. 4, 3–12).

Последствия «братоубийственной ненависти» особенно очевидны на примере истории Тамбовщины. Усугубленный антоновским мятежом раскол традиционного уклада жизни привел Тамбовскую епархию, некогда одну из самых благоустроенных в России, на грань полного уничтожения. По подсчетам В.А. Кученковой, до 1917 года в губернии было 1500 храмов, 30 монастырей, мужских и женских. Особенно был богат храмами губернский и епархиальный центр – город Тамбов: около 40 церквей, из них 11 приходских, 17 домовых, 6 монастырских, 3 кладбищенских [15, с. 32, 38]. К 1943 году на учете в Тамбовской епархии находилось более 400 храмов, но 40 из них были разрушены до основания, 230 были закрыты, отобраны у Церкви: использовались в качестве зернохранилищ – 132, под клубы – 70, под промышленные

предприятия – 28. Незакрытыми официально числились – 147, но службы в них не было, т.к. служившие в них священники были репрессированы [5, л. 41–42]. В областном центре, в Тамбове, к 1943 году остались неразрушенными 4 храма: Спасо-Преображенский, Покровский, Скорбященский на территории Вознесенского монастыря, Казанский собор на территории Казанского мужского монастыря. Все названные храмы использовались под хозяйственные нужды [6, л. 1–39]. По данным ВЧК (Всероссийская чрезвычайная комиссия при СНК по борьбе с контрреволюцией и саботажем), на конец 1918 года в Тамбовской губернии все домовые и монастырские церкви были закрыты. «Монашествующие до 55-летнего возраста, как элемент паразитирующий, выселены, старые и больные переданы в ведение отдела социального обеспечения» [6, л. 1–39].

Тяжелые потери, понесенные Красной Армией в первые два года войны, суровые условия жизни, нехватка самого необходимого несколько ослабили наступление государства на Церкви. Страдающему народу необходима была вера, необходима Церковь. Репрессивная политика в отношении верующих препятствовала установлению контактов СССР со странами-союзниками. По этим причинам с сентября 1943 года государственно-церковные отношения начали меняться. Генералиссимус Сталин в ходе личной встречи договорился с митрополитами Русской Церкви Сергием (Страгородским), Алексием (Симанским) и Николаем (Ярушевичем) о сотрудничестве, а также поблагодарил за деятельное участие в помощи фронту, семьям военнослужащих, раненым и бедствующим.

Другим следствием этой исторической встречи стало массовое освобождение священнослужителей из ссылок и тюрем. В частности, на пустующую епископскую кафедру Тамбовской епархии был назначен архиепископ Красноярский Лука (Войно-Ясенецкий), который в проповедях и публикациях в Журнале Московской Патриархии дал глубокое объяснение испытаний, постигших советский народ в годы фашистского нашествия. В письме в Московскую Патриархию архиепископ Лука с сокрушением сердца восклицал: «Не терпит душа и не могу молчать, видя, что творится в Церкви Божией. О, какая страшная разруха, какой страшный голод духовный, какое множество некрещеных и ли-

шенных христианского погребения, какая беспросветная религиозная тьма!» [12].

Острее всего владыка переживал даже не разруху и материальные лишения, в которых жила Церковь этой эпохи, но плачевное состояние духовенства, самих пастырей, на которых возлагалась задача возрождения былого величия веры. «Страшно, страшно для меня то, что мало помощников нам, что так оскудели делами на ниве Христовой, ничему не научились за 27 лет страшной и великой революции, продолжаем мечтать о кумирах и набивать карманы и мешки деньгами, не помня о славе Божией!» [12]. Как видим, архипастыря больше тревожило не то, что в епархии ко времени его приезда в Тамбов имеется всего два храма – Покровский в Тамбове и Скорбященский в Мичуринске, – а то, что охладела вера в Бога.

Любовь к ближнему как основание веры Христовой возрождается в суровые дни войны, и к соблюдению этой заповеди взывал архиепископ Лука: «Всех вас, монашествующие и миряне, прошу словами св. апостола Петра провождать добродетельную жизнь между неверующими, дабы они за то, что злословят вас, увидя добрые дела ваши, прославили Бога в день посещения. Будьте покорны всяческому человеческому начальству, для Господа. Любите героев-бойцов славной армии нашей, освобождающей нас от рабства немцев, вторично распинающих Христа. Любите и почитайте великих и славных вождей народа нашего... Смиранный Лука, Архиепископ Тамбовский» [2, л. 1–2]. Владыка Лука поддержал почин архиепископа Астраханского Филиппа (Ставицкого): с 1945 года в день Усекновения Главы Иоанна Предтечи стали совершаться заупокойные моления «по всем павшим воинам», а с 8 мая 1945 года было установлено «ежегодное поминовение павших в Отечественную войну», для чего приходы выявляли имена павших и записывали в синодики «на вечное поминовение» [1, л. 1]. В Тамбове архиепископом Лукой был написан ряд статей, в которых оценивается духовный смысл жестокой войны, переживаемый православной пастырь [13, с. 24–25; 17, с. 26–28; 10, с. 21–22; 11, с. 28–29].

Архиепископ-хирург нисколько не сомневался, что народ русский остается верующим и, что объединенный в соборное единство, он одержит победу над врагом. В этой мысли он абсолютно

солидарен с общенародной идеей, символически воплощенной в песне-гимне, песне-символе «Священная война», созданной композитором и руководителем Краснознаменного ансамбля Красной Армии А.В. Александровым на стихи В.И. Лебедева-Кумача. Это символическое произведение прямо указывало на духовный смысл противостояния русского народа, как носителя православной веры, «мраку фашизма» [13, с. 24–25].

*Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой.
Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна.
Идет война народная,
Священная война.*

Такое произведение не мог создать человек, далекий от Бога. И действительно, Александр Васильевич Александров, уроженец Рязанской области, соседствующей с Тамбовской, еще в детстве пел в хоре Санкт-Петербургского Казанского собора, окончил регентское отделение Петербургской певческой капеллы, служил регентом соборного храма города Твери. Он, основатель отделения военных дирижеров в Московской консерватории, с 1918 по 1922 год служил регентом Храма Христа Спасителя в Москве. А.В. Александров – автор таких духовных произведений, как поэма для хора и оркестра «Христос воскрес», песнопение Страстной седмицы «Разбойника благоразумного», «Величание святителю Николаю Чудотворцу», «Хвалите имя Господне» и др. Жителям Тамбова он был хорошо известен не только благодаря песне «Священная война», но и по популярному фильму «Концерт фронту», вышедшему на экраны кинотеатров в 1942 году [14].

Общее чувство любви к Родине, общее стремление жертвенно служить делу мира подвигало свидетелей событий великой войны деятельно содействовать победе над врагом. Особую активность в этом движении проявляли представители тамбовского духовенства. Только в приходе Покровского собора города Тамбова в 1944 году собрали 114 335 рублей в пользу Красной Армии. Духовенство и паства также жертвовали одеяла, носки, верхнюю

одежду и пр. Отдельными статьями сборов числились: сбор на танковую колонну им. Дмитрия Донского, на оборону страны, в фонд помощи инвалидам, на подарки раненым [3, л. 1]. В сборах в пользу Красной Армии участвовал не только Тамбов, но и приходы Кладбищенской церкви г. Мичуринска, Никольской церкви г. Моршанска [3, л. 1 об.]. В течение 1944–1945 годов участие в сборах приняли недавно возвращенные верующим храмы г. Кирсанова, а также сел: Терновое, Медное, Старо-Кленское [4, л. 1–2].

Помимо общих сборов имелись примеры личных пожертвований. Например, настоятель Покровского собора г. Тамбова и благочинный Тамбовской епархии – прот. Иоанн Леоферов перечислил из собственных сбережений – 10 000 рублей [3, л. 1]. 130 000 рублей, большую часть присужденной ему в 1944 году Сталинской премии, пожертвовал архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий), о чем сообщал в телеграмме Сталину: «Прошу Вас, высокочтимый Иосиф Виссарионович, принять от меня 130 000 рублей, часть моей премии Вашего славного Имени, на помощь сиротам жертвам фашистских извергов. Тамбовский архиеп. Лука В-Я. Профессор Хирургии. С подлинным верно: Уполномоченный Совета по делам РПЦ при СНК СССР по Тамб. обл. Павлов» [2, л. 1 отд. нумерации].

Многие бойцы Красной Армии, раненые, труженики тыла возвращались к вере, осознавали себя частью Церкви Христовой, приходили к выводу, что нельзя жить без Бога. Однако это движение народа к Богу, к Церкви искусственно сдерживалось. Доказательством тому служит обращение раненых бойцов «4-й палаты хирургического 3-го отделения НКЮ» к церковному совету, клиру Покровского храма г. Тамбова: «В дни великих испытаний, павших на долю русского народа, чашу горя, обрушившуюся со стороны фашизма на русскую церковь, частично для спасения и защиты нашей православной церкви, пришлось пролить нам кровь православным воинам в боях с немецкими извергами, отстаивая каждую пядь священной русской земли и изгоняя зверя с нашей территории. В долгих и тяжелых походах, на коротких привалах и всегда в трудные минуты, когда жизнь была на волоске и враг наседал, мы мысленно обращались к Богу и Ангелам своего имени за помощью. В это время какая-то сила вселяла в нас дух бодрости, орудия били сильнее, автоматы строчили чаще и с Богом на устах мы побеждали извер-

гов и супостатов... Надеемся, глас не останется вопиющим в пустыни... Велик и Всемогущ Бог наш! ... Тяжелые дни позади, ради освобождения, враг добивается в логове, но для нас это не прошло бесследно, мы лежим на смертном одре в тяжелом состоянии и нам очень хотелось бы, чтобы кто-то из духовных пастырей пришел бы навестить свою паству и своей духовной беседой помочь нам побороть в себе мученические страдания от тяжелых повреждений, от которых нам тяжело в одиночестве, и рассказать нам, как живет и процветает русская православная церковь» [3, л. 1–2]. В просьбе прислать в госпиталь священника раненым бойцам: Семенову, Казанцеву, Медведеву, Ховрину, Серебрянникову, Коробкову, Куприянову, Кочетову, Ливиану, Расщупкину – было отказано с формулировкой: «Ввиду отсутствия изолированной комнаты удовлетворить ходатайство нельзя» [3, л. 1–2].

Среди бойцов Красной Армии были представители тамбовского духовенства Красной Армии. Немало из клириков-фронтовиков после войны вернулись к священнослужению: протоиерей Андрей Герусов, иеромонах (в дальнейшем архимандрит) Рафаил (Брыксин) – фельдшер госпиталей, архимандрит Иоанникий (Перегудов), диакон Ефим Уланов, протоиерей Константин Горчаков, протодиакон Михаил Добров, протоиерей Иоанн Васильевич Засыпкин и др.

Церковное служение митрофорного протоиерея Ивана Засыпкина (в постриге – иеросхимонаха Митрофана), уроженца села М. Хоперка Шувальгинского (Мордовского) района, началось в период управления епархией архиепископом Лукой. В 1942 году Иван Васильевич ушел на фронт, где стал командиром пулеметного расчета. Дважды был ранен, чудом остался жив, получив инвалидность. После войны он стал псаломщиком, служил в Ильинском храме г. Мичуринска, открывшемся при святителе Луке. В сан диакона, а затем – иерея он был рукоположен епископом Иоасафом (Журмановым).

В 1945 году архиепископ Лука рукоположил в сан диакона Ивана Алексеевича Дмитриевского, уроженца с. Космодемьянского Тамбовского уезда, участника и инвалида войны, который сослужил архипастырю в Покровском храме г. Тамбова. Из анкеты отца Иоанна известно, что до 1917 года он успел окончить церковно-приходскую школу и три класса в духовном училище [18].

Некоторые из вернувшихся с войны тамбовчан пришли служить в Церковь, испытав на себе пагубные результаты охлаждения к вере. В 1945 году архиепископ Тамбовский Лука рукоположил во диакона, а затем – иерея Василия Дмитриевича Лагутина, уроженца с. Лаврово Тамбовского уезда. Отец Василий был демобилизован с фронта после тяжелого ранения в 1944 году и награжден медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Судьба протоиерея Василия Лагутина, с 1945 по 1978 год служившего в храмах Мордово и Бокино, примечательна тем, что он окончил церковно-приходскую школу, успел послужить в составе экспедиционного корпуса во Франции и на Балканах во время Первой мировой войны.

В 1942 году в родное с. Советское (с. Пупки) Сосновского района вернулся после тяжелого ранения Ефим Маркович Уланов, который был репрессирован в 1933 году, являясь псаломщиком Богоявленской церкви (памятник архитектуры XIX века). В 1941 году он был призван на фронт, с которого вернулся инвалидом. Награжден медалью «За отвагу». В 1944 году был рукоположен в сан диакона.

Тамбовское духовенство, прошедшее испытание войной, блестяще исполнило призыв апостола Павла: «Возьмите щит веры, которым возможете угасить все раскаленные стрелы лукавого; и шлем спасения возьмите, и меч духовный, который есть Слово Божие» (Еф. 6, 14–17).

Список литературы

1. АТЕУ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 15. Л. 1.
2. ГАТО. Ф. Р-5220. Оп. 1. Д. 53.
3. Там же. Д. 26. Л. 1–2.
4. Там же. Д. 37. Л. 1–2.
5. Там же. Д. 111. Л. 41–42. Здесь и далее документы ГАТО цитируются по работе: *Гирич, А., прот.* Святитель Лука (Войно-Ясенецкий) на Тамбовской кафедре / протоиерей Алексей Гирич. – Тамбов, 2011. – 160 с. – URL: [/https://sluzhenie.tomsk.ru/texts/Tambov.pdf](https://sluzhenie.tomsk.ru/texts/Tambov.pdf) (дата обращения: 14.02.2011).
6. ГАТО. Ф. Р-5220. Оп. 1. Д. 88. Л. 1–39.
7. Там же. Оп. 2. Д. 8. Л. 10.

8. ГАТО. Ф. Р-5220. Оп. 1. Д. 26. Л. 1.

9. *Благословенная Вырица : история подвижничества / сост. Л.А. Ильюнина.* – Санкт-Петербург : Искусство России, 2010. – 137 с.

10. Бог помогает народам СССР в войне против фашистских агрессоров // ЖМП. – 1944. – № 9. – С. 21–22.

11. Возмездие совершилось // ЖМП. – 1946. – № 1. – С. 28–29.

12. *Гирич, А., прот.* Святитель Лука (Войно-Ясенецкий) на Тамбовской кафедре / протоиерей Алексей Гирич. – Тамбов, 2011. – 160 с. – URL: [/https://sluzhenie.tomsk.ru/texts/Tambov.pdf](https://sluzhenie.tomsk.ru/texts/Tambov.pdf) (дата обращения: 14.02.2011).

13. Кровавый мрак фашизма / архиеп. Лука // ЖМП. – 1943. – № 4. – С. 24–25.

14. *Крылов, В.* Композитор Александров : под небом рязанским рожден / Владимир Крылов. – Рязань : Литера, 2013. – 195 с.

15. *Кученкова, В.А.* Святые Тамбовской епархии / В. Кученкова. – Москва : Моск. Патриархат, 1993. – 109, [3] с.

16. *Нилус, С.А.* На берегу Божией реки : записки православного / Сергей Нилус. В 2 т. Т. 2. – Козельск, Калужская обл. : Введ. ставропиг. муж. монастырь Оптиная пустынь, 2016. – 486, [1] с. – URL: <https://azbyka.ru/fiction/polnoe-sobranie-sochinenij-tom-4-na-beregu-bozhej-reki-sergej-nilus/> (дата обращения: 11.01.2020).

17. Праведный суд народа // ЖМП. – 1944. – № 2. – С. 26–28.

18. *Феодосий (Васнев), митр.* Подвигом добрым подвизавшиеся в годы Великой Отечественной войны / митрополит Тамбовский и Рассказовский Феодосий // БЕЗФОРМАТА : сайт. – URL: <https://tambov.bezformata.com/listnews/godi-velikoj-otechestvennoj-vojni/33319334/> (дата обращения: 03.02.2020).

UDC 261.7 (94(47).084.8)

**SPIRITUAL LESSONS OF THE TEST
OF WAR
(ON THE HISTORY OF THE ORTHODOX
CLERGY AND FLOCK OF THE TAMBOV
DIOCESE IN THE 1940S)**

Vladimir A. Sergunin, Archpriest
Master of Religious Studies,
Graduate student of Russian History,
Associate Professor
Department of Theology
Derzhavin Tambov State University,
Senior Lecturer
Church-Practical Department
Tambov Theological Seminary
E-mail: vlaserg@gmail.com

For citation: *Sergunin, V.A., archpriest.* Spiritual lessons of the test of war (on the history of the Orthodox clergy and flock of the Tambov diocese in the 1940s) // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. Tambov, 2020, no. 1 (10), pp. 69–80. (in Russian)

Abstract

The article describes the relationship between the Russian Orthodox Church and the state power of the USSR during the Great Patriotic War; spiritual and patriotic feat of the Tambov priesthood and flock. It provides information on charitable donations and gatherings held by the clergy and people of Tambov region in favor of the Red Army. The firmness of faith and the determination of further church service of the Tambov front-line soldiers are shown.

Keywords: Russian Orthodox Church; Tambov diocese; Orthodox clergy; spiritual feat; patriotism; World War II.

References

1. ATEU. F. 2. Op. 3. D. 15. L. 1. [The Archives of Tambov Diocesan Administration. Fund 3. File 15. Sheet 1]. (in Russian)
2. GATO. F. P-5220. Op. 1. D. 53. [The State Archives of Tambov Region. Fund P-5220. Series 1. File 53]. (in Russian)

3. GATO. F. P-5220. Op. 1. D. 26. L. 1–2. [The State Archives of Tambov Region. Fund P-5220. Series 1. File 26. Sheets 1–2.] (in Russian)

4. GATO. F. P-5220. Op. 1. D. 37. L. 1–2. [The State Archives of Tambov Region. Fund P-5220. Series 1. File 37. Sheets 1–2]. (in Russian)

5. GATO. F. P-5220. Op. 1. D. 111. L. 41–42. [The State Archives of Tambov Region. Fund P-5220. Series 1. File 111. Sheets 41–42]. Hereinafter, the documents of the State Archives of Tambov Region are cited according to the work: A. Girich, archpriest. Saint Luke (Voyno-Yasenetsky) at the Tambov Department / Archpriest Alexy Girich. – Tambov, 2011. – 160 p. (in Russian). Available at: [/https://sluzhenie.tomsk.ru/texts/Tambov.pdf](https://sluzhenie.tomsk.ru/texts/Tambov.pdf) (Accessed: 14.02.2011).

6. GATO. F. P-5220. Op. 1. D. 88. L. 1–39. [The State Archives of Tambov Region. Fund P-5220. Series 1. File 88. Sheets 1–39]. (in Russian)

7. GATO. F. P-5220. Op. 2. D. 8. L. 10. [The State Archives of Tambov Region. Fund P-5220. Series 2. File 8. Sheet 10]. (in Russian)

8. GATO. F. P-5220. Op. 1. D. 26. L. 1. [The State Archives of Tambov Region. Fund P-5220. Series 1. File 26. Sheet 1]. (in Russian)

9. Blagoslavennaya Vyritsa : istoriya podvizhnichestva [Blessed Vyritsa: a history of asceticism]. / Compiled by L.A. Ilyunin. – St. Petersburg: Art of Russia, 2010. 137 p. (in Russian)

10. Bog pomogaet narodam SSSR v voine protiv fashistskikh agresorov [God helps the peoples of the USSR in the war against fascist aggressors]. // ZhMP. – 1944, no. 9, pp. 21–22. (in Russian)

11. Vozmezdie sovershilos' [Retribution has accomplished]. // ZhMP. – 1946, no. 1, pp. 28–29. (in Russian)

12. *Girich, A., archpriest. Svyatitel' Luka (Voyno-Yasenetsky) na Tambovskoi kafedre* [Saint Luke (Voyno-Yasenetsky) at the Tambov Department]. / Archpriest Alexy Girich. – Tambov, 2011. 160 p. (in Russian). Available at: [/https://sluzhenie.tomsk.ru/texts/Tambov.pdf](https://sluzhenie.tomsk.ru/texts/Tambov.pdf) (Accessed: 14.02.2011).

13. Krovavyi mrak fashizma [The bloody darkness of fascism]. / Archbishop Luke // ZhMP. – 1943, no. 4, pp. 24–25. (in Russian)

14. *Krylov, V. Kompozitor Aleksandrov : pod nebom ryazanskim rozhden* [Composer Alexandrov: born under the Ryazan sky]. / Vladimir Krylov. – Ryazan: Litera, 2013. 195 p. (in Russian)

15. *Kuchenkova, V.A.* Svyatyni Tambovskoi eparkhii [Shrines of the Tambov diocese]. / V. Kuchenkova. – Moscow: The Moscow Patriarchate, 1993, 109, [3] p. (in Russian)

16. *Nilus, S.A.* Na beregu Bozhiei reki : zapiski pravoslavnogo [On the bank of the river of God: notes of an Orthodox Christian]. / Sergey Nilus. In 2 vols., v. 2. Kozelsk, Kaluga region : Vvedenskii stavropigial'nyi muzhskoi monastyr' Optina pustyn', 2016. 486, [1] p. (in Russian). Available at: <https://azbyka.ru/fiction/polnoe-sobranie-sochinenij-tom-4-na-beregu-bozhej-reki-sergej-nilus/> / (Accessed: 11.01.2020).

17. Pravednyi sud naroda [The righteous trial of the people]. // ZhMP. – 1944, no. 2, pp. 26–28. (in Russian)

18. *Feodosy (Vasnev), Metropolitan.* Podvigom dobrym podvizavshiesya v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [People who did good deeds during the Great Patriotic War]. / Metropolitan of Tambov and Rasskazovo Feodosy // BEZFORMATА: website. (in Russian). Available at: <https://tambov.bezformata.com/listnews/godi-velikoj-otechestvennoj-vojni/33319334/> / (Accessed: 03.02.2020).

УДК 908

**ПОДВИЖНИКИ БЛАГОЧЕСТИЯ
МОНАСТЫРЕЙ ТАМБОВСКОЙ ЕПАРХИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX –
НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

**Игумен Пимен
(Семилетов Игорь Александрович)**
кандидат богословия,
старший преподаватель кафедры
богословия, библеистики и философии
Тамбовской духовной семинарии
E-mail: semilgor@gmail.com

Для цитирования: *Пимен (Семилетов), игум.* Подвижники благочестия монастырей Тамбовской епархии во второй половине XIX – начале XX века // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. – Тамбов, 2020. – № 1 (10). – С. 80–97.

Аннотация

В статье представлен обзор жизни тамбовских монастырей в XIX – начале XX века. Особое внимание автор уделяет развитию духовного наставничества и старчества в мужских и женских обителях, аскетическим подвигам монашествующих, а также анализирует влияние духовных руководителей на насельников монастырей и жителей окрестных городов и сел. В заключение сделан вывод, что тамбовские монастыри продолжили традиции православного аскетизма и явили миру целый сонм подвижников благочестия.

Ключевые слова: тамбовские монастыри; подвижники благочестия; духовное окормление; старчество; преемственность.

Всякая монашеская община как сообщество людей, собравшихся для наилучшего устройства своего спасения, имеет в своей среде тех, кто достигает на пути соблюдения заповедей Божиих и молитвенного труда высоких духовных вершин. Таких людей мы называем подвижниками благочестия. Они есть и в миру, но особенно много их было в монастырях.

Тамбовские монастыри имели своих подвижников, и в целом уровень духовной жизни в обителях был достаточно высок. Современный историк пишет о том, что «в пореформенное время в мужских монастырях зародилось старчество» [10, с. 113]. К таким обителям, в которых «завелось старчество», можно отнести, помимо Саровской пустыни, Вышенскую Успенскую пустынь и Трегуляевский Предтеченский монастырь, а также Пантелеимоновский скит (официально архиерейская загородная резиденция «Хутор Трех Лощин»), где особым уважением и авторитетом пользовался иеромонах Макарий [18, с. 376].

Составитель истории Вышенской пустыни игумен Тихон (Ципляковский) заканчивает свой труд кратким описанием жизни тех, которые «в недавнее время, потрудившись благочестно, скончались в мире о Господе добрые старцы подвижники» [18, с. 376], т. е. тех, кого он лично знал. При этом автор указывает не факты биографического характера, а те добродетели, в которых преуспели старцы, и те подвиги, которые они несли. Он так характеризует проживавшего в пустыни на покое бывшего настоятеля Алатырского Троицкого монастыря архимандрита Иоанна: «Права кроткого, по болезненному состоянию, почти безвыход-

но, терпеливо проводил келейную уединенную жизнь. Отличался чрезвычайной воздержанностью в пище и питии. Он, кажется, и воду пил каплями. В келлии занимался постоянно чтением душеспасительных книг и непрестанною молитвою» [18, с. 379]. Умер он в 1873 году.

Иеромонах Николай «отличался ревностью к службам Божиим, неопустительным хождением в храм Божий. Нрава был простого, любвеобильного, был чрезмерно строг к себе. Как бы ни была продолжительна служба церковная, старец никогда не позволял себе присесть в церкви. В келлии постоянно занимался в свободные от богослужений часы чтением псалтыри, сопровождая его поминовением живых и умерших. Отличался духовной мудростью в слове и наставлении» [18, с. 377]. Обладая столь высокими качествами, он был духовником для многих мирян, приходивших в обитель. Скончался он в 1871 году.

Иеромонах Иосиф, духовник братии, отличался «святою кротостию и простотою нрава и незлобия. К службам Божиим всегда любил усердно ходить. Слово его было простое, но солию мудрости духовной растворенное» [18, с. 379]. Умер он в 1876 году.

Ревность к богослужению особенно отличала монахов Вышенского монастыря. Например, монах Пантелеимон, бывший поручик, в монастыре его звали Пантелеимон Иванович, так как постригся он где-то тайно и даже не носил монашеской одежды: «Еще до начала утрени, когда пономарь только идет отпирать церковь, Пантелеимон Иванович уже бродил вокруг церкви, ожидая, когда ее отопрут. От постоянных стояний на богослужении ноги у старца отекали и были на вид очень велики» [18, с. 379]. Еще один насельник монастыря, также бывший поручик, Александр Михайлович «от непрестанных долгих стояний страдал отеком и опухолью в ногах» [18, с. 380]. Все это характерные черты традиционного монашеского подвижничества – строгого по своей сути, основанного на полном послушании и смирении своей плоти.

Сам игумен Тихон, создавший жизнеописание Вышенских отцов, занимал в ряду подвижников не последнее место. Он был сыном священника, окончил в 1860 году Тамбовскую духовную семинарию и через четыре года поступил в число послушников Вышенской пустыни, где был пострижен в монашество в 1866 году.

В 1868 году рукоположен в сан иеродиакона и в том же году переведен в Тамбовский архиерейский дом, где посвящен в сан иеромонаха. Стремясь к уединенной жизни, отец Тихон удалился на Афон, но климат Святой Горы пагубно влиял на его здоровье, поэтому в 1871 году он вернулся в Тамбов, проходил должность казначея Лебедянского Троицкого монастыря, в 1877 году возведен в сан игумена. С 1878 года назначен экономом архиерейского дома, настоятелем Санаксарского монастыря, затем снова Лебедянского монастыря. Отсюда в 1886 году по причине расстроенного здоровья уволен на покой в Вышенскую пустынь, где и окончил свою жизнь в 1896 году. Жил он в обители, почти не покидая своей келлии, в молитве, постоянных трудах, а также проводя время за «составлением для печати церковно-исторического и аскетического содержания статей» [7, с. 155]. Его перу принадлежали описания Вышенской пустыни и Санаксарского монастыря, а также статьи на аскетические темы: «Святое высокое служение иерея Божия – добровольное мученичество», «Кто кроток и смирен сердцем – подражатель и ученик Христов», «Слово – язык, по суду слова Божия и св. отцов» и др.

С 1862 года в Вышенском монастыре проживал слепец Петр Иванович Салтыков, сын дьячка. Тифозная горячка навсегда лишила его зрения, когда он с отличием заканчивал Тамбовскую духовную семинарию. В пустыни, из смирения не принимая монашества, он прожил вплоть до своей кончины в 1889 году. Живя в монастыре, Петр Иванович «по первому удару колокола спешил в храм Божий, ежедневно ко всякой службе Божией; первым придет и последний выйдет – как бы ни была продолжительна служба церковная, что бы ни пелось в церкви, по окончании службы, молебен ли, панихида ли, слепец терпеливо молился или сам участвовал в пении до тех пор, пока все кончалось и запиралась церковь. Послушание его было пение на клиросе ранних литургий, молебнов и панихид» [18, с. 705].

Такой удивительный духовный цветник собрался в Вышенской пустыни при настоятеле архимандрите Аркадии (Честонове), который и сам был аскетом. О нем святитель Феофан писал: «Он очень молитвенен и, кажется, приял дар непрестанной молитвы» [2, с. 1980]. Он также ревностно посещал церковные службы, пел и читал на клиросе, неопустительно сам совершал богослужение в

воскресные и праздничные дни. В личной келейной жизни «был прост и строг к себе: ни особой одежды, ни особого стола, ни особых покоев. Он в обители ходил как рядовой монах. Со всею братиею он разделял общую братскую трапезу, которую посещал ежедневно» [2, с. 2208–2220]. Рассказывали о нем характерный случай, когда его келейник довольно продолжительное время вместо чая поил его настоем березовой коры, а настоятель не сказал ему ни слова по этому поводу [2, с. 1981]. Конечно, влияние такой личности на братию было исключительным.

В период с 1866 по 1894 год в монастыре на покое проживал святитель Феофан Затворник, ушедший в 1874 году в полный затвор. Этот самый знаменитый вышенский насельник посредством переписки духовно окормлял многих своих чад, живших в разных уголках огромной страны.

Славилась своими подвижниками и Саровская пустынь. Целая плеяда старцев-подвижников подвизалась в пустыни в XVIII – первой половине XIX века: ее первоначальник иеросхимонах Иоанн, преподобный Иларион, преподобный Серафим, преподобный Марк, преподобный Назарий Валаамский, иеросхимонах Димитрий, иеросхимонах Пахомий. Среди этого сонма первое место занимает преподобный Серафим Саровский, духовно руководивший мирянами, которые шли к нему отовсюду. Он не оставил преемника своего служения, но, отчасти, таковым можно считать протоиерея Авраамия Некрасова, скончавшегося в 1886 году. В 1828 году он был рукоположен в сан священника и с этого времени стал посещать преподобного Серафима, пользуясь его советами и духовными наставлениями – его можно считать духовным чадом святого старца. Отец Авраамий с 1853 года служил в Арзамасском Николаевском женском монастыре вплоть до своей кончины, он благоговейно чтит память Серафима Саровского, охотно делился с сестрами воспоминаниями о встречах с ним. Ежегодно накануне дня кончины преподобного, 1 января, служил по нему панихиду, за свой счет покупал множество свечей, которые ставил перед всеми иконами в храме и раздавал в руки всем молящимся. Как величайшие святыни, хранил лоскут от мантии преподобного, зуб, некогда выбитый нападшими на подвижника разбойниками, и часть волос с головы батюшки Серафима. Все это он передал накануне своей смерти монахине Евфросинии, которая впоследствии стала игуменией монастыря.

Будучи духовным чадом преподобного Серафима Саровского и окормляясь у своего великого наставника при жизни, после его кончины отец Авраамий ежегодно ездил в Саров на могилку к батюшке за помощью и советом. Знавшие его вспоминали: «Всю свою жизнь он посвятил учительству; не упускал ни одного случая, чтобы беседу с ближними не направить к духовному содержанию и не сказать какого-либо нравоучения. Подобно пчеле, он старался из всего извлекать духовную пользу для ближнего. Никто не отходил от него без назидания и утешения» [14]. Отец Авраамий – яркий пример влияния преподобного Серафима на внешний мир, а именно на его пастырство, в этом можно видеть преемственность саровского старчества.

Преемственность старчества сохранялась и в самой Саровской пустыни. Последним старцем называют иеросхимонаха Василия (Андрея Петровича Петрова), уроженца города Симбирска. В 1903 году он ушел на жительство в пустынь в саровских лесах, затем возвратился и удалился в затвор: «К нему шли люди со всей России. Он никого не видел, но принимал через келейника записочки с именами для поминания или с какими-нибудь просьбами или вопросами. Отвечая на вопросы, высылал напечатанный листок Саровского издания с выдержками из наставлений и поучений преподобного Серафима или рассказами из его жития, а также какую-нибудь икону» [15, с. 359]. Очевидно, что здесь прослеживается преемственность с преподобными Серафимом и Марком Саровскими как в форме подвига (затвор), так и в форме духовного наставничества.

В начале XX века в Сарове старчество оскудело. Об этом говорил блаженный Иларион Троекуровский пришедшему к нему за советом Александру Гренкову, который спрашивал у него, в какой ему монастырь пойти: «Иди прямо в Оптину, ты там нужен». И прибавил: «Можно бы поступить и в Саровскую пустынь, но там уже нет таких мудрых старцев, какие были прежде, а в Оптиной пустыни старчество процветает» [5, с. 42].

Подвижник Трегуляева Иоанно-Предтеченского монастыря иеромонах Августин (Авдей Ефимов) подвизался в этой обители со второй половины XIX века. Родился он в 1799 году, принадлежал к духовному сословию, учился в Тамбовской духовной семинарии, затем был рукоположен в сан диакона в церкви с. Русаново Борисоглебского уезда. После смерти супруги в 1842 году посту-

пил в Трегуляевский монастырь, в 1846 году принял постриг, в 1854 году был посвящен в сан иеродиакона, а затем иеромонаха. К этому времени Трегуляев монастырь, как близко расположенный к Тамбову, принимал паломников-мирян, которые здесь любили говеть. И для многих из них отец Августин стал духовным отцом. Со временем «число его духовных чад возрастало, а вместе с тем умалялось то, что он искал с раннего возраста – уединение» [17, с. 31]. Отец Августин решил удалиться в пустынь – в трех верстах от монастыря он вырыл себе пещеру и стал жить там. Но и здесь затворника не оставили в покое: к нему снова стали ходить люди, нарушая его уединение.

Гонителем отца Августина стал настоятель монастыря архимандрит Никандр: он «запретил ему жить в пещере. Иеромонах Августин со смирением принял это повеление и вернулся в обитель. На его просьбы о возвращении в пустыньку следовал неизменный отказ. Все же отец Августин иногда тайно посещал пещерку для уединенной молитвы. Узнав об этом, архимандрит в наказание направил иеромонаха Августина «в черные работы» на год в Санаксарский монастырь. Через год ссыльный вернулся с отзывом: «Такого старца беспокоить ни в коем случае не следует» [17, с. 31]. В дальнейшем старец продолжал посещать свою пустыньку, настоятель периодически приказывал рабочим закапывать ее, а отец Августин снова ее восстанавливал. Свидетельством благодатности старца были посланные ему Господом дары «прозорливости и духовного рассуждения» [17, с. 32]. Умер иеромонах Августин в 1883 году.

В это же время на покое в Трегуляевом монастыре проживал епископ Тамбовский и Шацкий Николай (Доброхотов), управлявший епархией с 1841 года. Вследствие расстроенного здоровья он был уволен на покой в Трегуляев монастырь в 1857 году, где скончался в 1864 году. В монастыре здоровье его ухудшилось: он почти не мог разговаривать и ходить. Он много читал, а «по ночам совершал келейную молитву перед налоем» [19, с. 406], несмотря на болезнь, неотступно посещал церковные службы. Неизменно выезжал в Тамбов, чтобы отслужить панихиду перед гробницей святителя Питирима. Отличаясь щедростью и любовью к благотворительности, он умер, не оставив никакого имущества и денег. За три дня до кончины владыка Николай принял схиму с именем Филарет [19, с. 407].

Основатель Кирсановского Александро-Невского монастыря священник Василий Андреевич Голубев родился в 1811 году, после окончания Тамбовской духовной семинарии он был рукоположен в сан священника к церкви с. Костин-Одедец Борисоглебского уезда, где служил до 1884 года. Пребывая в священном сане, он занимался земледелием и приобрел значительный капитал, который обратил на благотворительность. Им были основаны Таволжанский женский монастырь и Кирсановский Александро-Невский мужской монастырь в память о чудесном избавлении царской семьи 17 октября 1889 года. Став строителем монастыря, для которого он купил 300 десятин земли в Кирсановском уезде, он хотел завершить это богоугодное дело, но не успел – умер 13 сентября 1890 года и был погребен на монастырском кладбище.

Современники отмечали, что отец Василий «постоянно отличался неусыпным трудолюбием, безукоризненною воздержанностию и примерной благотворительностию» [11, с. 946]. Помимо основания монастырей, отец Василий много жертвовал на духовные учебные заведения: «Им внесены были в свое время капиталы и в семинарию, и в женское епархиальное училище, и в мужские духовные училища, с тем, чтобы проценты с этих капиталов употреблялись на содержание бедных воспитанников и воспитанниц означенных заведений. А в селе Костине-Одельце Борисоглебского уезда им устроена богадельня для беспомощных жителей села» [11, с. 946]. Отец Василий представляет тип подвижников, связанных с монастырями, которые сами, ведя благочестивый образ жизни, обустроивали новые обители.

Подобного рода подвижники имели свои причины для основания монашеских обителей. Так, крестьянина Андрея Григорьевича Прошина к открытию Моршанского Казанского Прошинского женского монастыря подвигли следующие обстоятельства: «У супруги Андрея Григорьевича стали происходить нервные расстройства. Он любил жену и переживал за нее, решил основать и построить на свои деньги женский монастырь, чтобы там молились за ее здоровье» [13, с. 9]. На это потребовалось употребить немало усилий. Подав прошение начальству об открытии монастыря в 1896 году, он получил разрешение на открытие общины лишь в 1900 году. За это время Прошин на собственные средства возвел храм и часть монастырских зданий и передал общине 50 десятин пахотной земли.

Другой благотворитель – тамбовский купец Андрей Михайлович Носов – положил начало строительству Спасо-Преображенского Носовского мужского монастыря в Борисоглебском уезде, завещав на его основание 870 десятин земли и капитал в 140 000 рублей. После его смерти в 1893 году начались работы по обустройству будущего монастыря, который был открыт в 1908 году [16, с. 930]. Носов был известен своей широкой благотворительностью: им основан целый комплекс богоугодных заведений в г. Тамбове, включавших в себя богадельню, приют для детей-сирот, домовый храм, ночлежку и бесплатную столовую для нуждающихся, ремесленное училище. Жизнь Носова – «яркий пример христианского отношения к богатству. Обладание значительными средствами расценивалось им как возможность помочь гораздо большему количеству нуждающихся, нежели это мог сделать обычный человек. Благотворительность для купца Носова – служение Богу и людям» [17, с. 37]. Андрей Михайлович не был женат и вел жизнь благочестивую и даже аскетическую.

В Тамбовской епархии было несколько монастырей, сохранявших связь с духоносными подвижниками и поддерживавших аскетические традиции. Это Кирсановский Тихвино-Богородицкий, Троекуровский и Сезеновский женские монастыри. Основательницей первого считается преподобная Марфа Тамбовская (в миру Марфа Петровна Апарина), в тайном постриге схимонахиня Маргарита. Она жила во второй половине XVIII века (умерла в 1800 году). Подвижница, «ведя жизнь уединенную, посвященную молитве, трудам и благотворительности, привлекала все больше девиц и жен, желающих подражать ее жизни» [6, с. 16]. Марфа оставила после себя общину сестер, для которой утвердила устав по типу Саровского и в дальнейшем определила пути ее духовного и внешнего развития: труд, молитва и пост. После смерти Марфы община получила статус богадельни, а с 1849 года – монастыря. Первые его руководительницы – родная сестра Марфы Пелагея и Татьяна (Пахомова) – строго сохраняли заветы преподобной и передавали их следующим поколениям.

Составитель исторического описания монастыря священник В. Архангельский писал об этой преемственности в 1907 году: «Мы видим, что монастырь воспитал в своих стенах при таких условиях жизни много смиренных подвижниц и молитвенниц.

К числу их, кроме первоначальниц Марфы, Пелагеи – сестры ее, и Татьяны Пахомовой, принадлежат приснопамятные старицы: Евдокия, монахини – Варсонофия, Арсения, Тавифа, Анатолия, схимонахини – Апполинария, Серафима, Антонина и в настоящее время схимонахиня Митрофания. Относительно старицы Евдокии передают, что она почти во всю свою жизнь не имела собственной кельи, проводя большую часть времени во дворе или в храме; при этом она юродствовала, на что, по преданию, получила благословение от прп. Серафима, и ее предсказания, говорят, исполнялись иногда с буквальной точностью. Многие из схимниц вели жизнь строго постническую. Например, о схимонахине Апполинарии рассказывают, что она вела жизнь ангелоподобную, питаясь один раз в день и то плодами. Их молитвами и заступничеством, может быть, и возвеличивалась св. обитель Тихвинская! Благодаря этому „святому семени“, может быть, стоит она крепко и быстро возрастает. Они же были и самыми лучшими и надежными наставницами и руководительницами сестер в их духовной жизни» [1, с. 150].

Еще одной обителью, получившей свое начало и устройство от самородного подвижника, стал Троекуровский Иларионовский женский монастырь – такое официальное название он получил еще в дореволюционное время [8, с. 830]. Он связан духовно с именем блаженного Илариона, Троекуровского затворника, который родился в 1755 (1756) году в с. Зенкино Рязанской губернии в семье зажиточных государственных крестьян, в миру носил имя Иларион Фокин. С раннего возраста имел склонность к уединенной, монашеской жизни, но судьба его складывалась непросто. Большое влияние на него оказал дед Павел Игнатьевич Катасонов: человек благочестивый и молитвенный, он сразу обратил внимание на одаренного внука и был ему наставником в духовной жизни. Когда Илариону минуло четырнадцать лет, дед его умер, и он вернулся к родителям, так как до этого проживал у деда. Родители принудили его жениться. Пребывая в послушании у своих родителей, он прожил четыре года в семье, но затем покинул родных и жену, и стал скитаться, являя пример высокого подвижничества. Без паспорта он отправился в Киев, фактически сбежав из семьи. Жена его через полицию требовала возвращения мужа. Узнав об этом, он сбежал в лес близ с. Каликино, а затем поступил в Петропавловскую Раненбургскую пустынь, где был пострижен в рясофор

с именем Иларий. За отчужденный, странный для общежительного монастыря образ жизни братия недолюбливала его и постоянно доносила на него настоятелю. Когда, наконец, в монастырь явилась жена и стала требовать его возвращения в семью, он был с позором изгнан из обители и поселился в овраге близ с. Головшино. Затем начался период скитаний, и «самый вид Илариона – пухова шляпа, длинный белый халат и в зимнее время босые ноги – обращали на него постоянное внимание полиции. Особенно ему вредило, что он ходил без всякого вида на жительство – паспорта. Из-за этого ему часто приходилось сидеть в острогах во время странствований по святым местам» [5, с. 15]. Это сочетание несовместимых качеств делало из Илариона постоянного нарушителя существующих законов в строго регламентированном православном государстве, где главой Церкви фактически был император. Тем не менее уже при жизни он заслужил славу и уважение. Легитимации существования и деятельности святого Илариона содействовало то обстоятельство, что тамбовские архиереи относились к нему благосклонно. Епископ Тамбовский и Шацкий Арсений (Москвин), который возглавлял епархию с 1832 по 1841 год, «особенно обласкал Троекуровского затворника. Он благословил заранее приготовленный им для себя склеп и сам посоветовал то, что старец уже давно желал и предсказывал, а именно устроить здесь женскую общину» [5, с. 30]. Благоволил к Троекуровскому затворнику и преемник епископа Арсения – епископ Николай (Доброхотов, 1841–1857 гг.).

В период скитаний Иларион жил в Ельце, затем в Воловом овраге в пещере близ с. Каликина и, наконец, около Иверской церкви с. Карповка, где помещик князь Михаил Александрович Долгоруков поставил для него «удобную келью. В услужение дали мальчика и доставляли все необходимое к содержанию. Все семейство князя любило и уважало Илариона, а княгиня собственноручно обила сукном его келлию» [5, с. 21]. Этот эпизод иллюстрирует интересную черту помещичьего быта того времени, когда помещики давали приют у себя в имениях разным странникам и Божьим людям, зачастую не только заботясь о них, но и пользуясь их духовным руководством. Это определенным образом характеризует провинциальное дворянство как благочестиво настроенное, воцерковленное.

После смерти князя блаженный, «переходя от одного помещика к другому» [5, с. 21], поселился в 1824 году в имении помещика Ивана Ивановича Раевского в с. Троекурово Лебедянского уезда, где рядом с Дмитриевской церковью для него была выстроена келья. Здесь подвижник и закончил свою жизнь в 1853 году. Ко времени поселения старца в Троекурово его уже хорошо знали в губернии, и многие шли к нему за советом и молитвами. Одним из таких посетителей был и будущий преподобный Амвросий Оптинский. Вокруг блаженного стали собираться «старницы-послушницы», главное их дело было изготовление просфор и служение «странникам и богомольцам, которым предлагались от батюшки нескучная трапеза и место для отдохновения» [9, с. 620].

Старцу пришла мысль устроить женскую общину – хлопоты по этому поводу он поручил помещицам сестрам Голдобиным. Идея старца была осуществлена уже после его смерти: община открыта в 1857 году, а в 1871 году стала общежительным монастырем. Те вдовы и девицы, которые пользовались руководством блаженного Илариона, стали духовно обустраивать жизнь общины, руководствуясь его заветами. Из этого поколения вышли настоятельницы монастыря, такие как: Наталья Антоновна Арнатова, будущая игумения Нафанаила, и Анна Николаевна Придорогина, третья игумения Анфиса. Старец «и после своей земной жизни не переставал посещать присных своих и незримо направлять их помыслы и дела» [5, с. 36]. Троекуровский монастырь привлекал паломников и богомольцев и личностью своего основателя – преподобного Илариона Троекуровского, и духовным устроением обители.

Иоанно-Сезеновский монастырь в том же Лебедянском уезде был духовно связан с Троекуровским монастырем. Основание его связано с именем Ивана Лукьяновича Быкова, дворового крестьянина помещика Ф.Н. Кузьмина. Родился он в 1791 году в с. Горки Воронежской губернии, прославился под именем Иоанна, затворника Сезеновского. Неся подвиг юродства, Иоанн много странствовал, претерпевая скорби, пока не поселился в имении князей Несвицких в с. Сезеново Лебедянского уезда. Здесь он предавался посту и молитве и стяжал дары прозорливости, исцеления и духовного рассуждения. Постепенно «близ затворнической келлии, при Сезеновском Казанском храме, стали селиться благочестивые девицы и вдовы, жаждавшие пользоваться духовными наставле-

ниями и руководством блаженного Иоанна» [3, с. 40]. Он наметил место для будущего монастыря, предсказал его основание. При нем был заложен Казанский храм. Умер затворник в 1840 году. Дело его продолжили его помощница Дарья Кутукова и Евфимия Моргачева, впоследствии первая игумения Сезеновского монастыря Серафима.

Дария Дмитриевна Кутукова происходила из семьи государственного крестьянина с. Пиково Рязанской губернии, родилась в 1817 году. В возрасте 24 лет оставила родное село и отправилась за советом, как ей спастись, к Илариону Троекуровскому, тот послал ее в монастырь в Меловые Горы. Затем она прожила 8 лет в Тамбове у девицы Агафии Ивановой, потом в Муроме, Ростове и, наконец, вернулась в родное село, где отец построил ей отдельную келью. Тут она прожила еще 12 лет, до того как познакомилась в 1817 году с Иоанном Сезеновским в Задонске и стала его келейницей.

Евфимия Моргачева также родилась в семье государственного крестьянина с. Нижнее Ломово в 1806 году. Как и Дария, Евфимия отказалась от семейной жизни, решив посвятить себя всецело служению Богу. В 1824 году по пути в Киев она посетила Иоанна Сезеновского, который дал ей свое благословение. После того как вся ее семья в 1825 году переселилась в Самарскую губернию, стала вести уединенную жизнь в келье, построенную для нее крестьянами в родном селе, пользуясь духовным руководством блаженного Иоанна.

Этим двум подвижницам и предстояло довершить начатое Иоанном Затворником дело. К Дарии присоединилась Евфимия, которая переселилась в Сезеново, к ним пришли еще три девицы: они стали первыми насельницами будущего монастыря. Все они жили в отдельных избах-кельях. Их хлопотами и трудами был открыт в 1853 году Сезеновский женский монастырь, который на этот момент насчитывал 39 сестер [3, с. 63]. Дария стала первой настоятельницей монастыря, а Евфимия – первой его игуменией.

Евфимия двенадцать лет ходила со сборной книгой по городам России и долгое время жила в Санкт-Петербурге, где приобрела полезные знакомства, что позже помогло ей при ходатайстве об открытии монастыря. В 1853 году она была пострижена в монашество с именем Серафима и избрана сестрами настоятельницей мона-

стыря. Игуменья Серафима полностью благоустроила монастырь, при ней количество сестер в нем достигло 400. Биограф так повествует о ее аскетических подвигах: «Постнические труды несла игуменья Серафима не для всех доступные, и они нередко доводили ее до изнурения, что было особенно заметно в посты. Постничество же ее было тайное, так что посторонние и не подозревали этого. Да и самая пища ее была более растительная, не очень-то ласкающая вкус. С говением покойная игуменья соединяла и молитву. Умная молитва Иисусова и к Пресвятой Деве Богородице не выходила почти из ее уст» [4, с. 189–190].

Названные два монастыря, обустроенные по духовным заветам двух затворников их ученицами, которые и сами выросли в подвижниц, оказывали большое влияние на окрестное население, а сам образ жизни, подвиги блаженных вдохновляли и других на подобные подвиги. Таким образом, тамбовские монастыри в XIX – начале XX века продолжили традиции православного аскетизма и явили миру целый сонм подвижников благочестия.

Список литературы

1. *Архангельский, В., свящ.* Тихвино-Богородицкий женский монастырь в г. Кирсанове / священник В. Архангельский // ТЕВ. – 1907. – № 4. – С. 147–152.
2. Архимандрит Аркадий, настоятель Вышенской пустыни // ТЕВ. – 1908. – № 45. – С. 2208–2220.
3. Жизнеописание блаженного Иоанна, затворника Сезеновского, старицы Дарии, Сезеновской первоначальницы, и преподобной Серафимы, игумении Сезеновской / сост.: иерей Г. Андреев, Л.Ю. Евтихьева, Н.С. Семенова. – Тамбов, 2007. – С. 40.
4. Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков : сентябрь. – Репр. изд. – Козельск : Введен. Оптина Пустынь, 1996. – 620, II, [2] с. С. 189–190.
5. Жизнеописание старца Илариона Троекуровского Затворника и история Троекуровского Свято-Дмитриевского Иларионовского женского монастыря / сост.: А. А. Найденов, А. Ю. Клоков. – Липецк : [б. и.], 2004. – 191 с.
6. Жизнеописание преподобной Марфы Тамбовской / под общ. ред. епископа Тамбовского и Мичуринского Феодосия ;

сост. А.Л. Гирич ; текст О.Ю. Левина, иерея Виктора Лисюнина. – Тамбов : Изд. Тамб. епархии Моск. Патриархата, 2007. – 117 с.

7. Игумен Тихон (Некролог) // ТЕВ. – 1897. – № 7. – С. 153–156.

8. Историко-статистическое описание Тамбовской епархии / под ред. А.Е. Андриевского. – Тамбов : Типолитогр. Н. Бердоносова и Ф. Прогорина, 1911. – 878, XX с.

9. Краткий исторический очерк основания Лебедянской Троекуровской женской общины и некоторые черты из жизни основателя ее, блаженного затворника Илариона // ТЕВ. – 1870. – № 11. – С. 615–622.

10. *Левин, О.Ю.* Тамбовские монастыри в Синодальный период (1700–1917) / О.Ю. Левин // Тамбовская старина. – Тамбов : Пролетар. светоч, 2007. – Вып 1. – С. 103–115.

11. Некролог // ТЕВ. – 1891. – № 20. – С. 946–947.

12. Некролог // ТЕВ. – 1889. – № 15. – С. 704–706.

13. *Озарнов, И.* Сказание о Моршанском Казанском Прошином монастыре и его насельниках : к столетию основания / Игорь Озарнов. – Тамбов : Пролетар. светоч, 2002. – 156 с.

14. Протоиерей Авраамий Некрасов // Благочиние города Арзамаса : офиц. сайт. URL: <http://arzblag.ortox.ru/blagochinie/istoriya/podvizhniki/protoierej-avraamij-nekrasov/> (дата обращения: 20.04.2016).

15. Саровский Цветник. Наставления старцев Саровской пустыни. М., 2011. – С. 359.

16. *Светозаров, Ф., свящ.* Носовский Спасо-Преображенский мужской монастырь в Борисоглебском уезде // ТЕВ. – 1908. – № 19. – С. 930.

17. Тамбовский патерик : православ. святые и подвижники благочестия Тамб. края. В 2 кн. / сост.: Алленов А.Н., Левин О.Ю., Бочаров А.С. – Тамбов : Пролетар. светоч, 1999. – Кн. 2. – 56 с.

18. *Тихон (Ципляковский), игум.* Общежительная Вышенская Успенская пустынь : ист. очерк и описание оной // ТЕВ. – 1881. – № 11. – С. 367–381.

19. *Хитров, Г., свящ.* Воспоминание о Преосвященном Николае [Доброхотове], епископе Тамбовском // ТЕВ. – 1865. – № 12. – С. 394–407.

UDC 908

**DEVOTEES OF PIETY IN THE
MONASTERIES
OF THE TAMBOV DIOCESE IN THE
SECOND HALF OF THE 19TH –
EARLY 20TH CENTURIES**

Pimen (Igor A. Semiletov), Hegumen
PhD in Theology,
Senior Lecturer
Department of Bible S,
Theology and Philosophy
Tambov Theological Seminary
E-mail: semilgor@gmail.com

For citation: *Pimen (Semiletov), hegumen. Devotees of piety in the monasteries of the Tambov Diocese in the second half of the 19th – early 20th centuries // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. Tambov, 2020, no. 1 (10), pp. 80–97. (in Russian)*

Abstract

The article presents an overview of the life of Tambov monasteries in the 19th – early 20th centuries. The author pays special attention to the development of spiritual mentoring and senility in men's and women's monasteries, ascetic feats of monastics, and analyzes the influence of spiritual leaders on the inhabitants of monasteries and surrounding towns and villages.

It is concluded that the Tambov monasteries continued the traditions of Orthodox asceticism and revealed to the world a whole host of ascetics of piety.

Keywords: Tambov monasteries; ascetics of piety; spiritual guidance; senility; succession.

References

1. *Arkhangelsky, V., priest. Tikhvino-Bogoroditskii zhenskii monastyr' v g. Kirsanove [Tikhvin-Bogoroditsky nunnery in the town of Kirsanov]. / Priest V. Arkhangelsky // TEV, 1907, no. 4, pp. 147–152. (in Russian)*

2. Arkhimandrit Arkadii, nastoyatel' Vyshenskoï pustyni [Archimandrite Arkady, rector of the Vyshenskaya desert] // TEV. 1908, no. 45, pp. 2208–2220. (in Russian)

3. Zhizneopisanie blazhennogo Ioanna, zatvornika Sezenovskogo, staritsy Darii, Sezenovskoi pervonachal'nitsy, i prepodobnoi Serafimy, igumenii Sezenovskoi [Biography of Blessed John, the hermit of Sezenovsky, the old woman of Daria, the Sezenovsky primal, and the reverend Seraphima, Abbess of Sezenovsky]. / Compiled by Priest G. Andreev, L.Yu. Evtikhieva, N.S. Semenova. Tambov, 2007. p. 40. (in Russian)

4. Zhizneopisaniya otechestvennykh podvizhnikov blagochestiya 18 i 19 vekov : sentyabr' [Biographies of national devotees of piety of the 18th and 19th centuries: September]. Kozelsk: Vveden. Optina Desert, 1996. 620, II, [2] p. pp. 189–190. (in Russian)

5. Zhizneopisanie startsa Ilariona Troekurovskogo Zatvornika i istoiya Troekurovskogo Svyato-Dmitrievskogo Ilarionovskogo zhenskogo monastyrya [Biography of the Elder Hilarion of Troekurovo the Recluse and History of the Troekurovo Holy Dmitrievsky Hilarion Convent]. / Compiled by A. A. Naydenov, A. Yu. Klokov. Lipetsk, 2004. 191 p. (in Russian)

6. Zhizneopisanie prepodobnoi Marfy Tambovskoi [Biography of the reverend Martha of Tambov]. / Edited by the Bishop of Tambov and Michurinsk Feodosy; compiled by A.L. Girich; text by O.Yu. Levin, Priest Viktor Lisyunin. Tambov: Publishing house of Tambov Diocese of Moscow Patriarchate, 2007. 117 p. (in Russian)

7. Igumen Tikhon (Nekrolog) [Hegumen Tikhon (Obituary)]. // TEV, 1897, no. 7, pp. 153–156. (in Russian)

8. Istoriko-statisticheskoe opisanie Tambovskoi eparkhii [Historical and statistical description of the Tambov diocese]. / Edited by A.E. Andrievsky. Tambov: N. Berdonosov and F. Progorin publishing house, 1911. 878, XX p. (in Russian)

9. Kratkii istorichskii ocherk osnovaniya Lebedyanskoï Troekurovskoi zhenskoi obshchiny, i nekotorye cherty iz zhizni osnovatelya eya, blazhennogo zatvornika Ilariona [A brief historical overview of the foundation of the Lebedyan Troekurov female community, and some features from the life of its founder, blessed recluse Hilarion]. // TEV, 1870, no. 11, pp. 615–622. (in Russian)

10. *Levin, O. Yu.* Tambovskie monastyri v Sinodal'nyi period (1700–1917) [Tambov Monasteries in the Synodal Period (1700–1917)]. / O.Yu. Levin // Tambovskaya starina. Tambov: Proletarskii Svetoch, 2007, issue 1, pp. 103–115. (in Russian)

11. Nekrolog [Obituary]. // TEV, 1891 no. 20, pp. 946–947. (in Russian)

12. Nekrolog [Obituary]. // TEV, 1889, no. 15, pp. 704–706. (in Russian)

13. *Ozarnov, I.* Skazanie o Morshanskom Kazanskom Proshinom monastyre i ego nasel'nikakh : k stoletiyu osnovaniya [The Legend of the Morshansk Kazan Proshin Monastery and its brethren: on the centenary of foundation]. / Igor Ozarnov. Tambov: Proletarskii Svetoch, 2002. 156 p. (in Russian)

14. Protoierei Avraamii Nekrasov [Archpriest Avraamy Nekrasov]. // Deanery of the city of Arzamas: official. website. (in Russian). Available at: <http://arzblag.ortox.ru/blagochinie/istoriya/podvizhniki/protoierej-avraamij-nekrasov> / (Accessed: 20.04.2016).

15. Sarovskiy Tsvetnik. Nastavleniya startsev Sarovskoy pustyni. Moscow, 2011, p. 359. (in Russian)

16. *Svetozarov, F., priest.* Nosovskiy Spaso-Preobrazhenskiy muzhsko monastyr', v Borisoglebskom uyezde // TEV, 1908, no. 19, p. 930. (in Russian)

17. Tambovskii paterik. Pravoslavnye svyatye i podvizhniki blagochestiya Tambovskogo kraja [Tambov patericon. Orthodox saints and ascetics of piety of the Tambov region]. / Allenov A. N., Levin O. Yu., Bocharov A. S. Tambov, 1999, book 2, p. 56. (in Russian)

18. *Tikhon (Tsiplyakovsky), hegumen.* Obshchezhitel'naya Vyshenskaya Uspenskaya pustyn' : istoricheskii ocherk i opisanie onoi [Cenobitic Vyshenskaya Assumption Desert: historical overview and description thereof]. // TEV, 1881, no. 11, pp. 367–381. (in Russian)

19. *Khitrov, G., priest.* Vospominanie o Preosvyashchennom Nikolae [Dobrokhotove], episcope Tambovskom [The memory of His Grace Nicholas [Dobrokhotov], Bishop of Tambov]. // TEV, 1865, no. 12, pp. 394–407. (in Russian)

УДК 993

ГОСУДАРСТВО И ЦЕРКОВЬ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Священник Александр
Евгеньевич Неплюев
магистр богословия,
магистр теологии,
старший преподаватель Тамбовской
духовной семинарии
E-mail: ale-neplyuev@yandex.ru

Для цитирования: Неплюев, А.Е., священник. Государство и Церковь в годы Великой Отечественной войны // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. – Тамбов, 2020. – № 1 (10). – С. 98–105.

Аннотация

Статья посвящена начальному периоду взаимоотношений советского государства и Церкви в годы Великой Отечественной войны. Анализируются архипастырские послания пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви и проповеди духовенства как свидетельства национального патриотического подъема.

Автор приходит к выводу, что, несмотря на ограниченный характер начавшегося взаимодействия, создание Совета по делам Русской Православной Церкви при Совнаркомом СССР явилось важным этапом на пути ее возрождения. Легализация Церкви в Советском Союзе во многом была связана с широкой патриотической деятельностью, развернутой архипастырями и духовенством в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь; Великая Отечественная война; патриотическая деятельность; церковно-государственные отношения.

Современные церковные историки видят определенный символизм в совпадении дат нападения на нашу страну фашистской Германией и почитаемого в народе праздника – памяти Всех святых, в земле Российской просиявших. Церковь находилась в этот период в тяжелом состоянии. Результатом государственной политики

1920–1930-х годов стало разрушение всей организационной структуры Русской Православной церкви (от невозможности созыва Поместного собора и избрания на нем Патриарха до разорения приходов и уничтожения храмов). Многим показалось, что 1941 год станет тем ключевым моментом, когда вскроются эти глубинные противоречия церковно-государственных взаимоотношений. Однако вопреки всем имевшим место негативным тенденциям над всеми обидами и предубеждениями возобладал дух любви, свойственный Церкви со времен ее основания.

В этот период Местоблюстителем Патриаршего престола являлся митрополит Сергей (Страгородский), но его авторитет не был абсолютен (часть верующих вообще не считала его своим предстоятелем). Важным событием стало его послание пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви, которое было написано владыкой Сергием в первый же день Великой Отечественной войны и незамедлительно разослано по всем епархиям [2, с. 164].

Патриарший Местоблюститель выразил те важные мысли и чувства, которыми жили все его соотечественники в эти тревожные дни: он назвал войска гитлеровской Германии «жалкими потомками врагов Православной Церкви, словно Батый или Наполеон вероломно напавшими на нашу родину» [4, с. 38]. Вполне осознавая, что «пожар» войны коснется всех, не обойдет ни один дом, митрополит Сергей уверил сограждан во всемерной поддержке со стороны Церкви, которая «не оставит <...> народа своего и теперь. Благословляет она небесным благословением и предстоящий всенародный подвиг... Душу свою полагает не только тот, кто будет убит на поле сражения за свой народ и его благо, но и всякий, кто жертвует собой, своим здоровьем или выгодой ради родины» [4, с. 38]. Таким образом, архипастырь призвал каждого внести свою лепту в общее дело, чтобы приблизить желанную победу.

Митрополит Сергей напомнил народу о героях прошлых столетий, которых воодушевляло чувство долга перед своей страной и Церковью. Он был уверен, что оставаться безмолвными свидетелями происходящего вокруг нельзя, поэтому строго назидал священнослужителей, указывая, что недопустимо даже думать о выгодах сотрудничества с врагом, так как это есть настоящая измена своему Отечеству. Он призывал всех пастырей поддерживать

и ободрять сомневающих, вселять веру в ослабевающих: «Положим же души свои вместе с нашей паствой» [4, с. 38–39]. Такая активная гражданская позиция потребовала от Патриаршего Местоблюстителя, как и от других архипастырей и духовенства, огромного мужества и христианского смирения, ведь в памяти всех верующих еще были свежи воспоминания о недавних гонениях. Патриотизмом и чувством ответственности за судьбу Отечества пронизана каждая строчка этого послания. Непримируемой линии по отношению к фашистским захватчикам Церковь придерживалась на протяжении всех военных лет, и эта точка зрения была четко сформулирована Патриаршим Местоблюстителем в сентябре 1943 года на Архиерейском совете [5, с. 216].

За четыре военных года митрополит Сергей, избранный на Поместном соборе 1943 года Святейшим Патриархом Московским и всея Руси, написал более двадцати патриотических посланий, в которых развиваются главные мысли, выраженные в его первом вдохновенном обращении к соотечественникам. Так, в послании к московской пастве от 4 октября 1941 года архипастырь заостряет внимание на недопустимости измены Родине: «Ходят слухи, которым не хотелось бы верить, будто есть и среди наших пастырей лица, готовые идти в услужение ко врагам нашей Родины и Церкви, – вместо святого креста осеяться языческой свастикой. Не хочется этому верить, но если вопреки всему нашлись такие пастыри, я им напомню, что Святой нашей Церкви, кроме слова увещания, вручен Господом и духовный меч, карающий нарушителей присяги» [4, с. 44]. В ноябре 1941 года в Ульяновске митрополит Сергей в своей проповеди выразил твердую уверенность в победе русского оружия: «Премудрый же и Всеблагий Вершитель судеб человеческих да увенчает наши усилия конечной победой и да ниспошлет успехи воинству русскому, залог нравственного и культурного преуспеяния человечества» [4, с. 44]. В этом послании митрополит отдельно обращается к согражданам, находящимся в оккупации, укрепляя их духовные силы в нравственном противостоянии врагам. Аналогичную мысль архипастырь высказал и в своем обращении в январе 1942 года: «Пусть ваши местные партизаны будут и для вас не только примером и одобрением, но и предметом непрестанного попечения. Помните, что всякая

услуга, оказанная партизанам, есть заслуга перед родиной и лишний шаг к вашему собственному освобождению от фашистского плена» [4, с. 44].

Аналогичными чувствами были проникнуты в этот период патриотические послания и проповеди других архипастырей. Митрополит Ленинградский Алексей (Симанский) обращал внимание на то, что патриотизм русского народа всегда основывался на глубоком религиозном чувстве, а верность Отчизне имела своим источником верность Богу и Церкви [6, с. 75]. Проповеди митрополита Николая (Ярушевича) отличались высоким патриотическим пафосом, поднимали боевой дух и призывали к единению народа в борьбе с захватчиками, благословляли партизанское движение: «Исполнился год, как фашистский зверь заливает кровью нашу родную землю. Этот враг подвергает осквернению наши святые храмы Божии. И кровь убиенных, и разоренные святыни, и разрушенные храмы Божии – все вопиет к небу об отмщении!.. Святая Церковь радуется, что среди вас на святое дело спасения Родины от врага восстают народные герои – славные партизаны, для которых нет выше счастья, как бороться за Родину и, если нужно, и умереть за нее» [6, с. 93]. Позицию своих соотечественников разделял митрополит Вениамин (Федченков), оказавшийся в эмиграции. Выступая на митинге в Нью-Йоркском Медисон-Сквер-Гарден 2 июля 1941 года, он обратил внимание всего мира на важность событий, происходивших на Востоке Европы, подчеркнув, что от судьбы России зависят судьбы всего мира [1, с. 411].

О важности и силе морального воздействия архипастырских воззваний первых военных лет ярко свидетельствует тот факт, что на оккупированных фашистами территориях велась жестокая борьба с теми, кто распространял эти послания среди местного населения. Категорически запрещались патриотические проповеди в храмах. В 1941 году за нарушение этого запрета в Киеве оккупанты расстреляли протоиерея Павла Остренского, архимандрита Александра (Вишнякова), настоятеля Николо-Набережной церкви. За оглашение послания Патриаршего Местоблюстителя в Симферополе фашистами были расстреляны старец Викентий, протоиерей Николай Швец, диакон Александр Бондаренко.

Необходимо отметить, что даже патриотическая деятельность Церкви, с точки зрения советского законодательства закрепив-

шего антирелигиозную политику государства, была противозаконна и наказуема. Антирелигиозная пропаганда на местном уровне продолжалась весьма активно: районные и сельские и партийные организации, культурно-просветительские учреждения следовали полученным ранее рекомендациям разоблачать «контрреволюционную сущность» религии и духовенства, а наметившиеся положительные тенденции в отношениях государства и Церкви воспринимали как временные.

4 сентября 1943 года было принято решение о создании специального государственного органа, курирующего деятельность Русской Православной Церкви. Таким образом, начал выстраиваться механизм церковно-государственного взаимодействия, хотя и при явном доминировании советской власти. На это решение правительство отчасти подтолкнули геополитические интересы. Для дальнейшей успешной внешней политики необходимо было продемонстрировать Европе наличие в советском государстве религиозной терпимости. Но в большей степени церковно-государственные отношения определялись общенародным патриотическим подъемом в противостоянии фашистским агрессорам.

7 октября 1943 года Совет Народных Комиссаров утвердил «Положение о Совете по Делах Русской Православной Церкви при СНК СССР». В нем определялись основные функции и задачи Совета как посредника во взаимоотношениях с Церковью, а также описывался механизм данного взаимодействия. Сам Совет не обладал никакими полномочиями и не определял направления деятельности, а всего лишь доводил до священноначалия государственные решения в отношении Церкви [3, с. 132].

Несмотря на ограниченный характер начавшихся церковно-государственных отношений, создание Совета по Делах Русской Православной Церкви явилось важным этапом на пути ее возрождения. Легализация Церкви в Советском Союзе в сознании многих связывалась, прежде всего, с широкой патриотической деятельностью, развернутой архипастырями и духовенством с первых дней Великой Отечественной войны.

Список литературы

1. *Вениамин (Федченков), митр.* На рубеже двух эпох / митрополит Вениамин (Федченков). – Москва : Отчий дом, 2016. – 704 с. – (Наследие).
2. История Русской Православной Церкви : от восстановления Патриаршества до наших дней. – Т. 1. 1917–1970 / под ред. Данилушкина М.Б. – Санкт-Петербург : Воскресение, 1997. – 1020 с.
3. *Поспеловский, Д.В.* Русская Православная Церковь в XX в. / Д.В. Поспеловский. – Москва : Республика, 1995. – 511 с.
4. Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : сб. док. / сост.: Васильева О.Ю., Кудрявцев И.И., Лыкова Л.А. – Москва : Изд-во Крутиц. Патриаршего подворья : О-во любителей церков. истории, 2009. – 765 с.
5. Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991) : материалы и док. по истории отношений между государством и Церковью / сост. Г. Штриккер. – Москва : Пропилеи, 1995. – 512 с.
6. *Шкаровский, М.В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. – Москва : Изд-во Крутиц. Патриаршего Подворья, 2000. – 400 с.

UDC 993

**THE STATE AND THE CHURCH
DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR**

Aleksandr Ye. Neplyuev, Priest
Master of Theology,
Senior Lecturer
Tambov Theological Seminary
E-mail: ale-neplyuev@yandex.ru

For citation: *Neplyuev, A.Ye., priest.* The state and the Church during the Great Patriotic War // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. Tambov, 2020, no. 1 (10), pp. 98–105. (in Russian)

Abstract

The article analyzes the relationship between the state and the Church during the Great Patriotic War. Epistles to pastors of the Orthodox Church of Christ. The fascists banned the distribution of messages and Patriotic sermons among the local population in the occupied territories. The formation of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church under the Soviet People's Commissar of the USSR, the beginning of building Church-state relations, which was an important stage on the way to the revival of the Church.

Keywords: Russian Orthodox Church; Great Patriotic War; Patriotic activity; Church-state relations.

References

1. *Veniamin (Fedchenkov), metropolitan. Na rubezhe dvukh epoch [At the turn of two eras]. / Metropolitan Veniamin (Fedchenkov). Moscow: Otchii dom, 2016. 704 p. (in Russian).*

2. *Istoriya Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi : ot vosstanovleniya Patriarshestva do nashikh dnei [History of the Russian Orthodox Church: from the restoration of the Patriarchate to the present day]. Vol. 1, 1917–1970 / edited by Danilushkin M.B. St. Petersburg: Resurrection, 1997. 1020 p. (in Russian)*

3. *Pospelovsky, D.V. Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' v 20 veke [The Russian Orthodox Church in the twentieth century]. / D.V. Pospelovsky. Moscow: Republic, 1995. 511 p. (in Russian)*

4. *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg. : sb. dok. [The Russian Orthodox Church during the Great Patriotic War of 1941–1945 : collection of documents]. / Compiled by Vasilieva O.Yu., Kudryavtsev I.I., Lykova L.A. Moscow: Publishing house of the Krutitsy Patriarchal Metochion: Church history lovers community, 2009. 765 p. (in Russian)*

5. *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' v sovetskoe vremya (1917–1991) : materialy i dokumenty po istorii otnoshenii mezhdu gosudarstvom i Tserkov'yu [The Russian Orthodox Church in Soviet times (1917–1991): materials and documents on the history of relations between the state and the Church]. / Compiled by G. Stricker. Moscow: Propylaea, 1995. 512 p. (in Russian)*

6. *Shkarovsky, M.V. Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' pri Staline i Khrushcheve [The Russian Orthodox Church under Stalin and*

Khrushchev]. Moscow: Publishing house of the Krutitsy Patriarchal Metochion, 2000. 400 p. (in Russian)

УДК 930.2; 908

**НЕКОТОРЫЕ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ ТАМБОВСКОГО
ЦЕРКОВНОГО КРАЕВЕДЕНИЯ:
ИЗ ОПЫТА НАУЧНОГО РУКОВОДСТВА
ДИПЛОМНЫМИ РАБОТАМИ
СТУДЕНТОВ ТАМБОВСКОЙ ДУХОВНОЙ
СЕМИНАРИИ**

Орлова Вера Дмитриевна
кандидат исторических наук,
доцент кафедры церковной истории
Тамбовской духовной семинарии
E-mail: verorl@yandex.ru

Для цитирования: Орлова, В.Д. Некоторые источниковедческие проблемы тамбовского церковного краеведения: из опыта научного руководства дипломными работами студентов Тамбовской духовной семинарии // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. – Тамбов, 2020. – № 1 (10). – С. 105–116.

Аннотация

В статье оценивается наличие и использование исторических источников по тамбовскому церковному краеведению. Выделены типы источников, которые изучаются студентами Тамбовской духовной семинарии при написании выпускных работ. Приводятся некоторые примеры удачного анализа архивных документов, яркие факты из записанных дипломниками воспоминаний старожилов. Указаны типичные трудности при обучении начинающих исследователей комплексному анализу источников.

Ключевые слова: Тамбовская епархия; церковное краеведение; источниковая база; комплексный анализ; методика научной работы

Выпускная квалификационная работа (раньше называвшаяся дипломной) является заключительным этапом участия семинариста в учебно-научной и научно-исследовательской деятельности. Ее тема должна соответствовать принятым стандартам, быть сильной для исполнения конкретным учащимся и интересной ему как начинающему исследователю. Студенты Тамбовской духовной семинарии ежегодно, среди прочих, выбирают и темы по истории Тамбовской епархии. Статьи, написанные на основе наиболее удачных работ, публикуются в «Богословском сборнике Тамбовской духовной семинарии».

Мотивов выбора краеведческой темы два. Первый связан с желанием студента больше узнать о своих родных или близкорасположенных к ним местах. Второй – с задачами начинающего настоятеля приходского храма в пока незнакомом ему селе изучить историю сохранившегося или утраченного храма – памятника архитектуры, судеб его причта и прихода. Оба мотива, с точки зрения научного руководителя, продуктивны. В первом случае молодой исследователь знает местность и людей, рассчитывает на помощь близких, имеет свой опыт учебы в местной воскресной школе и послушания в местном храме. Во втором случае он имеет дело с совершенно неизвестным ему селом и храмом, но надеется своим краеведческим интересом завоевать благорасположение прихожан и организовать совместную деятельность по фиксации истории храма и восстановлению утраченных в безбожные времена святынь.

Источниковая база для таких тем складывается из дореволюционной справочной литературы, архивных документов ГАТО, публикаций в местной периодической печати и новостных лент на сайтах епархии и приходов. В ряде случаев удается использовать воспоминания очевидцев событий и старожилов. Некоторые студенты смогли обследовать местность в поиске руин храмов, атрибутировать хранящиеся в ризнице старинной церкви священные предметы и использовать полученную таким образом информацию в качестве исторических источников. Полнота отражения событий церковной истории в источниках, касающихся отдельных населенных пунктов, различна. Имена и заслуги членов причта дореволюционных храмов по клировым ведомостям установить гораздо проще, чем имена священников в первые десятилетия советской власти. Многие клирики той жестокой поры, как прави-

ло, остаются безымянными. Хуже всего сохранившиеся документы отражают 1920-е годы на юге Тамбовской губернии, что создает трудности при поиске данных о пострадавших за веру.

Источниковедческой проблемой номер один является пренебрежение некоторых краеведов комплексным анализом источников. Поэтому главная задача научного руководителя – научить студента получить максимум разнообразной информации из обнаруженных документов, упорядочить ее и наложить на известный по курсу российской истории и истории Тамбовской епархии ход исторического процесса в заданных хронологических рамках. В результате достигается научное осмысление эпохи на микроуровне. Студенты должны понимать, что они имеют дело со случайной выборкой источников, репрезентативность которой надо доказать.

В большинстве краеведческих работ по истории храма используются дореволюционные историко-статистические описания Тамбовской епархии, содержащие краткую информацию о храме, причте, приходе до 1910 года [1]. Обычно студенты механически переносят сведения из них в курсовую работу и с трудом соотносят их с образом жизни духовенства и прихожан. Поэтому руководителю приходится ставить перед дипломниками задачи оценки пригодности упомянутых земель для сельского хозяйства, удобства перемещений в приходе зимой и в распутицу, экономических и нравственных проблем отхода крестьян на заработки, роли владельцев ближайшего имения, культурного уровня прихожан. Только тогда семинарист начинает задумываться над целью указания в справочнике расстояния до ближайшей станции и почты, наличия школы и больницы. Не сразу студенты осознают связь материала, из которого построен храм, не только со временем, но и с сословной принадлежностью инициаторов строительства.

В фондах ГАТО хранится много документов по истории Тамбовской епархии и о взаимоотношениях государства, Церкви и верующих в XVIII–XX веках. Многократно менявшиеся административные границы губернии, области и епархии создают определенные трудности для молодых исследователей. Архивный поиск под силу только самым трудолюбивым и заинтересованным семинаристам. Зато он дает самые интересные находки. Например, хранящиеся в архиве первичные рукописные материалы для исто-

рико-статистических справочников, содержащие дополнительные сведения; описания храмов, построенных в 1911–1917 годы и отсутствующих в справочнике; чертежи некоторых разрушенных храмов [2].

Студенты, для которых работа в архиве сложна, пользуются опубликованными в краеведческой литературе фрагментами документов и хранящимися на местах летописями храмов, написанными в 1990–2000-е годы. Для решения учебно-исследовательских задач это вполне допустимо. Придать творческую составляющую итогам их изучения позволяет составление электронных баз данных, таблиц и диаграмм, сравнение описания архитектуры храма в начале XX века с его современным обликом.

Очень важно научить дипломника увидеть по комплексу источников динамику развития приходов. Например, по слободам города Моршанска удалось установить, что переселенцы из сел на городскую окраину сначала венчались, крестили детей и хоронили умерших в родном селе. Но через некоторое время они основывали в слободе кладбище с часовней, затем строили деревянную кладбищенскую церковь и только потом строили красивый большой каменный слободской храм. А вот наступление безбожников шло в обратном порядке. Сначала закрывали, а то и уничтожали, большой храм, затем кладбищенскую церковь. И дольше всего совершались отпевания в часовне [3].

Крайне редко в краеведческой литературе можно найти информацию о доходах и хозяйственных заботах сельского духовенства XIX века. В дипломных работах последних лет анализируются данные из клировых ведомостей и архивные документы по имущественным спорам. Например, известно, что сельский священник был вторым после помещика садоводом. Основы прогрессивного садоводства и пчеловодства преподавались в семинарии. Крестьянское малоземелье не позволяло им выращивать плодовые деревья и кустарники. По селу Покровская Ира удалось найти даже описание сада священника с 15 яблонями, 150 кустами вишневого и несколькими кустами ранних ягод. Часть земли для сада священник купил. Саженцы обошлись ему в 50 рублей, что при его доходах было немалой суммой. На эти деньги можно было купить трех коров [4].

Историко-статистические описания дают лишь общие цифры имевшихся в епархии приходских библиотек и количество книг в

них. А в архивных документах студенты находили полные списки книг и журналов многих сельских церковных библиотек. Возможен качественный анализ этих собраний. В одном из приходов второго Кирсановского благочиннического округа в 1903 году было потрачено 6 рублей на переписку книг. И это далеко не времена Киевской Руси, когда не существовало книгопечатания. Просто это был единственный доступный дешевый способ копирования нужных изданий [4].

Пока гораздо реже, чем дореволюционные документы, дипломники используют документы советского периода, отражающие противостояние Церкви государственной атеистической политике. Но постепенно и этот блок источников стал вводиться в научный оборот. При работе с ним приходится учить студентов поиску скрытой информации. Например, если советский чиновник в 1950-е годы, описывая полуразрушенный храм, сетует на слишком неплохо сохранившиеся фрески с изображением четырех евангелистов, то, не исключено, что в детстве он ходил в церковно-приходскую школу и помнит усвоенные тогда азы Православия, знает о евангелистах. Или, анализируя опись изъятых или скрытых духовенством в 1920–1930-е годы церковных ценностей, надо обратить основное внимание не только на указанное количество пудов серебра и золотников жемчуга, а на невозможность служения литургии без конфискованных священных сосудов, Евангелия и других богослужебных предметов.

Доступные студентам архивные источники в основном относятся к делопроизводственным и статистическим. Реже это фотоматериалы и чертежи построек. Краеведческая литература, использующая только эти источники, суха и однообразна. Историю нельзя писать без эмоциональных оценок, а в архивных документах они редки. Известных мемуарных источников очень мало. Поэтому перед дипломниками ставится задача записать воспоминания людей о разных деталях приходской жизни XX века.

Примерно десятилетний опыт работы по записи рассказов очевидцев позволяет утверждать, что сейчас, в начале XXI века в основном можно найти свидетелей событий церковной жизни позже 1940-х годов. Причем даже события 1960-х годов уже не поддаются точной датировке рассказчиков. Семинаристам приходится помогать им выверять памятные случаи с датами личной

жизни, например, с рождением ребенка. Многие сельские населенные пункты, к сожалению, уже исчезли с карт. Спрашивать об их истории уже некого. Это обстоятельство доказывает, что надо спешить с записью хотя бы фрагментарных и легендаризированных воспоминаний, восполняющих скудные на детали и эмоции делопроизводственные источники.

Некоторые пожилые женщины воспроизводят рассказы своих матерей о событиях второй четверти XX века, а о событиях первой четверти XX века – бабушек. Это именно женское восприятие событий, так как в традиционной культуре бабушки неоднократно повторяли более усидчивым девочкам одни и те же сюжеты в расчете на их механическое запоминание ребенком с последующим самостоятельным осмыслением по мере взросления. Но найти таких рассказчиц непросто. Причем информативная часть пересказанных внучкой воспоминаний может быть скудной, хронологически смещенной, а вот эмоциональные оценки живут дольше всего. Например, прихожанка говорит, со слов матери, что вот тут в Гражданскую войну красные убили дьякона. Об этом она знает от матери. Но имени не помнит. Зато утверждает, что, по мнению ее жившей тогда родни, это был очень хороший человек и ревностный служитель Церкви [5]. Для будущего пастыря сегодня очень важно слышать это из уст старушки и понимать, что хорошая репутация священнослужителя у верующих жива 100 лет, пережив его имя.

Из фрагментов записанных дипломниками воспоминаний пожилых людей перед нами предстает совсем не та картина безразличного поведения сельского населения при закрытии и разорении храмов, какую рисовали в отчетной документации атеисты. Задумайтесь над несколькими фактами из рассказов прихожан. Многие верующие переживали разорение церквей как глубоко личное горе. Спрятавшиеся в овраге от глаз безбожников женщины, слыша гул сбрасываемых с высокой звонницы колоколов, рыдали [6]. Другие сельчанки с отчаянной смелостью воровали свезенные в колхозную пекарню для сожжения храмовые иконы, тайком заменяя их на специально принесенные из дома поленья дров. Печь топилась, хлеб пекли, а бабы уносили под одеждой святыне образа. Смекалистый прихожанин стащил с грузовика обреченное на поругание храмовое распятие и надел на него свой синий

рабочий халат для тайной переноски огородами на сеновал. Старухи ложились на пути трактора, тянувшего трос, привязанный к обреченному на низвержение кресту на куполе. И тракторист сделал вид, что трактор безнадежно заглох, крест устоял. С воистину русской готовностью молодая мать в 1960-е годы вбежала в горящий храм ради его спасения, оставив дома одного грудного сына, и только потом осознала, что ведь тогда не обожглась в пламени, корежившем даже железо [7]. Ради нескольких подобных находок в мемуарных источниках студентам пришлось поговорить с десятками стариков. Такие примеры будут уместны в беседах пастырей с прихожанами. Очень важно, что, благодаря обнародованию этих воспоминаний в дипломных работах, с потомками говорит тамбовское православное село XX века. А ведь у источниковедов крестьянство считается «молчаливым сословием».

Непрост поиск визуальных источников по истории сельских храмов и приходов. Ведь в объектив профессиональных фотографов попадали только городские и монастырские церкви и колокольни. Фотоаппараты у сельчан стали массово появляться только с 1960-х годов. Редкой удачей дипломника является обнаружение черно-белых любительских снимков, на которых можно рассмотреть состояние храма. Обычно он оказывался случайным фоном для группового снимка на сельской улице. Еще реже бабушки приносят фотографии похорон родственников с участием священника или венчаний. До сих пор не удалось увидеть ни одной фотографии крестин эпохи атеистической государственной политики, ведь такой снимок представлял бы реальную опасность для участников таинства. К сожалению, большинство любительских фотографий не датировались фотографами. Поэтому сейчас их приходится датировать лишь по косвенным признакам (одежда, транспорт, благоустройство села).

Дипломники фотографируют сегодняшнее состояние храмов или их руин. Ныне многие из старинных построек восстановлены. Возведены и новые церкви. Но порой от старинного сельского церковного здания уже не осталось ни камешка на земле, ни места в памяти живущих поблизости людей. И тогда приходится по современным фотографиям анализировать любые приметы, указывающие на былое расположение храма. Например, заросли сирени в чистом поле наводят на мысль о когда-то чтимых могилах за алтарем, так

как на кладбища часто пересаживали сирень из барских парков. На крестьянских подворьях до 1950-х годов она не росла [2].

Далеко не все студенты готовы к работе с вещественными источниками. Но опыт исследования предметов из ризницы семинаристом, который несколько лет был алтарником изучаемого храма, показывает перспективность этого направления. Например, материалы и виды отделки, использовавшиеся для пошива и ремонта облачений во второй половине XX века, наглядно отражают менявшийся уровень доходов и образ жизни духовенства и прихожан, смену видов женских рукоделий, особенно, вышивки [8].

Таким образом, источниковая база по церковному краеведению Тамбовской епархии достаточно широка, но пока используется односторонне. Многократно повторяющиеся из издания в издание цифры и описание храмов не показывают всего многообразия жизни православного населения и духовенства. Нужен трудоемкий поиск и умелый анализ сведений из архивных документов. Практическая деятельность студентов семинарии по восполнению недостающих мемуаров и визуальных источников играет важную роль в их научной подготовке к будущей роли настоятелей храмов. Обучение комплексному анализу источников позволяет дипломникам, даже при работе с общеизвестными документами, находить причинно-следственные связи для самостоятельного объяснения событий на местах в контексте общероссийской истории церковно-государственных взаимоотношений.

Список литературы

1. Историко-статистическое описание Тамбовской епархии / под ред. А.Е. Андриевского. – Тамбов : Типолитограф. Н. Бердоносова и Ф. Прогорина, 1911. – 878, XX с.

2. *Ширшов, А., свящ.* Церковная жизнь в селах Черноземного Центра в XIX – начале XXI в. : по материалам территории современного Уметского благочиния Уваровской епархии : вып. квалификация. работа студента 4-го курса направления подгот. «Практическая теология Православия» / священник Ширшов Александр Сергеевич ; Тамб. духов. семинария. – Тамбов, 2019. – URL: <http://www.tamds.ru/wp-content/uploads/2019/08/VKR-2019-svyashh.-A.S.SHirshov.pdf> (дата обращения: 04.02.2020).

3. *Феодосий (Пронин), иеродиак.* Православное окормление населения городских слобод в XIX – первой половине XX века : (по материалам города Моршанска Тамбовской губернии) / иеродиакон Феодосий (Пронин) // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. – Тамбов, 2019. – Вып. 6. – С. 155–165.

4. *Сутормин, И., свящ.* Сельское духовенство и его заботы в XIX веке (по материалам храмов сел, ныне относящихся к Гавриловскому району Тамбовской области) / священник Иоанн Сутормин // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. – Тамбов, 2016. – Вып. 3. – С. 164–173.

5. *Бокарев, В., свящ.* Православное духовенство в период Тамбовского крестьянского восстания 20-х годов XX века / священник Владимир Бокарев // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. – Тамбов, 2016. – Вып. 3. – С. 184–188.

6. *Пронин, В.А.* Деятельность сельского причта по благоустройству храма и окормлению прихожан в исторических условиях XIX – начала XX века на территории Богоявленского благочиния : вып. квалификац. работа студента 4-го курса направления подгот. «Практическая теология православия» / Пронин Василий Александрович. – Тамбов, 2019. – URL: <http://www.tamds.ru/wp-content/uploads/2019/08/VKR-2019-Pronin-V.A..pdf> (дата обращения: 04.02.2020).

7. *Никифоров, В., свящ.* Судьба Михаило-Архангельского храма села Новоюрьево, его духовенства и прихожан в годы советских гонений на веру / священник Владимир Никифоров // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. – Тамбов, 2018. – Вып. 5. – С. 146–159.

8. *Алмаев, А., свящ.* Судьбы соборов города Тамбова в 1970–2010-е годы : вып. квалификац. работа студента 4-го курса направления подгот. «Практическая теология Православия» / священник Алмаев Александр Анатольевич. – Тамбов, 2019. – URL: <http://www.tamds.ru/wpcontent/uploads/2019/08/VKR-2019-svyashh.-A.A.-Almaev.pdf> (дата обращения: 04.02.2020).

UDC 930.2; 908

**SOME SOURCE STUDY PROBLEMS
OF THE TAMBOV CHURCH LOCAL
HISTORY: BASED ON THE EXPERIENCE
OF ACADEMIC ADVISING OF
GRADUATION WORKS OF THE TAMBOV
THEOLOGICAL SEMINARY STUDENTS**

Vera D. Orlova

PhD in History,

Associate Professor

of Church History

Tambov Theological Seminary

E-mail: verorl@yandex.ru

For citation: *Orlova, V.D.* Some source study problems of the Tambov church local history: based on the experience of academic advising of graduation works of the Tambov Theological Seminary students // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. Tambov, 2020, no. 1 (10), pp. 105–116. (in Russian)

Abstract

The article assesses the availability and use of historical sources on Tambov Church local lore. The types of sources that are studied by students of Tambov theological Seminary when writing graduation papers are highlighted. Some examples of successful analysis of archival documents are given, as well as bright facts from the memoirs of old-timers recorded by graduate students. Typical difficulties in teaching novice researchers complex analysis of sources are indicated.

Keywords: Tambov diocese; Church local history; source base; complex analysis; methodology of scientific work.

References

1. Istoriko-statisticheskoe opisanie Tambovskoi eparkhii [Historical and statistical description of the Tambov diocese]. / edited by A.E. Andrievsky. Tambov: Tipolitogr. N. Berdonosova i F. Progorina, 1911. 878, XX p. (in Russian)

2. *Shirshov, A., priest.* Tserkovnaya zhizn' v selakh Chernozemnogo Tsentra v 19 – nachale 20 v : po materialam territorii sovremennogo Umetskogo blagochiniya Uvarovskoi eparkhii [Church life in the villages of the Black Earth Center in the 19th – early 20th centuries : Based on materials from the territory of the modern Umetian deanery of the Uvarov diocese]. Graduation qualification work by the fourth-year student majoring in «Practical Theology of Orthodoxy» / priest Shirshov Alexander Sergeevich; Tambov Theological Seminary. Tambov, 2019. (in Russian). Available at: <http://www.tamds.ru/wp-content/uploads/2019/08/VKR-2019-svyashh.-A.S.Shirshov.pdf> (Accessed: 04.02.2020).

3. *Theodosius (Pronin), hierodeacon.* Pravoslavnoe okormlenie naseleniya gorodskikh slobod v 19 – pervoi polovine 20 veka : (po materialam goroda Morshanska Tambovskoi gubernii [Orthodox guidance of the population of urban settlements in the 19th – first half of the 20th century: (based on the materials of the city of Morshansk, Tambov province)]. / Hierodeacon Theodosius (Pronin) // Theological collection of the Tambov Theological Seminary. Tambov, 2019, issue 6, pp. 155–165. (in Russian)

4. *Sutormin, I., priest.* Sel'skoe dukhovenstvo i ego zaboty v 19 veke (po materialam khramov sel, nyne odnosyshchikhsya k Gavrilovskomu raionu Tambovskoi oblasti) [Rural clergy and their cares in the 19th century (based on materials from temples in villages now belonging to Gavrilovsky district of Tambov region)]. / priest Ioann Sutormin // Theological collection of the Tambov Theological Seminary. Tambov, 2016, issue 3, pp. 164–173. (in Russian)

5. *Bokarev, V., priest.* Pravoslavnoe dukhovenstvo v period Tambovskogo krest'yanskogo vosstaniya 20-kh godov 20 veka [Orthodox clergy during the Tambov peasant uprising of the 1920s]. / Priest Vladimir Bokarev // Theological collection of the Tambov Theological Seminary. Tambov, 2016, issue 3, pp. 184–188. (in Russian)

6. *Pronin, V.A.* Deyatel'nost' sel'skogo prichta po blagoukrasheniyu khrama i okormleniyu prikhozhan v istoricheskikh usloviyakh 19 – nachala 20 veka na territorii Bogoyavlenskogo blagochiniya [The activities of the rural clergy to decorate the church and direct parishioners in the historical conditions of the 19th – early 20th centuries on the territory of the Bogoyavlensk Deanery]. Graduation

qualification work by the fourth-year student majoring in «Practical Theology of Orthodoxy» / Pronin Vasily Alexandrovich. Tambov, 2019. (in Russian). Available at: <http://www.tamds.com/wp-content/uploads/2019/08/VKR-2019-Pronin-V.A..pdf> (Accessed: 04.02.2020).

7. *Nikiforov, V., priest.* Sud'ba Mikhailo-Arkhangel'skogo khrama sela Novoyur'evo, ego dukhovenstva i prikhozhan v gody sovetskikh gonenii na veru [The history of the Mikhail-Arkhangelsk church in the village of Novoyurievo, its clergy and parishioners during the Soviet persecution of faith]. / Priest Vladimir Nikiforov // Theological collection of the Tambov Theological Seminary. Tambov, 2018, issue 5, pp. 146–159. (in Russian)

8. *Almaev, A., priest.* Sud'by soborov goroda Tambova v 1970–2010 gody [The history of the cathedrals of the city of Tambov in 1970–2010]. Graduation qualification work by the fourth-year student majoring in «Practical Theology of Orthodoxy» / Priest Almaev Alexander Anatolyevich. Tambov, 2019. (in Russian). Available at: <http://www.tamds.ru/wpcontent/uploads/2019/08/VKR-2019-svyashh.-A.A.-Almaev.pdf> (Accessed: 04.02.2020).

**ПРАВОСЛАВНАЯ
ПЕДАГОГИКА
И АНТРОПОЛОГИЯ**

УДК 94

ИДЕАЛ ВОСПИТАНИЯ В АРИСТОКРАТИЧЕСКИХ ХРИСТИАНСКИХ СЕМЬЯХ РАННЕЙ ВИЗАНТИИ

Алленова Инна Викторовна

кандидат исторических наук, доцент,
проректор по учебной работе
Тамбовской духовной семинарии
E-mail: all-inna@yandex.ru

Для цитирования: Алленова, И.В. Идеал воспитания в аристократических христианских семьях ранней Византии // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. – Тамбов, 2020. – № 1 (10). – С. 118–128.

Аннотация

В статье автор рассматривает идеальную модель воспитания детей в ранней Византии, принятую у христиан в аристократических семьях. Автор приходит к выводу, что воспитательная парадигма (благородное происхождение, религиозность, нравственные добродетели, умеренность в бытовых привычках, образованность и служба государству), сложившаяся в античное время, сохраняла свою актуальность, однако была дополнена и скорректирована христианским учением.

Ключевые слова: античные идеалы воспитания; ранняя Византия; идеал христианского воспитания; Иероним; Климент Александрийский; савонники.

В истории Римской империи IV век новой эры – это период массового обращения граждан в христианство. Христианство, как новая религия, коренным образом меняла привычное течение жизни людей, в том числе аристократии. Если при дворе императора шла острая борьба между представителями различных течений распространявшегося христианства и уходящего язычества, то на бытовом, семейном уровне возникли проблемы другого плана, например, формирование религиозных представлений у подраста-

ющего поколения. Эта проблема в переломное время ощущалась довольно остро, особенно в среде аристократов-интеллектуалов, ведь смена религии коснулась не только государственной идеологии, но идеала воспитания. Античные авторы, такие как Аммиан Марцеллин, Макробий Феодосий и другие, в своих трудах уделяли большое внимание описанию принципов воспитания детей аристократических фамилий. Вообще тема воспитания детей была очень актуальна среди высшего сословия, не занятого государственной службой и имевшего свободное время и финансовые возможности. Часто родители, которые обладали достаточной эрудицией, занимались воспитанием и образованием своих наследников самостоятельно и учили их без наемных учителей. Обучение и воспитание в таких семьях проходило в соответствии со сложившейся традицией.

Иерархия ценностей, заложенных античной традицией, начинается с благородного происхождения. Многие авторы, давая характеристики представителям аристократии или сенаторского сословия, обращают внимание именно на принадлежность к великим фамилиям прошлого или даже мифическим предкам или героям. Благородное происхождение было настолько важным, что возникла практика покупать себе «родословную» или приобщаться к вымышленной родословной. По словам Г.С. Кнабе, новоявленные аристократы «стремились войти в римскую традицию, усвоить себе ее черты, стать – а для начала прослыть и выглядеть – настоящим римлянином старой складки» [5, с. 143–169]. Правда, уже современники подмечали фиктивность таких родословных и не придавали значения вновь созданным генеалогическим древам. Например, Аммиан иронично констатирует, что «некоторые, блистая знатными, как они думают, именами, страшно гордятся тем, что зовутся Ребуррами, Флабуниями, Пагониями, Герсонами, Далиями, Таррациниями, Перразиями и другими столь приятно звучащими славными именами»¹ (Аммиан. XXVIII. 4.7)

Не менее важным фактором считалось образование. Греки и римляне придавали большое значение наукам в целом, но особенно ценилась философия и риторика. Одна позволяла изучить мироустройство, обучала правильному образу жизни, нормам поведе-

¹ Здесь и далее перевод Аммиан Марцеллин цитируется в переводе Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни под ред. Л.Ю. Лукомского.

ния человека, в целом, по мнению Сенеки, учила «добродетели», а другая позволяла добиться карьерного роста. Обе науки входили в систему высшего образования в античной Греции. Французский историк А.И. Марро говорит даже о споре между философами и риториками: «На протяжении всей римско-эллинистической эры продолжается спор, затеянный великими основателями традиции Платоном и Исократом» [7, с. 294]. В любом случае, несмотря на споры, мы находим множество ученых, занимавшихся философией, и множество хвалебных эпитетов в адрес красноречивых политиков. Учебные заведения пользовались большой славой среди аристократических семей, их дети, получив предварительно домашнее образование, отправлялись в именитые школы Афин. Подтверждает это тот факт, что академия Платона, например, просуществовала почти тысячу лет. Сидоний Аполлинарий в своих письмах подчеркивал значение образованности для порядочного римского аристократа «замечательно и достойно образованного человека – изобилуя ученым рвением, живо интересоваться и чужими, менее усердными трудами» [6, с. 70]¹. Е.С. Зайцева отмечает, что, по мнению писателя, образованность – это добродетель, которая позволяет человеку постоянно саморазвиваться и самосовершенствоваться [4, с. 175]. Таким образом, в сенаторской среде не просто допускалось, но и поощрялось увлечение науками и литературным трудом. Правда, необходимо отметить, что в IV веке интерес куриалов к получению «высшего образования» снижается. Сидоний Аполлинарий упрекал современников в том, что они не только не желают получать классическое философское образование, но и вообще не занимаются поддержкой своего «культурного уровня», теряют интерес к книге и, по его словам, «боятся прикоснуться к книге, как к змее» (XIII. 29).

Следующим условием правильного воспитания являлась умеренность. Философия стоицизма, получившая популярность в позднеантичное время, уже создавала идеал скромности и умеренности на бытовом уровне. Сторонники этой философской школы предлагали отказаться от бытовых излишеств, плебейских удовольствий, не предаваться недостойным развлечениям, осуждали гладиаторские бои и скачки на ипподроме. Аристократы, не придерживающиеся этих правил, были подвержены заражению,

¹ Здесь и далее Сидоний Аполлинарий цитируется в переводе М.М. Стасюлевича.

как считает П. Браун, «моральной ипохондрией» [9, с. 339–427]. В «Сатурналиях» Макробий в качестве участника застольных бесед называет некоего аристократа Евангеля, он представлен как «нескромный молодой человек, бестактный и шокирующий присутствующих, не выбирающий выражений», автор подчеркнуто осуждает его и заключает, что все это от недостатка воспитания (Макробий, Сатурналии. I.11.2)¹.

Помимо перечисленных, к достоинствам причислялись также богатство и занятие высших государственных должностей. Однако если раньше должность давала престиж и уважение, то со временем карьеру стали рассматривать как средство, с помощью которого можно изменить к лучшему свой социальный статус.

Таким образом, набор характеристик включал в себя благородное происхождение, нравственные добродетели, образованность, богатство и должность. Л. Руджинни включает в набор еще и «добродетельную бедность древних римлян» [10, с. 371]. Однако, на наш взгляд, бедность была достоинством именно у «древних римлян», в период поздней республики или империи бедность скорее свидетельствовала о неумении управлять делами и неудачливости. Как верно подмечал Г.С. Кнабе, идеал не всегда соответствовал действительности, и наследники формально исполняли должностные обязанности, а воинские подвиги подменяли достижениями в цирке [5, с. 159–161].

С распространением христианства возникла необходимость создавать новый идеал воспитания и образования. В трудах и письмах святых отцов и учителей Церкви мы находим много рекомендаций на эту тему. Детально на воспитании в своих письмах останавливался блаженный Иероним Стридонский. Об обучении в языческих школах писали многие христианские апологеты: святитель Василий Великий, святитель Григорий Богослов, святитель Иоанн Златоуст и другие.

Христианские авторы резко критиковали идеал, созданный аристократами-язычниками. Некоторые составляющие идеального образа сохранялись, но им придавался другой смысл. Сложное отношение было к такому положению, как благородное происхождение. Аристократы, имевшие древнюю родословную, не отказы-

¹ Здесь и далее Макробий Феодосий цитируется в переводе В.Т. Звиревича под ред. М.С. Петровой.

вались от нее, даже когда принимали христианство. Е.С. Зайцева, изучая уклад жизни христианской римской фамилии Цейониев-Руфиев, отметила, что они «постулировали свою исключительную знатность. Они удрежняли свою родословную, иногда доводя ее до самого Энея: «Она [Павла, внучка Публилия Цейония Цецины Альбина, христианка. – Е. З.] была благородна по происхождению... Ветвь Гракхов, отрасль Сципионов, наследница Павла, от которого получила и самое имя, действительный и прямой потомок Марции Папирии, матери Африканского... Итак, принадлежа по рождению к такой фамилии, она вступила в супружество с Токсоцием, в жилах которого текла знаменитейшая кровь Энея и Юлиев...» (Иероним, Письма. 108)¹ [4, с. 176]. Однако если вдруг найти родовитых родственников не удавалось, христианские учителя старались не принижать людей низкого происхождения, выдвигая на первый план другие достоинства.

Образование тоже не утратило своего значения. Аристократы-христиане высоко ценили знание традиционной культуры и древних авторов. Они продолжали считать себя наследниками классической греко-римской культуры и приобщались к сочинениям античных философов, историков и поэтов. Святитель Феофил, например, благосклонно относился к Платону, называя его «мудрейшим из эллинов», а в «Послании к Автолику» писал о «созвучии с христианством» (Послание к Автолику. III, 16). Епископ святой Аполлинарий Сидоний воспитывался в христианской вере, но получал образование у языческих грамматиков и риторов, хорошо знал языческую литературу и признавался, что именно она была источником его литературного вдохновения. В языческой школе Либания обучались святитель Василий Великий, Феодор из Мопсуестии, святитель Иоанн Златоуст и многие другие. Святитель Василий Великий в трактате «К юношам о том, как с пользой читать языческих писателей» советовал читать литературу языческих авторов (Беседа. 22). Безусловно, автор рекомендовал подвергнуть древних авторов строгому отбору, а прочитанные книги толковал с позиции христианства, однако явно признавал значение языческой литературы в образовательном процессе: «Чтение ее облагораживает душу и учит уважать добро, ибо вся поэзия Гомера, а также труды других представителей «внешней мудрости» (Беседа. 22), указанных им

¹ Здесь и далее Иероним Стридонский цитируется в переводе М.С. Петровой.

(впрочем, он называет довольно узкий круг писателей), – похвала добродетели и доблести, скрытой в истории» [3, с. 33].

В программу классического образования входило и изучение конкретных дисциплин, в первую очередь философии. С одной стороны, значимость философии как науки не вызвала сомнения у Церкви. Ей требовались образованные служители, которые могли бы проводить апологетические беседы и противостоят натиску язычников. С другой стороны, чрезмерное увлечение философией могло привести к возникновению ересей. В этой ситуации христианские учителя стали рассматривать философию как «служанку богословия». По свидетельству Евсевия, Ориген рекомендовал занятия философией и светскими науками, так как считал, что эти дисциплины помогут лучше понять Священное Писание (Евсевий, Церковная история. VI. 2. 18). А.М. Болгова подмечает, что святой Иустин Мученик указывал на «согласие» ряда философских и научных (античных) положений с христианскими взглядами (Апология. I. 20) [3, с. 34]. Таким образом, большая часть христианских учителей одобряла занятия философией, если они сохраняли «верность откровенной истине» [1, с. 35]. Достаточно подробно на вопросе отношения к языческой литературе остановился Климент Александрийский. Он писал: «Мне хорошо известны настоячивые речи невежественных и робких людей, полагающих, что нам надо больше пользоваться теми главнейшими факторами, на которых покоится вера, и проходить мимо всего, лежащего вне ее... Другие полагают, что философия влилась в жизнь из дурного источника и изобретена злым существом во вред человеку» (Строматы. I. 1. 10)¹. «Некоторые воображают, – говорит он далее, – что умно делают, когда не хотят изучать естественных наук и не желают иметь дела ни с философией, ни с диалектикой, а только простой и чистой верой удовлетворяться. Это все равно, как если бы они утверждали, что никакого ухода за виноградной лозой не нужно, а достаточно только насадить ее, чтобы иметь с нее гроздь... Разумная вера делает человека другим Божиим» (Строматы. I. 18.1). В подтверждение этого факта можно сказать, что уже к середине 380-х годов на Западе появился ряд христианских теологов, получивших классическое

¹ Здесь и далее Климент Александрийский цитируется в переводе Н. Корсунского.

образование, благодаря чему с успехом сочетавших христианское вероучение и античную метафизику [8, с. 35].

Помимо личного саморазвития, образование позволяло продвигаться и по служебной лестнице. Многие императоры поддерживали на службе образованных людей, организовывали специальные соревнования между риториками, да и в целом покровительствовали наукам (Иоанн Лид, «О магистратах, или о властях государства ромеев». III. 50). Многие из сановников отличались ученостью: писали стихи, прозу или научные трактаты. Подробнее на этом останавливается Н.Н. Болгов в исследовании «Повседневная жизнь высших византийских сановников в VI веке (по Иоанну Лиду)» [2, с. 35]. Таким образом, довольно почетным занятием для аристократа, отошедшего от государственных дел, было занятие литературным творчеством и переводами [3, с. 35], а это предполагало добротное образование с хорошим знанием языков и широкой эрудицией.

Вместе с тем, несмотря на преемственность с античной традицией, христиане все же применили свой образ мыслей к системе воспитания и образования. Придавая особое внимание воспитанию, христиане скорректировали перечень рекомендованной к прочтению литературы. Так, например, Иероним на первое место ставил произведения христианских апологетов и каноническую литературу: «Пусть прежде всего изучает Псалтирь; в притчах Соломоновых пусть изучает науку жизни... Екклесиаст... книга Иова... Евангелия... Деяния и послания апостольские... Пророки, Пятикнижие, книги Царств, Паралипоменон, также – Ездры и Есфири. Всяких апокрифов она должна остерегаться. Сочиненьца Киприана она должна иметь всегда под руками. Письма Афанасия и Илария – беспрепятственно» (Иероним, Письма. 107).

Иероним Стридонский сформировал новые принципы образования в соответствии с христианскими традициями. С одной стороны, он рекомендовал быть добродетельными, следовать религиозным обычаям и заниматься философскими изысканиями. С другой, несмотря на то, что сам получил классическое образование, для своих учеников Иероним ввел строгие ограничения в обучении: рекомендовал читать исключительно душеспасительную литературу, отказаться от публичной риторики (советовал дискутировать в письмах, а не на площадях). Кроме того, досуг

рекомендовал проводить в молитвах и чтении, даже музыка была под запретом. Если прежде идеалом воспитания провозглашалась умеренность, то теперь стало необходимо практиковать аскетизм, который должен проявляться во всем, в том числе во внешнем виде (отказ от украшений и нарядной одежды, макияжа): «Сам наружный вид и одежда ее должны готовить ее к тому, к чему она предназначена. Не прокалывай, предостерегаю тебя, ее ушей; белилами и румянами не разрисовывай лица, посвященного Христу; не души ей шею золотом и жемчугом; не отягощай головы драгоценными камнями; не подцвечивай волос в красный цвет...» (Иероним, Письма. 127).

Особо внимательно Иероним относится к занятию должностей. Общаясь с сенаторами и другими аристократами, он признавал важность участия в государственном управлении и не выдвигал сенаторам-христианам прямых требований оставить карьеру, но в то же время он осуждал борьбу за должности и славу, прославляющие их обладателя, и допускал занятие должностей, только если их обладатель стремился получить должности, чтобы творить богоугодные дела. В этом он видел нравственную составляющую власти.

Относительно богатства позиция Иеронима была довольно сдержанной: с одной стороны, он рекомендует соблюдать умеренность в быту и даже аскетизм, с другой стороны, прямых выступлений против богатства мы у него не находим. Иероним не осуждал собственность и финансовые капиталы, особенно в том случае, если человек помогал Церкви.

Таким образом, идеалы воспитания, сложившиеся в античном мире, оставались актуальными и в ранней Византийской империи. В христианском идеале сохранялась воспитательная парадигма (благородное происхождение, религиозность, нравственные добродетели, умеренность в бытовых привычках, образованность и служба государству). Однако христианские учителя предлагали более ответственно относиться к образованию и положить в его основу тексты, не противоречащие христианскому вероучению; они благосклонно относились к незнатному происхождению и советовали преданно служить государству. Как и всегда, созданный богословами идеал отличался от реальности, а следование образцу было очень тяжелым испытанием для жителей Империи.

Список литературы

1. *Филарет (Гумилевский), архиеп.* Историческое учение об отцах Церкви / архиепископ Черниговский и Нежинский Филарет. В 3 т. Т. 1. – 2-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург : Изд. книгопродавца И.Л. Тузова, 1882. – XX, 205, III с.

2. *Болгов, Н.Н.* Повседневная жизнь высших византийских сановников в VI веке (по Иоанну Лиду) / Н.Н. Болгов, М.М. Сеница // Вестн. Калмыц. ун-та. 2019. – № 4 (44). – С. 30–40.

3. *Болгова, А.М.* Идеиные основы христианской школы и воспитания в ранневизантийской традиции / А.М. Болгова, О.А. Харченко ; Белгород. гос. ун-т // Науч. ведомости БелГУ. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. – 2009. – № 9, вып. 11. – С. 32–36.

4. *Зайцева, Е.С.* Воспитание в позднеримской сенаторской семье: классический канон и христианский идеал / Е.С. Зайцева // НУРОТНЕКАІ. – 2019. – Вып. 3. – С. 173–199.

5. *Кнабе, Г.С.* Категория престижности в жизни Древнего Рима / Г.С. Кнабе // Быт и история в античности : [сб. ст.] / АН СССР, Науч. совет по истории мировой культуры ; отв. ред. Г.С. Кнабе. – Москва : Наука, 1988. – С. 143–169.

6. *Литовченко, Е.В.* Письма Сидония и жизнь позднеантичного общества / Е.В. Литовченко // Науч. ведомости Белгород. гос. ун-та. – 2012. – № 7. – С. 69–73.

7. *Марру, А.-И.* История воспитания в античности (Греция) / А.-И. Марру ; пер. с фр. А.И. Любжина и др. – Москва : Греко-лат. каб. Ю.А. Шичалина, 1998. – 425 с.

8. *Фокин, А.Р.* Античная метафизика и христианская теология в трактатах Мариа Викторина / А.Р. Фокин // Интеллектуальные традиции Античности и Средних веков : (исследования и переводы) / сост. и общ. ред. М.С. Петровой. – Москва : Кругъ, 2010. – С. 69–106.

9. *Brown, P.* The Body and Society : Men, Women, and Sexual Renunciation in Early Christianity / Peter Brown. – London ; Boston : Faber a. Faber, 1988. – 504 p.

10. *Ruggini, L.C.* Rome in Late Antiquity: Clientship, Urban Topography, and Prosopography / Lellia Cracco Ruggini // Classical Philology. – 2003. – Vol. 98, № 4. – P. 366–382.

UDC 94

THE IDEAL OF UPBRINGING IN ARISTOCRATIC CHRISTIAN FAMILIES IN EARLY BYZANTIUM

Inna V. Allenova

PhD in History, Associate Professor

Vice-rector for Academic Affairs

Tambov Theological Seminary

E-mail: all-inna@yandex.ru

For citation: *Allenova, I.V.* The ideal of upbringing in aristocratic Christian families in early Byzantium // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. Tambov, 2020, no. 1 (10), pp. 118–128. (in Russian)

Abstract

In the article, the author examines the ideal model of child rearing that was developed among Christians in aristocratic families. The author comes to the conclusion that the educational paradigm (noble origin, religiosity, moral virtues, moderation of household habits, education and service to the state), which was developed in ancient times, still remains relevant, and has been supplemented and corrected by Christian teaching.

Keywords: ancient ideals of education; early Byzantium; ideal of Christian education; Jerome; Clement of Alexandria; dignitaries.

References

1. *Filaret (Gumilevskiy), archbishop.* Istoricheskoye ucheniye ob ottsakh Tserkvi [Historical Doctrine of the Church Fathers]. / Archbishop of Chernigov and Nezhin Filaret. In 3 vols., vol. 1, St. Petersburg, 1882, XX, 205, III p. (in Russian)

2. *Bolgov, N.N.* Povsednevnyaya zhizn' vysshikh vizantiiskikh sanovnikov v VI veke (po Ioannu Lidu) [The daily life of the highest Byzantine dignitaries in the 6th century (according to John Lead)]. / N.N. Bolgov, M.M. Sinitsa // Vestnik kalmytskogo universiteta. 2019, no. 4 (44), pp. 30–40. (in Russian)

3. *Bolgova, A.M.* Ideinye osnovy khristianskoi shkoly i vospitaniya v rannevizantiyskoi traditsii [The ideological foundations of the

Christian school and education in the early Byzantine tradition]. / A.M. Bolgova, O.A. Kharchenko ; Belgorod State University // Nauchnye vedomosti BelGU. Ser. Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika. – 2009, no. 9, issue 11, pp. 32–36. (in Russian)

4. *Zaytseva, Ye. S.* Vospitaniye v pozdnerimskoi senatorskoi sem'e: klassicheskii kanon i khristianskii ideal [Education in the late Roman senatorial family: the classical canon and the Christian ideal]. / E.S. Zaitseva // ГИПОТЕКАИ / 2019, issue 3, pp. 173–199. (in Russian)

5. *Knabe, G.S.* Kategoriya prestizhnosti v zhizni Drevnego Rima [The category of prestige in the life of ancient Rome]. / G.S. Knabe // Life and history in antiquity / Academy of Sciences of the USSR, Scientific Council for History of the World Culture; executive editor G.S. Knabe. – Moscow : Nauka, 1988, pp. 143–169. (in Russian)

6. *Litovchenko, Ye.V.* Pis'ma Sidoniya i zhizn' pozdneantichnogo obshchestva [Letters from Sidonia and the Life of Late Antique Society]. // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta, 2012, no. 7, pp. 69–73. (in Russian)

7. *Marru, A.-I.* Istoriya vospitaniya v antichnosti (Gretsiya) [The history of education in the ancient world (Greece)]. / A.-I. Marru ; translated from French by A.I. Lyubzhina. Moscow, 1998. 425 p. (in Russian)

8. *Fokin, A.R.* Antichnaya metafizika i khristianskaya teologiya v traktatakh Mariya Viktorina [Antique metaphysics and Christian theology in treatises by Marius Victorinus]. // Intellektual'nye traditsii Antichnosti i Srednikh vekov : (issledovaniya i perevody) / Edited by M.S. Petrova. Moscow, 2010, pp. 69–106. (in Russian)

9. *Brown, P.* The Body and Society : Men, Women, and Sexual Renunciation in Early Christianity / Peter Brown. – London ; Boston : Faber a. Faber, 1988. – 504 p. (in English)

10. *Ruggini, L.C.* Rome in Late Antiquity: Clientship, Urban Topography, and Prosopography / Lellia Cracco Ruggini // Classical Philology. – 2003, vol. 98, no. 4, pp. 366–382. (in English)

УДК 37.013.2

ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА ЕКАТЕРИНЫ II В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ

Евтихийев Петр Николаевич

кандидат педагогических наук, доцент,
заведующий церковно-практической
кафедрой Тамбовской духовной
семинарии

E-mail: petr.evthiev@bkmail.ru

Для цитирования: *Евтихийев, П.Н.* Воспитательная система Екатерины II в контексте современной образовательной парадигмы // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. – Тамбов, 2020. – № 1 (10). – С. 129–143.

Аннотация

Статья посвящена анализу «Наставления о воспитании великих князей Александра и Константина», написанного Екатериной II 13 марта 1784 года. Интерпретация выявленных смыслов осуществлена в логике современной гуманитарной науки.

Ключевые слова: воспитательная система эпохи Просвещения; императрица Екатерина II; принципы православной педагогики; традиции воспитания в царских (императорских) семьях.

Годы правления Екатерины Великой считаются периодом расцвета Русского Просвещения: открыты университеты в Санкт-Петербурге и Москве (1724, 1755), заложены основания женского образования – учрежден Смольный институт благородных девиц (1764), открыты училища и кадетские корпуса, городские школы, в которых введена классно-урочная система; учреждены воспитательные дома для сирот; появились публичные библиотеки и музеи; мощный импульс к развитию получили науки, литература, периодическая печать. К организации системы образования императрица привлекала лучших представителей научной мысли,

например, «План университета для России» разработал французский философ-просветитель Д. Дидро, член Петербургской академии наук с 1773 года. Заметный вклад в развитие отечественного образования внес И.И. Бецкой, назначенный личным указом Екатерины II главным советником по делам организации просвещения. Императрица лично участвовала в реформировании: ею были созданы ученые записки «Гражданское начальное учение», «Продолжение начального учения», «Записки первой части», а также пособия и книги для детей [12]. Тем не менее результативность образовательных реформ этого периода исследователи оценивают невысоко [10].

Среди многих изменений в образе жизни русского общества эпохи Екатерины II не последнее место занимает ее непосредственное влияние на духовно-нравственное состояние современников, которое осуществлялось благодаря склонности императрицы к назидательности, так ясно читаемой в ее сочинениях. Императрица оставила немалое творческое наследие: мемуары и автобиографические заметки, публицистические сочинения, драматические произведения, комические оперы, рассказы, эпистолярные и пр. [12]. В каждом из сочинений самодержицы без труда обнаруживается желание повлиять на события, назидать окружающих. Особенно выразительны нравоучения императрицы в ее сочинениях, адресованных внукам, – великим князьям Александру и Константину, а также их воспитателям: «Наставления о воспитании великих князей Александра и Константина», аллегорические сказки «Хлор царевич, или Роза без шипов, которая не колется» и «Сказка о царевиче Февее», а также сборник русских народных пословиц (126 статей). Эти сочинения приобрели широкую популярность. Достаточно вспомнить, например, оду «Фелица» (1782) Г.Р. Державина, которая была написана под непосредственным влиянием сказки о царевиче Хлоре и стала первым произведением, принесшим автору самую широкую признательность и благорасположение самой Екатерины II [3].

Наивная и назидательная «Сказка о царевиче Хлоре», написанная императрицей-бабушкой для внука – четырехлетнего великого князя Александра, повествовала о путешествии царевича к «Храму розы без шипов». На пути к Храму, за которым, конечно же, подразумевался идеал жизнеустройства, принц наблюда-

ет многочисленные идиллические картины сельской жизни. Эти картины, в частности, вдохновляли и протоиерея, законоучителя и духовника великого князя Александра – указать сан! А.А. Самборского, который по окончании Киевской духовной академии служил в русской духовной миссии в Лондоне, где, имея на то отдельное поручение, обучался агрономии. Именно отец Андрей руководил работами по созданию английского парка в архитектурном комплексе «Александрова дача», расположенном неподалеку от Павловского дворца [1].

Наиболее же определенно педагогические воззрения Екатерины Великой характеризуют «Наставления о воспитании великих князей Александра и Константина», написанные в марте 1784 года [12]. Об особом статусе этого сочинения в системе педагогического и в целом гуманитарного знания свидетельствуют надежды, возлагаемые императрицей на наследников Престола – великих князей Александра и Константина. Из переписки с известным представителем эпохи Просвещения, французским дипломатом и публицистом бароном Гриммом известно, что Екатерина II не имела решительного влияния на воспитание собственного сына Павла [14, с. 224–298], заботу о котором взяла на себя Елизавета Петровна. О целях и направлениях воспитательной программы императрицы свидетельствуют уже имена наследников, которые она выбирала лично. Наследник-первенец, родившийся 12 декабря 1777 года, был назван в честь святого благоверного князя Александра Невского. «Хочу думать, – писала Екатерина II барону Гримму, – что имя предмета имеет влияние на предмет, а наше имя знаменито». С великим князем Константином, родившимся 27 апреля 1779 года, была связана «надежда в ближайшее будущее окончательно сокрушить империю Османов и покорить Константинополь» [4, с. 42–47].

Педагогическая активность самодержицы объяснялась личными обстоятельствами: лишенная возможности оказывать влияние на формирование собственного сына Павла, она решила восполнить эту несправедливость судьбы тем, чтобы дать миру императоров, воспитанных в соответствии с просветительской стратегией. Особые надежды она связывала с Александром, в котором полагала «образцового человека и государя» [18, с. 67].

Екатерина II на протяжении всей сознательной жизни занималась самообразованием и много читала по-французски. Ее пе-

дагогическая система формировалась под влиянием идей выдающихся просветителей: М. Монтеня, Дж. Локка, Ж.Ж. Руссо и др. Противоречивость в процесс воспитания великих князей в духе Ж.Ж. Руссо не могло не вносить то обстоятельство, что события Великой Французской революции (1789–1794) возмутили императрицу, которой также было известно, что на одной из парижских площадей роман «Эмиль, или О воспитании» философа-педагога Руссо был сожжен наравне с политическими памфлетами. Хотя в центре педагогической концепции «Наставления о воспитании великих князей Александра и Константина» находилась идея «естественного человека», явленного романом Ж.Ж. Руссо, личность философа-либерала не вызывала у императрицы симпатии, и это отношение было взаимным. Как выявил Д. Кобеко, «Руссо не примыкал к тому кругу энциклопедистов, к которому принадлежали камер-юнкер Вольтер, непрременный секретарь французской академии Даламбер, библиотекарь Екатерины Дидро и ее комиссионер Гримм. Эти последние не были революционерами... Руссо был республиканцем; <...> был простым гражданином Женевы <...> сам называл себя врагом царей. Инстинктивно Екатерина ненавидела его» [8].

Екатерина «охладела» к французскому варианту либерализма, перенесла свои симпатии на просвещенную Англию, чем мотивировала стремительное развитие англomanии в России. Идеи Дж. Локка помогли Екатерине II в выборе методов воспитания, а также в формулировке тезиса о соотношении и связи обучения и воспитания: целью образования является не многознание, а всестороннее развитие личности. Этот тезис, вполне поддерживаемый и современной педагогической наукой, справедлив и в отношении приоритета физического воспитания, как одного из условий успешного обучения. Именно идеи Джона Локка (1632–1704), английского философа, теоретика либерализма, Екатерина Великая считала основанием своей педагогической концепции, признаваясь в письме Гримму, что воспитала великих князей, Александра и Константина, «в духе философии Локка» [1].

Значимым также оставалось и наследие французских просветителей. Идеи М. Монтеня позволили ей сформулировать общую цель воспитания: формировать такие добродетели, как: гуманность, терпимость, человеколюбие, уважение законов, власти и

другие [17, с. 77]. Не могла императрица пройти мимо самой известной работы Ж.Ж. Руссо – романа «Эмиль, или О воспитании», написанного в 1762 году. Главную цель образования Ж.Ж. Руссо видел в том, чтобы привить интерес к наукам, с одной стороны, а с другой – научить ребенка самостоятельно добывать нужные ему знания. Актуальна также оказалась идея Руссо о том, что обучение должно вестись с учетом индивидуальных способностей ребенка, что между учителем и учеником отношения должны «строиться на обоюдной искренней привязанности» [13, с. 48].

О сложности и противоречивости процесса воспитания Александра и Константина свидетельствуют многие источники, в разное время привлекавшие научный интерес исследователей, о чем можно судить, например, по работе А.Ю. Андреева «Воспитание великих князей Александра и Константина Павловичей глазами Ф.-С. Лагарпа» [2, с. 90–122]. В названной работе интерес исследователя концентрируется в направлении истории образования, историографии, тогда как нас интересует реконструкция не столько педагогической ситуации, сколько самой концепции, предлагаемой Екатериной Великой. В процессе реконструкции ее педагогических воззрений следует учитывать, что императрица привлекла к воспитанию внуков людей, принадлежащих к различным культурам и философским школам. Среди них особое место принадлежит швейцарскому просветителю, либералу Лагарпу, чье участие в воспитании великих князей должно было способствовать позиционированию наследников как последователей идей Просвещения в глазах европейского сообщества. В.О. Ключевский, который называл «Наставления о воспитании великих князей Александра и Константина» «философским планом воспитания», указывал, что русская самодержица высоко оценивала результативность педагогической работы Лагарпа [7, с. 378]. Перед просветителем-педагогом Лагарпом стояла задача воспитать у великих князей «руссоистский идеал «естественного человека» – всесторонне развитой, свободной от предрассудков, гуманной личности. В этом направлении Екатерина II опережала даже программу Царскосельского Лицея эпохи Пушкина [2, с. 90–122].

Со своим планом воспитания великих князей императрица ознакомила генерал-аншефа графа Николая Ивановича Салтыкова, который, будучи избранным ею в наставники, имел собственный

проект воспитания наследников, далекий от идей либерализма. Сопоставление исходного плана императрицы и назначение на роль его исполнителя человека, по мнению князя А. Чарторыйского, «самого неподходящего для воспитания принцев во всей Европе», показывает, что налицо имелась противоречивая педагогическая ситуация. «Полнейшим тупицей» характеризовал А. Чарторыйский и привлеченного к воспитанию принцев «дядьку их императорских высочеств» графа Александра Яковлевича Протасова¹, сознательно противостоявшего либеральному уклону воспитания. Очевидцы и исследователи реализации «философского плана воспитания» императрицы не раз отмечали, что на принцев оказывалось разнонаправленное влияние педагогов и, прежде всего, самой императрицы, чье мировоззрение не входило в эталонное представление о «естественном человеке» Ж.Ж. Руссо.

В «Наставлениях...» Екатерины II были изложены общие принципы воспитания, тогда как важнейшие принципы православной педагогики – христоцентричность и экклезиоцентричность – выводились на периферию. Доминирующим в предлагаемой иерархии стал принцип педоцентричности: ребенок наделялся большими правами во взаимоотношениях с учителем (воспитателем). Императрица сделала акцент «на поддержании вольной, не ограничивающей личность ребенка обстановки, а также дала указания относительно бытовой стороны жизни детей» [3]. Установка на развитие у детей естественности и свободы, границы которой не были четко определены (что нарушало традицию воспитания царских наследников), дала закономерный результат. Дети играли, игнорируя строгие правила придворного этикета, который был заложен еще в царствование Алексея Михайловича. Они свободно могли входить в кабинет императрицы в момент, когда она занималась государственными делами и пр. [4, с. 31].

Екатерина II сама разработала форму одежды для внуков, отвечающую, по ее мнению, требованиям гигиены и физического развития и не обременительную в использовании. Так, Александра с 6-месячного возраста одевали в одежду, в которую «ему за один раз всовывают руки и ноги, и все готово» [16, с. 138–139.]. Эта одежда позволяла свободно двигаться на воздухе, не мешала во время фи-

¹ Отец Николая Александровича Протасова – обер-прокурора Святейшего синода (1836 – 1855).

зического труда, но утрачивала воспитательную функцию, так как статусная одежда способствовала выработке у ребенка терпения и воспитывала уважение к традиции ношения царского облачения.

Несомненно, положительным вкладом «Наставлений...» Екатерины II может считаться направление умственного развития внуков: 1) возрождение потешных книжек как необходимого жанра детской литературы, исчезнувшего после реформ Петра I; 2) сочинение сказок и детских игр, в которые императрица играла с ними сама; 3) сочинение пособий назидательного характера; 4) написание для Александра и Константина «Азбуки». Популярность и воспитательная эффективность «Азбуки» объяснялась тем, что основой для ее составления послужил принцип, использованный еще в азбуке церковнославянского языка: каждая буква запоминалась не как звук, а как слог или слово, в котором был зашифрован определенный смысл. Императрица каждую начальную букву алфавита связывала с каким-либо нравоучительным изречением, что способствовало быстрому запоминанию ребенком самого звука как абстракции, связывая его со значимым и понятным для любого человека смыслом. Так, буква (начертание) и звук (произносимое) «Д» – это абстракция для ребенка, а выражение «Делай добро и не перенимай худое» – это связанное с ним нравственное наставление. Обучаясь по такой «Азбуке», «великие князья познавали, что такое нравственность и добродетель», учились «ценить плоды человеческого труда» [18, с. 67]. Удивляет то, что императрица считала народные русские сказки «нелепыми и непригодными для воспитательных целей» и поэтому придумывала свои собственные нравоучительные сюжеты» [18, с. 67], например, «О царевиче Хлоре» и др. [12]. В этом отношении «Наставления...» Екатерины II принципиально отличались от «Наставлений» Елизаветы I, которая считала обязательным для изучения наследниками «изящных качеств Российского народа» [12].

В «Наставлении...» Екатерины II пункт о главенстве гражданских ценностей вполне совпадает с уроками Ф.-Ц. Лагарпа, который убеждал Александра I в том, что гражданские (общечеловеческие ценности) ценнее православных и национальных. В результате Екатерина II, стараясь уберечь внуков от народных суеверий, добилась того, что Константин стал равнодушен к Православию, а Александр пришел к вере, «но далекой от Православия» [12]. Лагарп внушал великим князьям, что личная свобода

человека – это свобода его выбора, а кто попирает эту свободу – тот тиран. Лагарп обучал Александра I, прежде всего, французскому языку, а также всеобщей истории, арифметике, географии и другим наукам. В соответствии с установкой, начертанной в программе Екатерины II, он проводил много времени с учениками за доверительными беседами, что сделало его другом воспитанников, подобно героям романа Руссо. В дальнейшем тенденция к получению образования и воспитания не на родном языке, а на французском привела к тому, что в XIX веке русская знать говорила по-французски лучше, чем по-русски [12].

Следует отметить, что начертанный Екатериной II в «Наставлении...» план воспитания не был реализован ее внуками в полном объеме. Например, опускался пункт «Ходить каждый день, холодная вода и пробежки босиком». Имея свободу выбора духовности, Александр и Константин оказались оторванными от корневой традиции – воспитания в духе Православия, на котором в свое время настаивала в своем «Наставлении...» Елизавета I: «Познание Бога да будет первый долг и основание всему наставлению» [11].

Екатерина II, считая традиционную систему воспитания в семье российских венценосцев отсталой, ориентировалась на западноевропейский опыт. В результате русские принцы получили хорошее европейское образование, но, утратив системообразующее понимание христоцентричности, оказались оторванными от душеспасительной практики покаянного предстояния пред Богом. Отступления от «старорусского обычая» воспитания в православной семье разрушили преемственность духовно-нравственного опыта, который диктовал, что истинная свобода – это свобода от греха. Об опасности ошибочно понимаемой свободы замечательно писал святитель Феофан Затворник: «Есть люди, кои думают, что расширяют круг свободы в неограниченности своих желаний, но кои на деле походят на обезьян, самовольно запутывающих себя в сети» [1].

Поучительные сведения о результатах воспитательной концепции Екатерины Великой в духе либеральных идей эпохи Просвещения дал русский историк В.О. Ключевский: «Если к этому прибавить еще графа Салтыкова с его доморощенным курсом салонных манер и придворной гигиены, то легко заметить пробел, какой был допущен в воспитании великого князя. Его учили, как

чувствовать и держать себя, но не учили думать и действовать; не задавали ни ученых, ни житейских вопросов, которые бы он решил сам, ошибаясь и поправляясь. Его не заставляли ломать голову, напрягаться, не воспитывали, а, как сухую губку, пропитывали дистиллированной политической и общечеловеческой моралью, насыщали лакомствами европейской мысли. Его не познакомили со школьным трудом, миниатюрными горячами и радостями, с тем трудом, который только, может быть, и дает школе воспитательное значение. Преподавание Лагарпа было для Александра эстетическим наслаждением; но в записках одного из русских воспитателей великих князей – Протасова – мы встречаем не раз горькие жалобы на „праздность, медленность и лень“ Александра, нелюбовь к серьезным упражнениям, тому, что воспитатель называет „прочным умствованием“... Это большое несчастье, когда между учениками и учителем образуется отношение зрителей к артисту, когда урок наставника становится для питомцев развлечением, хотя и эстетическим» [7, с. 378–419].

С позиций светской педагогики воспитательная система Екатерины II, а также ее просветительская деятельность часто оцениваются историками и педагогами как однозначно положительные. Безусловно, положительный вклад Екатерины II в формирование образовательной системы конца XVIII века очевиден. Если принять во внимание, что образование предшественников Екатерины II, например, Петра I, не было систематическим, то «Наставления о воспитании великих князей Александра и Константина» – это реальный шаг к систематизации образования особ императорской фамилии с той целью, чтобы к власти пришли настоящие лидеры, способные выражать, защищать интересы своего народа и суверенитет своего государства. В этом контексте воспитательную систему Екатерины II можно рассматривать как пример систематизации педагогического процесса для всей системы российского образования конца XVIII века.

Оценка же этой воспитательной системы с позиций православной педагогики выглядит иначе. Плодами либеральной педагогической концепции, начертанной Екатериной II и реализованной воспитателями, которые придерживались противоположных нравственных и социально-политических взглядов, стали следующие результаты:

1) Екатерина II сняла с учителей обязанность воспитывать юношей в Боге, дабы не заразить наследников «суеверием», следствием чего стала утрата ими православных духовных ценностей и разрыв с традиционной верой;

2) для обоих наследников расширилась возможность свободы выбора в общении со взрослыми, взрослым же запрещалось ограничивать детей в действиях, попускалось нарушать семейный и официальный церемониальный этикет, тем самым стиралась дистанция в повседневном общении со старшими;

3) «Наставление...» Екатерины II отменило рекомендации Елизаветы I изучать и уважать народную культуру, на основе которой воспитывались первые цари династии Романовых, вследствие чего система царского воспитания начала «мигрировать» в сторону европейских либеральных ценностей и заимствованных педагогических технологий.

В целом воспитательная система императрицы Екатерины II являет собой наглядный пример следования вброшенному извне и принятому без критического осмысления просветительскому идеалу, который повлек за собой реализацию искусственно выработанных в Западной Европе нравственных принципов, вошедших в противоречие с традиционной для России системой православных духовных ценностей. Созданная на этой основе педагогическая теория для обоснования своей целесообразности актуализировала различные отрасли знания и науки, сделав ставку на развитие телесной и душевной составляющей человеческой личности в ущерб духовной.

Список литературы

1. *Евтушенко, М.* Воспитание православного государя в Доме Романовых / М. Евтушенко. – Санкт-Петербург : Питер, 2015. – 256 с. – (Николай Стариков рекомендует прочитать).

2. *Андреев, А.Ю.* Воспитание великих князей Александра и Константина Павловичей глазами Ф.-С. Лагарпа / А.Ю. Андреев // Филаретовский альманах : исслед. и материалы. – 2013. – № 9. – С. 90–122. – URL: <https://istina.cemi-ras.ru/publications/article/7522931/> (дата обращения: 22.01.2020).

3. *Горфина, М.Н.* Царское воспитание в контексте современного воспитательного пространства М.Н. Горфина // Концепт :

науч.-метод. электрон. журн. – 2015. – Т. 13. – С. 4346–4350. – URL: <http://e-koncept.ru/2015/85870.htm> (дата обращения: 25.01.2020).

4. *Балязин, В.Н.* Романовы : семейные тайны рус. императоров / В.Н. Балязин. – Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2008. – 527 с.

5. *Ибнеева, Г.В.* Образовательная политика Екатерины II в практике императорских путешествий / Г.В. Ибнеева // Вестн. Тамб. ун-та. Сер.: Гуманитар. науки. – 2017. – Т. 22, вып. 2 (166). – С. 89–97.

6. История отечественного образования. Государственная политика в области образования в России X–XVIII вв. : учеб. пособие / сост. А.В. Терентьева. – Санкт-Петербург : ГезаКом, 1995. – 188 с.

7. *Ключевский, В.О.* Исторические портреты / В.О. Ключевский. – Москва : Правда, 1990. – 622 с.

8. *Кобеко, Д.* Екатерина и Жан Жак Руссо // Ист. вестн. – 1883. – № 6. – URL: <http://www.vostlit.info/Texts/3/text.htm> (дата обращения: 25.01.2020).

9. *Кошелева, О.Е.* «Свое детство» в Древней Руси и в России эпохи Просвещения (XVI–XVIII вв.) : учеб. пособие по пед. антропологии и истории детства. – Москва : Изд-во Ун-та РАО, 2000. – 320 с.

10. *Курочкина, И.Н.* Русская педагогика : страницы становления (VIII–XVIII вв.) : учеб. пособие / И.Н. Курочкина. – Москва : Флинта, 2002. – 112 с.

11. Наставление императрицы Елизаветы Петровны о воспитании Павла Петровича // Русский архив : ист.-лит. сб. – Москва, 1881. – Вып. 1. – С. 18. – URL: <https://www.liveinternet.ru/users/ertata/post257214563> (дата обращения: 25.01.2020).

12. Наставление о воспитании великих князей Александра и Константина : указ Императрицы Екатерины II генерал-аншефу Николаю Ивановичу Салтыкову, 13 марта 1784 г. // Сборник Русского исторического общества : в 148 т. – Санкт-Петербург : Тип. Императорской Акад. наук, 1872. – Т. 10. – С. 310–330. – URL: <http://ekaterina-ii.niv.ru/ekaterina-ii/dokumenty/o-vozpitanii-velikih-knyazej-aleksandra-i-konstantina.htm> (дата обращения: 02.03.2020).

13. *Немолодышев, С.* Взгляд на воспитание и обучение в России : крат. ист. очерк / С. Немолодышев. – Харьков : [б. и.], 1898. – 186 с.

14. *Павленко, Н.И.* Екатерина Великая / Н.И. Павленко. – Москва : Молодая гвардия, 2006. – 548 с.

15. 50 советов и изречений святителя Феофана // ПРАВОСЛАВНИЕ.RU : портал. – URL: <https://pravoslavie.ru/76728.html> (дата обращения: 27.02.2020).

16. Российские императрицы : мода и стиль : конец XVIII – начало XIX века : кат. выст. – Москва : Кучково поле, 2013. – 512 с.

17. Русская педагогика в главнейших ее представителях. – Москва, 1898. – 419 с.

18. *Сидорова, А.Н.* Воспитание великих князей в семьях императоров Николая I и Александра II : (подготовка к государственной деятельности) : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Сидорова Анна Николаевна ; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. – Москва, 2016. – 311 с. – URL: <http://www.dslib.net/istoria-otechestva/vospitanie-velikih-knjazej-v-semjah-imperatorov-nikolaja-i-i-aleksandra-ii.html> (дата обращения: 06.03.2020).

UDC 37.013.2

THE EDUCATIONAL SYSTEM OF CATEHERINE II IN THE CONTEXT OF THE MODERN EDUCATIONAL PARADIGM

Petr N. Evtikhiev

PhD in Pedagogy, Associate Professor,
Head of the Church and Practical
Department

Tambov Theological Seminary

E-mail: petr.evtihiev@bkmail.ru

For citation: *Evtikhiev, P.N.* The educational system of Catherine II in the context of the modern educational paradigm // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. Tambov, 2020, no. 1 (10), pp. 129–143. (in Russian)

Abstract

The article is devoted to the analysis of «The pamphlets about education of the Great Princes Alexander and Constantine» written by Catherine II on the 13th of March, 1784.

Keywords: educational system of the Enlightenment; principles of Orthodox pedagogy; traditions of education in Royal families.

References

1. *Yevtushenko, M.* Vospitanie pravoslavnogo gosudarya v Dome Romanovykh [Education of the Orthodox sovereign in the House of Romanovs]. / M. Yevtushenko, St. Petersburg: Peter, 2015. 256 p. (Nikolai Starikov recommends reading). (in Russian)

2. *Andreev, A.Yu.* Vospitanie velikikh knyazei Aleksandra i Konstantina Pavlovichei glazami F.-S. Lagarpa [Education of the Grand Dukes Alexander and Konstantin Pavlovich through the eyes of F.-S. Lagarp]. / A.Yu. Andreev // Filaretovsky Almanac: researches and materials. 2013, no. 9, pp. 90–122. (in Russian). Available at: <https://istina.cemi-ras.ru/publications/article/7522931/> (Accessed: 22.01.2020).

3. *Gorfina, M.N.* Tsarskoe vospitanie v kontekste sovremennogo vospitatel'nogo prostranstva [Tsarist education in the context of modern educational space]. / M.N. Gorfina // Concept: scientific methodological electronic journal. 2015, vol. 13, pp. 4346–4350. (in Russian). Available at: <http://e-koncept.ru/2015/85870.htm> (Accessed: 25.01.2020).

4. *Balyazin, V.N.* Romanovy: semeinye tainy russkikh imperatorov [The Romanovs: family secrets of Russian emperors]. / V.N. Balyazin. Moscow: OLMA Media Group, 2008. 527 p. (in Russian)

5. *Ibneeva, G.V.* Obrazovatel'naya politika Ekateriny II v praktike imperatorskikh puteshestvii [Educational policy of Catherine II in the practice of imperial travel]. / G.V. Ibneeva // Tambov University review, series: Humanities. 2017, vol. 22, no. 2 (166). pp. 89–97. (in Russian)

6. *Istoriya otechestvennogo obrazovaniya. Gosudarstvennaya politika v oblasti obrazovaniya v Rossii X–XVIII vv. : uchebnoe posobie* [History of national education. State policy in the field of education in Russia in the 10th – 18th centuries : textbook]. / Compiled by A.V. Terentyev. St. Petersburg: GezaCom, 1995. 188 p. (in Russian)

7. *Klyuchevsky, V.O.* Istoricheskie portrety [Historical Portraits]. / V.O. Klyuchevsky. Moscow: Pravda, 1990. 622 p. (in Russian)

8. *Kobeko, D.* Ekaterina i Zhan Zhak Russo [Catherine and Jean-Jacques Rousseau]. // Istoricheskii Vestnik, 1883, no. 6. (in Russian). Available at: <http://www.vostlit.info/Texts/3/text.htm> (Accessed: 25.01.2020).

9. *Kosheleva, O.E.* «Svoe detstvo» v Drevnei Rusi i v Rossii epokhi Prosveshcheniya (XVI–XVIII vv.) : uchebnoe posobie po pedagogicheskoi antropologii i istorii detstva [«My childhood» in Ancient Russia and in Russia in the Age of the Enlightenment (16th – 18th centuries): textbook for pedagogical anthropology and childhood history]. Moscow: Publishing House of the University of the Russian Academy of Education, 2000. 320 p. (in Russian)

10. *Kurochkina, I.N.* Russkaya pedagogika : stranitsy stanovleniya (VIII–XVIII vv.) : uchebnoe posobie [Russian pedagogy: stages of formation (8th – 18th centuries): textbook / I.N. Kurochkina. Moscow: Flint, 2002. 112 p. (in Russian)

11. Nastavlenie imperatritsy Elizavety Petrovny o vospitanii Pavla Petrovicha [The instruction of the Empress Elizabeth Petrovna on the education of Pavel Petrovich]. // Russian archive: collection of historical and literary writings. Moscow, 1881, issue 1, p. 18. (in Russian). Available at: <https://www.liveinternet.ru/users/ertata/post257214563> (Accessed: 25.01.2020).

12. Nastavlenie o vospitanii velikikh knyazei Aleksandra i Konstantina : ukaz Imperatritsy Ekateriny II generalu-anshefu Nikolayu Ivanovichu Saltykovu, 13 marta 1784 g. [The instruction on the education of the Grand Dukes Alexander and Constantine: the decree of Empress Catherine II for the General-in-Chief Nikolai Ivanovich Saltykov, March 13, 1784]. // Collection of the Russian Historical Society: in 148 vols. St. Petersburg: Publishing house of the Imperial Academy of Sciences, 1872, vol. 10, pp. 310-330. (in Russian). Available at: <http://ekaterina-ii.niv.ru/ekaterina-ii/dokumenty/o-vospitanii-velikih-knyazej-aleksandra-i-konstantina.htm> (Accessed: 02.03.2020).

13. *Nemolodyshev, S.* Vzglyad na vospitanie i obuchenie v Rossii : kratkii istoricheskii ocherk [A look at education and training in Russia: brief historical review]. / S. Nemolodyshev. Kharkov: 1898. 186 p. (in Russian)

14. *Pavlenko, N.I.* Ekaterina Velikaya [Catherine the Great]. / N.I. Pavlenko. – Moscow: Young Guard, 2006. 548 p. (in Russian)

15. 50 sovetov i izrechenii svyatitelya Feofana [50 tips and sayings of St. Theophan]. // ORTHODOX.RU: portal. (in Russian). Available at: <https://pravoslavie.ru/76728.html> (Accessed: 27.02.2020).

16. Rossiiskie imperatritsy : moda i stil' : konets XVIII – nachalo XIX veka [Russian Empresses: fashion and style: late 18th – early 19th centuries: exhibition catalogue]. Moscow: Kuchkovo field, 2013. 512 p. (in Russian)

17. Russkaya pedagogika v glavneishikh ee predstavitelyakh [Russian pedagogy in its most important representatives]. Moscow, 1898. 419 p. (in Russian)

18. *Sidorova, A.N.* Vospitanie velikikh knyazei v sem'yakh imperatorov Nikolaya I i Aleksandra II: (podgotovka gosudarstvennoi deyatel'nosti [Education of Grand Dukes in the families of Emperors Nicholas I and Alexander II: (preparation for state activities)]. Candidate of Sciences (National History) Dissertation / Sidorova Anna Nikolaevna; Moscow State University named after M.V. Lomonosov. Moscow, 2016. 311 p. (in Russian). Available at: <http://www.dslib.net/istoria-otechestva/vospitanie-velikih-knjazej-v-semjah-imperatorov-nikolaja-i-i-aleksandra-ii.html> (Accessed: 06.03.2020).

УДК 93/94

УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ДУХОВНОГО МИРА РУССКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ЭМИГРАЦИИ 1920–1930-х ГОДОВ

Диакон Антон Артурович Дик
кандидат исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой теологии
ФГБОУ ВО «Тамбовский
государственный университет
им. Г. Р. Державина»
E-mail: dick_an@mail.ru

Для цитирования: Дик, А.А., *диак.* Условия формирования духовного мира русской студенческой молодежи в эмиграции 1920–1930-х годов // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. – Тамбов, 2020. – № 1 (10). – С. 144–154.

Аннотация

В статье сделана попытка выявления факторов, оказавших влияние на духовный мир и мировоззрения первых поколений русского христианского студенчества, оказавшегося в эмиграции. Автор рассматривает проблемы существования молодых эмигрантов в условиях церковных нестроений, борьбы с денационализацией. Особое внимание уделяется вопросам продолжения прерванного образования, а также особенностям формирования политических взглядов в инокультурной среде.

Ключевые слова: Русское студенческое христианское движение (РСХД); эмиграция; образование; культура.

Среди замечательных явлений отечественной истории и культуры особое место занимает русская эмиграция XX века. Уникальность русского зарубежья состоит в его служении вечным идеалам христианства, ознакомлении инородческой общественности с русской культурой, нравственными и духовными ценностями Православия. Высокое предназначение ощущалось некоторой частью

эмигрантов и выражено словами, приписываемыми писателю Дмитрию Мережковскому: «Мы не в изгнании – мы в послании» [2, с. 28–29]. В то время, когда в России в условиях гонения на Церковь закрывались духовные учебные заведения, физически уничтожалось духовенство, российские эмигранты развернули активную издательскую деятельность и богословские исследования. В изгнании оказались представители творческой интеллигенции, философы, богословы, такие как: протоиерей Георгий Флоровский, Владимир Лосский, Николай Бердяев, протоиерей Сергей Булгаков, Владимир Ильин и многие другие деятели, обеспечившие настоящий ренессанс русской религиозной культуры XX века.

На наш взгляд, чрезвычайный интерес представляет изучение мира эмигрантской молодежи, которая воспитывалась и получала образование уже в новых условиях и была свободна от некоторых стереотипов своих родителей. Представитель этого молодого поколения Владимир Варшавский назвал своих сверстников «незамеченным поколением». Они родились в самом начале XX века, некоторые из них успели получить в России школьное образование, старшие успели поступить в университеты, прошли в рядах Добровольческой армии через Гражданскую войну, сохранили воспоминания о России. Это поколение не смогло превзойти известностью своих «отцов», но из него вышло множество талантливых инженеров, врачей, писателей, богословов. Мировосприятие этого поколения формировалось в особых обстоятельствах: отчужденность старшего поколения, унижительное положение беженцев, смена привычного культурного окружения, идеологический кризис, бедность, неопределенность, мучительное осмысление прошлого и настоящего, все это создавало неповторимый облик молодого русского эмигранта в довоенной Европе. Мы постараемся исследовать условия формирования духовного мира и мировоззрения христианской молодежи на протяжении 1920–1930-х годов.

В оценке численности русских эмигрантов существуют разные точки зрения. Всего около двух десятков стран первоначально приняли русских беженцев. Их численность, со ссылкой на данные Лиги Наций, приводит З.С. Бочарова. Всего по состоянию на 1924 год было зарегистрировано 1 304 100 беженцев из России, бо-

лее половины из которых приняли Германия и Франция [3, с. 61]. Что касается количества учащейся молодежи, по данным Объединения русских эмигрантских студенческих организаций (ОРЭСО) за 1922 год, студентов и юношей, окончивших средние учебные заведения в России, оказалось более 14 тыс., а с учетом получивших среднее образование за границей – 16 тыс. Считается наиболее достоверным число детей беженцев 18–20 тыс. В зарубежной русской школе обучалось примерно 12 тыс., из которых 3 тыс. посещали школы национальных меньшинств в лимитрофных государствах, 68 тыс. детей получали образование в иностранных школах. Таким образом, численность молодого поколения составила примерно 40 тыс. [3, с. 250–251].

Правительства большинства принимающих стран брали на себя материальные затраты по частичному содержанию русских студентов, создавали благоприятные условия, предоставляли общежития. При некоторых российских посольствах были созданы Испытательные комиссии, принимавшие экзамены, дававшие возможность продолжить получение высшего образования вне России. Особенно благоприятные условия для национального высшего образования сложились в Чехии и Франции. В Праге были открыты русский университет, педагогический институт, юридический факультет. В Париже было основано семь русских высших учебных заведений [4, с. 176–188]. Обычно русские высшие учебные заведения были еще и культурными центрами.

По происхождению основная часть эмигрантов относилась к дворянскому сословию, некоторую часть составляла интеллигенция, православное духовенство. После разгрома белой армии среди эмигрантов оказались офицеры, казачество, низшие чины, кадеты и дезертиры. Вынужденными эмигрантами стали жители бывших российских протекторатов (Финляндии, Эстонии, Литвы, Латвии, Польши), получивших независимость.

За рубежом эмигранты утратили русское подданство, дворянские титулы и прежнее положение. Правовой статус беженца был получен русскими эмигрантами лишь после Женевской конференции 1928 года, а до этого они были вынуждены приспособливаться к законам страны пребывания, нарушение которых грозило депортацией в Советскую Россию [1, с. 14].

Мало кто из русских имел сбережения в европейских банках, уезжали спешно, не имея при себе не только денег, но и элементарных бытовых мелочей. Многие беженцы превратились в таксистов, наемных разнорабочих, сторожей. Быт зависел от трудоустройства. Для работы на машиностроительных заводах, шахтах, на химических предприятиях требовались рабочие визы. Как утверждал И. Лаговский в своей заметке: «В бесчеловечности, а вместе и в безбожности современных социально-экономических условий христианский брак, христианская семья часто, практически становится „роскошью“, которую могут позволить себе лишь немногие» [8, с. 10–11]. Лаговский рассказывает о том, что в эмиграции не редкость такие семьи, в которых отец и мать почти не встречаются. Муж работает ночью, жена днем, живут за городом и не в состоянии следить за своими детьми. Временное сожителство становилось в таких условиях социально более удобным, распад семей вскоре после брака был не редкостью [8, с. 11]. В таких условиях религия становилась неудобной, на нее не было времени, она становилась поверхностной и заключалась в формальном исповедании себя христианином. Лаговский рассказывает о своих встречах с подростками, которые не знали слова «молиться» и лишь слышали, что когда-то существовал Иисус Христос, хотя и считали себя христианами.

Религиозность была распространена, но Лаговский отмечает ее распространение «по церковному», только потому, что так принято, таковы традиции и требования «общественного приличия». Для многих из молодежи «церковное» было связано с длинными, пышными, не всегда понятными церемониями. Он отмечает, что часто встречал защитников «одинокой» молитвы без храма.

Политические идеи, сменяя друг друга, захватывали умы европейской молодежи. Коммунизм в рядах русской эмиграции вызывал отторжение и дружное неприятие, его сменили идеи фашизма и нацизма. Небольшая группа эмигрантской интеллигенции оторвалась от поддержки каких бы то ни было политических взглядов, сохраняя православную веру. В сознании этих людей закрепилась логическая цепочка: революция, гибель России, «реки крови» – все это результат забвения Бога. Русский православный храм был единственным местом, где изгнанник чувствовал себя дома. Здесь

все напоминало о родине, здесь была самая существенная ее часть. Этот возврат религиозности был тем более заметен на фоне всеобщей безрелигиозности, о которой говорили многие богословы и общественные деятели начала XX века. Русское студенческое христианское движение с момента своего создания определило себя как аполитичное. Но многим было слишком трудно отказаться от соблазна политики, поэтому решение насущных проблем виделось в более эффективном, земном применении собственной энергии и ума, в попытке совместить политические идеи и православное мировоззрение.

Русское православное сознание часто, особенно в эмигрантской среде, связывалось с сознанием национальным, так как велась борьба с денационализацией молодежи. В. Варшавский утверждает, что движение так и не смогло преодолеть предвзятой враждебности правой эмиграции, и со ссылкой на В. Соловьева обвиняет в отказе некоторой части движенцев от вселенской идеи и в подмене христианства «зоологическим патриотизмом» [5, с. 117]. Русский мессианизм получил широкое распространение среди евразийцев и других пореволюционных течений. Идеальный кризис нарастал, сыпались обвинения в связях РСХД с жидомасонами. В 1927 году из Движения ушло белградское Братство имени Серафима Саровского, требовавшее исключения из рядов движения Н. Бердяева за резкий отзыв о Карловацком Синоде. В 1934 году движение покинул Н. Федоров, занимавшийся в РСХД с детскими дружинами «Витязей». Основав новую организацию, куда перешло большинство мальчиков, Федоров назвал ее «национальной организацией витязей», как бы желая подчеркнуть ее направленность.

Неоднородность политических и религиозных взглядов, разные отношения к происходящему в России вскоре привели к разногласиям среди духовенства и мирян, а затем к расколам. Не останавливаясь подробно на сути разногласий, мы сосредоточим внимание на части эмигрантского общества, поддерживавшую митрополита Евлогия (Георгиевского), так называемых «евлогийан». По словам З.С. Бочаровой: «Дух евлогийанской церкви привлекал беженцев своей терпимостью, большей степенью мягкости и свободы, отделения от государственности, был «ближе к вселенскому образу Православия» [3, с. 172]. Б. Зайцев – русский писатель и

переводчик, одна из последних крупных фигур Серебряного века, писал: «Бездомные и рассеянные более привлекаются внутренней стороной церкви, духовным миром, чем уклонами политическими» [6, с. 114]. Политические пристрастия и стремление любой ценой вернуть себе прежнюю Россию привели в итоге многих представителей «карловацкого» направления к сотрудничеству с нацистами.

Говоря о разделениях между «карловчанами», «евлогианами» и «патриархистами», И. Лаговский писал: «Часто отец и мать принадлежат к одному церковному течению, взрослые дети к другому. Молодежь невольно втягивается в острые и страстные церковные споры между членами семьи, отравляется ими. Недавняя злоупотребления „отлучениями“, взаимные неосмотрительные обвинения в „безблагодатности“, заявление по адресу принадлежащих к другому церковному течению, <...> приводят к тому, что смущение, вносимое в душу молодежи церковными расхождениями, завершается общим скептическим отношением ко всем религиозным вопросам, и даже религиозными сомнениями» [8, с. 117]. Церковные нестроения действовали как антицерковная пропаганда, толкающая молодежь в сторону своеобразной беспоповщины.

Возможность воцерковления напрямую зависит от доступности храмов. Существовавшие до 1920-х годов в странах Европы православные храмы были неспособны вместить внезапно возросшее число прихожан. Строительство новых приходов затруднялось бедностью эмигрантских общин. Создание нового духовного и образовательного центра было напрямую связано с деятельностью митрополита Евлогия и РСХД в Париже. Таким образом, Париж стал не только духовно-просветительским центром русской эмиграции, но и центром русского христианского студенчества. Работы по устройству Свято-Сергиевского подворья были начаты в 1924 году, а уже в 1925 году в храме подворья начали совершаться церковные службы, а в Свято-Сергиевском богословском институте начали обучение первые студенты. В стенах института трудились отец Сергей Булгаков, историк церкви А.В. Карташев, С.С. Безобразов, Г.В. Флоровский, архимандрит Киприан (Керн) и другие известные религиозные деятели, оказавшиеся в эмиграции. Благодаря такой

концентрации интеллектуальных ресурсов институт быстро завоевал репутацию ведущего духовного образовательного центра русской эмиграции. Деятельность института способствовала знакомству западных христиан с традицией Православной Церкви, отсутствие внешнего ограничивающего контроля стало толчком к развитию богословия. На территории подворья начала работу библиотека.

Русская диаспора была способна удовлетворить свои духовные и познавательные потребности во множестве библиотек, сеть которых функционировала в европейских странах с начала XX века. Ведущим историко-культурным центром для русской диаспоры была Тургеневская библиотека в Париже, она просуществовала с 1875 года до оккупации Парижа фашистами. Ее собрание к 1940 году состояло из более чем 100 тыс. книг. Библиотека устраивала концерты для детей и взрослых, спектакли, литературные чтения и др. Крупные библиотеки существовали при русских университетах, институтах и факультетах [9, с. 181–182].

Страны с наибольшим числом русских эмигрантов – Германия и Франция – обладали высокой, но чуждой русским культурой, поэтому денационализация русской эмиграции здесь проявлялась наиболее ярко. Для борьбы с денационализацией создавались русские школы, работали студенческие, юношеские объединения, общественно-политические организации, отмечали русские праздники [7, с. 16]. Интересна традиция праздников и юбилейных дат, с помощью которых эмигранты пытались сплотить разрозненные части «русского мира». Церковные и светские праздники являлись поводом для общения, скрашивая суровые будни людей на чужбине. Праздником, объединяющим всех эмигрантов, стал День русской культуры. В связи с большой долей студенчества в русской диаспоре особенное распространение получило празднование Дня русского студенчества – дня памяти мученицы Татианы (25 января). Среди памятных дат были юбилеи рождения или смерти русских литературных классиков. Интересно, что в дореволюционной России не было официальных общегосударственных светских праздников, за исключением памятных дат, связанных с правящим домом.

Многообразные обстоятельства и условия формировали неповторимый облик первых поколений русского христианского

студенчества; они оказали влияние на духовный мир и мировоззрение молодых эмигрантов. Жизнь эмигрантской молодежи проходила в двух культурных средах. Любовь к родине и одновременно признательность странам, ставшим новым домом для русской общины, благодарность за гостеприимство сделали эмигрантскую молодежь космополитами и патриотами одновременно, мыслящими в категориях мирового христианства. Совместное перенесение трудностей укрепило в следовании христианским идеалам в любых условиях, сделало христианство внутренним критерием, компасом, указывающим направление жизненного пути. Церковные нестроения, внутренние разногласия в Движении, заставили находить осмысленный ответ на временные трудности, руководствуясь Евангелием и соборным чувством следования за Христом в братстве и любви. Высокий уровень образования давал возможность защитить Православие в инокультурной среде, быть неутомимыми миссионерами, способствующими распространению Православия в Европе, на американском континенте, в Африке и других уголках планеты. Представители именно этого поколения внесли основной вклад в борьбу с нацистами в рядах французского сопротивления, налаживали работу движения в послевоенное время. Этому способствовали смелость и сила духа, ставшие личностным фундаментом эмигрантов первой волны.

Список литературы

1. *Бахарева, О.Я.* Социальное положение, быт и культура русской эмиграции первой волны (1917–1923 гг.) / О.Я. Бахарева // Человек в мире культуры. – 2017. – № 2/3. – С. 13–17.
2. *Бахрах, А.* По памяти, по записям : лит. портреты / А. Бахрах. – Париж : La Presse Libre, 1980. – 204 с.
3. *Бочарова, З.С.* Российское зарубежье 1920–1930-х гг. как феномен отечественной истории : учеб. пособие / З.С. Бочарова. – Москва : АИРО-XXI, 2011. – 304 с.
4. *Буланова, М.Б.* Высшее образование в условиях российского зарубежья / М.Б. Буланова // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. – 2011. – № 3. – С. 176–188.

5. *Варшавский, В.С.* Незамеченное поколение / В.С. Варшавский. – Москва : Дом рус. зарубежья им. Александра Солженицына : Русский путь, 2010. – 544 с.

6. *Зайцев, Б.* Дни / сост. и подгот. текста и примеч. А.К. Клементьева ; предисл. О. Ростовской. – Москва : Русский путь ; Париж : YMCA-Press, 1995. – 480 с.

7. *Климович, Л.В.* Формы сохранения культурной идентичности молодым поколением российских эмигрантов в 1920–1930-е гг. / Л.В. Климович, Л.Ю. Лукичева // История : факты и символы. – Елец, 2016. – № 4. – С. 14–20.

8. *Лаговский, И.* Русская молодежь здесь и там / И. Лаговский // Вестн. РСХД. – 1934. – № 5–6. – С. 9–16.

9. *Муромцева, Л.П.* Роль библиотек в сохранении историко-культурного наследия российской эмиграции / Л.П. Муромцева // Румянцевские чтения – 2018 : [в 3 ч.]. – Москва : Пашков дом, 2018. – Ч. 2. – С. 181–187.

UDC 93/94

CONDITIONS FOR THE FORMATION OF THE SPIRITUAL WORLD OF RUSSIAN STUDENT YOUTH IN EMIGRATION IN THE 1920^S–1930^S

Antony A. Dik, Deacon

PhD in History, Associate Professor,
Head of the Theological Department
Derzhavin Tambov State University
E-mail: dick_an@mail.ru

For citation: *Dik, A.A., deacon.* Conditions for the formation of the spiritual world of Russian student youth in emigration in the 1920s – 1930s // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. Tambov, 2020, no. 1 (10), pp. 144–154. (in Russian)

Abstract

The article attempts to identify factors that influenced the formation of the spiritual world, mentality and worldview of the first generations

of Russian Christian students who found themselves in exile. The article discusses the problems of education, the fight against denationalization, political worldviews, the difficulties of forced emigration and the existence of church disorder.

Keywords: Russian Student Christian Movement; student Christian movement; emigration; education; culture.

References

1. *Bahareva, O.Ya.* Sotsial'noe polozhenie, byt i kul'tura russkoi emigratsii pervoi volny (1917–1923 gg.) [The social situation, life and culture of the Russian emigration of the first wave (1917–1923)]. / O.Ya. Bahareva // *Man in the world of culture*. 2017. no. 2/3. pp. 13–17. (in Russian)

2. *Bakhrakh, A.* Po pamyati, po zapisyam : literaturnye portrety [From memory, according to records: literary portraits]. / A. Bakhrakh. Paris: La Presse Libre, 1980. 204 p. (in Russian)

3. *Bocharova, Z.S.* Rossiiskoe zarubezhie 1920–1930-kh gg. Kak fenomen otechestvennoi istorii : uchebnoe posobie [Russians abroad in the 1920s-1930s as a phenomenon of domestic history: textbook]. / Z.S. Bocharova. Moscow: AIRO-XXI, 2011. 304 p. (in Russian)

4. *Bulanova, M.B.* Vysshee obrazovanie v usloviyakh rossiiskogo zarubezhiya [Higher education in the conditions of the Russians abroad]. / M.B. Bulanova // *Bulletin of the Russian State Humanitarian University. Series: Philosophy. Sociology. Art criticism*. 2011, no. 3, pp. 176–188. (in Russian)

5. *Varshavsky, V.S.* Nezamechennoe pokolenie [Unnoticed generation]. / V.S. Varshavsky. Moscow: House of the Russians Abroad named after Alexandr Solzhenitsyn: *The Russian Way*, 2010. 544 p. (in Russian)

6. *Zaitsev, B.* Dni [Days]. / Compilation and preparation of texts and notes by A.K. Klementyev; foreword by O. Rostov. Moscow: *Russian way*; Paris: YMCA-Press, 1995. 480 p. (in Russian)

7. *Klimovich, L.V.* Formy sokhraneniya kul'turnoi identichnosti molodym pokoleniem rossiiskikh emigrantov v 1920–1930-e gg. [Forms of preserving cultural identity by the young generation of Russian emigrants in the 1920^s–1930^s]. / L.V. Klimovich, L.Yu.

Lukicheva // History: facts and symbols. Yelets, 2016, no. 4, pp. 14–20. (in Russian)

8. *Lagovsky, I.* Russkaya molodezh zdes' i tam [Russian youth here and there]. / I. Lagovsky // Bulletin of the Russian Student Christian Movement. 1934, nos. 5–6, pp. 9–16. (in Russian)

9. *Muromtseva, L.P.* Rol' bibliotek v sokhranении istoriko-kul'turnogo naslediya rossiiskoi emigratsii [The role of libraries in preserving the historical and cultural heritage of Russian emigration]. / L.P. Muromtseva // Rumyantsev Readings – 2018: [in 3 parts]. Moscow: Pashkov House, 2018, part 2, pp. 181–187. (in Russian)

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 2–4; 908

**ПУБЛИКАЦИИ ТРУДОВ СЯТИТЕЛЯ
ФЕОФАНА ЗАТВОРНИКА
В «ТАМБОВСКИХ ЕПАРХИАЛЬНЫХ
ВЕДОМОСТЯХ»**

**Митрополит Тамбовский
и Рассказовский ФЕОДОСИЙ
(Васнев Сергей Иванович)**

доктор теологии, кандидат богословия,
ректор Тамбовской духовной
семинарии

E-mail: admin@eparhia-tmb.ru

Для цитирования: *Феодосий (Васнев), митр.* Публикации трудов святителя Феофана Затворника в «Тамбовских епархиальных ведомостях» // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. – Тамбов, 2020. – № 1 (10). – С. 156–172.

Аннотация

Статья посвящена изучению письменных трудов святителя Феофана Затворника Вышенского. В «Тамбовских епархиальных ведомостях» он публиковал свои проповеди, беседы, полемические и экзегетические труды, переводы творений святых отцов. Проанализировав выпуски журнала с момента его основания в 1861 году до конца XIX века, автор приходит к выводу о том, что на протяжении почти двух десятилетий «Тамбовские епархиальные ведомости» являлись тем журналом, где святитель впервые печатал многие свои произведения.

Ключевые слова: труды святителя Феофана Затворника Вышенского; епископ Тамбовский и Шацкий Феофан (Говоров); Тамбовская епархия; Тамбовские епархиальные ведомости.

В 1861 году святитель Феофан Затворник положил начало изданию «Тамбовских епархиальных ведомостей», в которых печатались справочно-информационные материалы, проповеди и поучения, статьи духовно-нравственного содержания, богословские и церковно-исторические труды.

Первая публикация святителя, которая называлась «Письма о христианской жизни», появилась на страницах журнала в № 2 за 1861 год. Эта работа содержит наставления о духовной жизни, о том, как следует проводить ее, чтобы наследовать райские вечные обители. Преосвященный Феофан писал, что «христианская жизнь есть ревность и сила пребывать в общении с Богом деятельным, по вере в Господа нашего Иисуса Христа, при помощи благодати Божией, исполнением святой воли Его, во славу пресвятого имени Его. Существо жизни христианской состоит в Богообщении о Христе Иисусе нашем» [7; 1861, № 11, с. 241]. В письме, опубликованном в начале 1862 года, он объясняет, как зажечь в себе огонь ревности о Боге, как начать деятельную жизнь во Христе: «Такая ревность производится воздействием благодати, однако же и не без участия нашей свободы. Жизнь христианская – не есть жизнь естественная. В нас жизнь Божественная пробуждается, когда проникает в сердце Дух Божий, и полагает там начало жизни по духу, очищает и собирает воедино омраченные и разбитые черты образа Божия. Пробуждается желание и свободное искание (действием извне), потом нисходит благодать (через Таинства) и, сочетавшись с свободой, рождает мощную ревность» [7; 1862, № 3, с. 117]. Вышенский Затворник высказывает мысль, что духовная жизнь возникает в момент таинства Крещения, после которого ответственность за воспитание человека несут родители и воспитатели. Цель христианского воспитания состоит в том, чтобы «сей новый человек, пришедши в сознание, сознал себя не человеком только, существом разумносвободным, но вместе лицом, вступившим в обязательство с Господом, с Которым соединена неразрывно его вечная участь» [7; 1862, № 5, с. 196–197].

В «Письмах...» святитель дает советы не только о пище духовной, но и телесной, советует родителям, как следует кормить своих детей, что надо «избрать здоровую и годную пищу, судя по возрасту воспитываемого; подчинить употребление ее известным правилам, в коих бы определялось время, количество и способ питания, потом от установленного таким образом порядка не отступать» [7; 1862, № 7, с. 272]. В одном из писем он поучает, как правильно воспитывать в подрастающем ребенке добрые качества. Родители и воспитатели обязаны ограждать ребенка «священными предметами всех видов, – пишет он, – все же могущее раз-

вратить в примерах, изображениях, вещах, удаляют» [7; 1862, № 10, с. 369]. Следующее письмо посвящено объяснению, как надо воздействовать на ум подрастающего человека. Преосвященный советует быть с ребенком откровенным: «Пусть же родители, когда говорят, называют вещи всегда собственными их именами. Например, что значит настоящая жизнь, – чем она кончится, – от кого все получается, что суть удовольствия, – какого достоинства те или другие обычаи и прочее» [7; 1862, № 11, с. 408]. Затворник рассуждает о необходимости воспитания сердца, воли и ума ребенка. Правильное возрастание христианина должно привести к тому, что «мало по малу будет разоблачаться пред ним характер, какой должна иметь его жизнь, больше и больше он будет привыкать к мысли о том, что на нем лежит обязанность от лица Бога и Спасителя нашего – жить и действовать по Его предписаниям» [7; 1862, № 11, с. 411]. В последнем письме, напечатанном в № 11 ведомостей за 1863 год, говорится о самом сложном, юношеском, этапе христианского воспитания человека.

В епархиальном журнале святитель публиковал и свои проповеди, произнесенные в храмах и обителях Тамбовской епархии. В последующие годы он издал их в двух книгах под названием «Слова к Тамбовской пастве».

В 1867 году святитель Феофан Затворник наиболее плодотворно сотрудничал с «Тамбовскими епархиальными ведомостями». Уже находясь на покое в Вышенской Успенской пустыни на тамбовской земле, он опубликовал в № 4 труд под названием «О совершенном обращении к Богу от прелестей мира и греха». Формой изложения этого сочинения Затворник избрал беседы, основная тема которых созвучна с «Письмами о христианской жизни». В первой беседе епископ повествует о Крещении и его значении для духовной жизни христианина. «Сила Крещения, – пишет он, – состоит не в одном благодатном обновлении естественных сил духа, но и в нравственном изменении характера, или в том и другом вместе. По Божьему устройению сначала происходят в духе человека нравственные изменения» [5; № 4, с. 90]. Во второй беседе он объясняет, что взрослые люди после Крещения обязаны развивать в себе «ревность о Боге», то есть жить по заповедям Божиим, а о крещеных младенцах должны заботиться восприемники и родители. Темой третьей беседы является притча о богатом юноше, которому

Христос сказал, чтобы он продал свое имение и раздал нищим, и тогда получит сокровище на небесах. Разъясняя притчу, святитель учит, что спасение достигается через следование за Христом и отказ от своих греховных пристрастий. В следующей беседе говорится про слепца, который, узнав, что рядом находится Иисус Христос, возопил к Нему об исцелении и получил просимое. Пресвященный архипастырь пишет: «И вот нам, братия, образ нашего спасения, образ того, как душа избавляется от духовной слепоты, от мрака греховного и от всех уз миролюбия и страстолюбия, связующих ее. Душа ищет и вопиет, но пока не придет Господь к ней на помощь, не отверзнутся очи ее и не спадут узы ее» [5; № 7, с. 177]. В последующих беседах он развивает тему об обращении к Богу, используя в качестве основы для своих размышлений определенную цитату из Евангелия. Всего было напечатано в епархиальных ведомостях десять бесед, представлявших собой единое по замыслу сочинение, впоследствии изданное отдельной брошюрой.

В 1867 году, начиная с № 12, печатались беседы святителя Феофана под названием «Некоторые предостережения православным христианам», которые имели обличительный характер. Об этом автор пишет: «Наперед прошу, не прогневайтесь. Хочу укорять вас» [3; № 12, с. 480]. В первом слове Затворник подвергает критике традицию празднования Нового года: «Вспомните, как многие из вас встречали новый год, и теперь хладнокровно рассудите, похоже это на что-либо христианское? До полночи повеселиться, или проговорить о всяких пустяках, а в самую полночь, на рубеже старого и нового года, взять бокалы и вертеться! Что это такое?» [3; № 12, с. 480]. Вместо такого праздного времяпрепровождения святитель предлагает всем «воздеть руки к небу и поблагодарить Господа за прошедшие милости и умолить его продлить Свое благоволение и на будущее» [3; № 12, с. 480]. В этой же беседе он обличает тех, кто обращается к так называемым ясновидящим, желая узнать свое будущее, прямо называя это общением со злыми духами. В следующей беседе святитель объясняет, что нельзя придерживаться некоторых обычаев, в том числе и празднования Нового года, лишь потому, что они установились в обществе, и лучше похристиански уклоняться от них [3; № 13, с. 2–6].

Имеется у Вышенского Затворника и беседа о шуме и разговорах, иногда производимых молящимися во время богослужений.

Основной причиной этого, по мысли Преосвященного, является неблагоприятное отношение к святине и храму Божию. Пришедшим на молитву владыка дает такое наставление: «Все помышления устрани, упраздни ум и сосредоточь внимание в себе. Затем надобно прогнать всякую заботу житейскую и сердце свое отвлечь от всякого пленения и пристрастия, – сделать, чтоб оно ничем не было в эту пору связано и ни к чему не привязано» [3; № 15, с. 132].

Одно из слов святителя касается появившихся в обществе мнений о том, что верить в Бога человек может как хочет, а не как учит Святая Церковь. Преосвященный пишет: «Вера не есть только образ познания Бога и тварей Его; но она совмещает и все спасительные учреждения, Богом данные» [3; № 16, с. 166], то есть христианин не может достичь Царства Небесного вне Святой Православной Церкви, основанной Самим Христом, где верующий человек получает от Бога спасительную благодать Святого Духа.

День памяти святителя Николая Чудотворца, в который отмечалось тезоименитство наследника Российского престола великого князя Николая Александровича¹, стал для Затворника поводом написать слово о значении царской власти для русского народа: «Престол царственный будет у нас в век века, если мы сами из себя составим для него человечески прочную, но достойную особенного Божия покровительства основу. В пояснение сего укажу вам на скорбную некоторых народов участь, которая гласным судом Божиим определена в наказание за нрав их худой и дела их недобрые» [3; № 13, с. 184]. В качестве примера он привел участь некогда великого Вавилона, который за гордыню был разрушен и перестал существовать как великое царство.

Нередко святителя критиковали за его чрезмерно строгие наставления и призывали проявлять снисхождение и соответствовать духу времени. В седьмом слове он твердо отвечает оппонентам, что «христианство должно пребывать вечно неизменно, нисколько не состоя под зависимостью и управлением духа века; а напротив, само, будучи назначено управлять им и властвовать над ним во всех покоряющихся его водительство» [3; № 18, с. 216].

В № 19 «Тамбовские епархиальные ведомости» начали публиковать знаменитый полемический труд Вышенского Затворника

¹ Старший сын императора Александра II, умер в 1865 году.

«Душа и ангел – не тело, а дух», который печатался в течение 1867 и 1868 годов [1].

В 1870-х годах на страницах Ведомостей появляются некоторые толкования на послания апостола Павла и переводы святых аскетов на русский язык, которые епископ Феофан готовил для издания «Добротолубия». Его письма разным лицам свидетельствуют о напряженной работе во время затвора в Выше. Так, 22 декабря 1874 года по поводу толкований Священного Писания он писал Николаю Васильевичу Елагину: «План мой велик. Весь Новый Завет протолковать. А потом Псалтирь, а далее притчи и умирать» [8, с. 50]. По поводу «Добротолубия» 24 февраля 1875 года Затворник писал афонскому иеромонаху Арсению: «Я чай вам писал, сколько листов заготовлено для первого тома. Кроме той брошюрки, что Антония Великого содержит, есть еще рукописи – 170 листов – письма о. Тихона. В книжку Антония Великого пошло их – 50 или 60. Считайте посему сколько выйдет листов печатных. Отцы приготовлены вот какие: Антоний Великий, Макарий Египетский, Марк подвижник, Исаия отшельник и Евагрий. Все что приготовлено и должно войти в один том. Антоний Великий с ближайшими преемниками своими. – Вторую часть составляют – Пахомий Великий – с другими общежительниками. Тут будут все уставы – Пахомия, Василия Великого, Кассиана, святого Венедикта, – и некоторые мелкие уставцы... сохранившиеся в сборниках. Но этим не кончится Добротолубие, а пойдет далее... В каком порядке дело там пойдет, не знаю еще... – Нил преподобный, Лествичник, Варсонофий и Иоанн, Дорофей, Ефрем Сирианин, Исаак Сирианин. Из всех их будет сделана выборка, – в какой-нибудь системе, думаю – о борьбе со страстями, – или как придется. Это займет тома два, – если не более. Но и еще надо – Филофея, Феодора Едесского, Иоанна Коринфского, Диадоча, Максима исповедника, – и подобных. Еще том» [9].

В 1869 году в «Тамбовских епархиальных ведомостях» публиковались «Пояснительные и поучительные заметки на 33-й псалом». Неслучайно, что свою экзегетическую деятельность на страницах ведомостей святитель Феофан начал именно с наиболее употребляемых в церковной практике псалмов. Преосвященный во вступлении к толкованию 33-го псалма писал: «Предлагаемые заметки вызваны желанием не столько дать ученое толкование

псалма, сколько представить опыт, как обращаться в созидание духовное столь употребительные в церкви Давидские песни, извлекая из них уроки для упорядочения своих мыслей и доброго настроения сердца и всей жизни. Избран же для сего 33-й псалом ради того, что он не последний в числе часто слышимых в церкви. Одно же обстоятельство дает ему преимущество перед другими, именно то, что он читается всегда пред окончанием Литургии» [10; № 1, с. 1]. Святитель Феофан разбирает псалом по определенному плану, где рассматривается история происхождения псалма, его содержание и затем – толкование по девятистишиям. Данный труд святителя «Тамбовские епархиальные ведомости» печатали в 12 номерах [10].

В 1871 году в № 9 и № 10 журнал опубликовал толкование 3-го и 37-го псалмов Шестопсалмия. Епископ Феофан высказывает интересную мысль: «Толкование не должно становиться оковами собственному размышлению. Оно только определяет смысл стихов; но что на основании его всякий может надумать в свое назидание, в это оно не входит и входить не может. И один стих иному может подать повод породить столько мыслей, что их станет на целый том» [16, № 9, с. 490]. Сложно сказать, был ли у святителя Феофана план истолковать все шесть псалмов, но данная ремарка свидетельствует о том, что он побуждал молящихся самим вдумываться в смысл стихов Псалтири.

В 1872–1873 годах Ведомости опубликовали «Толкование первого послания апостола Павла к Солунянам» [13], а в 1875 году – «Толкование послания апостола Павла к Филиппийцам» [14]. Во введении к толкованию послания к Солунянам святитель очень подробно пишет о городе Солуни и его жителях, обстоятельствах написания послания, его целях, где именно оно писалось и почему не вызывает сомнения его подлинность. После этого он по стихам разбирает послание и делает комментарии и разъяснения. По подобному же плану строится и толкование послания к Филиппийцам.

Еще одна интересная работа, связанная со Священным Писанием, была опубликована в ведомостях в 1871 году. Она называлась «Указания, по которым всякий сам для себя может составить из четырех Евангелий одну последовательную историю Евангельскую». Это своеобразное пособие для лучшего усвоения евангельской истории. В предисловии к сочинению святитель писал:

«Наглядный конспект содержания каждого Евангелия, в параллельных столбцах, подобный предлагаемому. Гораздо лучше, если возжелавший приступит к сему труду, сам для себя свой составит конспект, заботясь только так его начертать, чтобы можно было охватить его одним взором. Кому не охота это делать, пусть посмотрит предлагаемый, раз и два, с Евангелием в руках» [15, с. 278]. Как и в случае с толкованиями псалмов, епископ предлагает каждому вникать в суть Евангелия и составить конспект евангельской истории, что поможет запомнить все факты жизни Христа.

В Вышенской пустыни Затворник получил хорошую возможность заняться переводами. Первые результаты этой работы появились на страницах епархиального журнала. В 1873–1874 годах публикуется «Несколько слов о жизни и писаниях святого Антония» [4]. Во всех подобных работах святитель не ограничивался исключительно переводом творений аскетов, но снабжал их сведениями о святых. Они краткие, но исчерпывающие; за ними следуют переводы наставлений святых.

Следующим переводом, напечатанным в епархиальном журнале, являются краткие сведения о жизни и творениях святого Иоанна Кассиана. Затворник поясняет: «Аскетическое творение святого Кассиана предлагается здесь в переводе, все сполна. Мы делим его на три части: в первой изображается общежительный устав в 4 книгах; во второй – борьба с осмью главнейшими страстями, в 8 книгах; в третьей – законы духовной жизни, в 24 собеседованиях» [2, с. 384]. Из всего задуманного святителем был опубликован в журнале только иноческий устав святого Иоанна Кассиана. Начиная с № 19, ведомости печатают назидательные слова святого Максима Исповедника [11]. Позже все опубликованные переводы вошли в «Добротолубие» на русском языке.

Последней прижизненной работой Преосвященного, напечатанной в «Тамбовских епархиальных ведомостях», стали «Святоотеческие наставления о трезвении и молитве» [12], представляющие собой выдержки из творений святых отцов.

В 1880-х годах новые труды святителя Феофана Затворника на страницах «Тамбовских епархиальных ведомостей» не появлялись.

После смерти святителя, последовавшей в 1894 году, на страницах «Тамбовских епархиальных ведомостей» с 1894 по 1899 год

печатались его письма, которые готовил к публикации игумен Тихон (Ципляковский), насельник Вышенской пустыни и собеседник святителя [6]. По всей видимости, письма были найдены в келье святителя после его кончины.

Из сказанного очевидно, что «Тамбовские епархиальные ведомости», основанные святителем Феофаном, на протяжении почти двух десятилетий являлись тем журналом, где он впервые печатал многие свои сочинения.

Список литературы

1. Душа и ангел – не тело, а дух // ТЕВ. – 1867. – № 19, прибавление. – С. 239–268 ; № 20, прибавление. – С. 263–299 ; № 21, прибавление. – С. 307–328 ; № 22, прибавление. – С. 351–363 ; № 23, прибавление. – С. 378–404 ; 1868. – № 1, прибавление. – С. 13–38 ; № 2, прибавление. – С. 51–70 ; № 3, прибавление. – С. 73–88 ; № 4, прибавление. – С. 109–116.

2. Краткое сведение о жизни св. Иоанна Кассиана / преосвященнейший епископ Феофан // ТЕВ. – 1874. – № 10, неофиц. ч. – С. 382–384.

3. Некоторые предостережения православным христианам / преосвященный Феофан // ТЕВ. – 1867. – № 12, прибавление. – С. 479–485 ; № 13, прибавление. – С. 1–6 ; № 15, прибавление. – С. 129–136 ; № 16, прибавление. – С. 158–166 ; № 17, прибавление. – С. 183–192 ; № 18, прибавление. – С. 215–223.

4. Несколько слов о жизни и писаниях св. Антония / преосвященнейший епископ Феофан // ТЕВ. – 1873. – № 18, неофиц. ч. – С. 537–548 ; № 19, неофиц. ч. – С. 572–580 ; № 21, неофиц. ч. – С. 617–633 ; № 23, неофиц. ч. – С. 689–696 ; № 24, неофиц. ч. – С. 725–741 ; 1874. – № 1, неофиц. ч. – С. 1–8 ; № 2, неофиц. ч. – С. 42–48 ; № 3, неофиц. ч. – С. 83–102 ; № 4, неофиц. ч. – С. 145–153 ; № 5, неофиц. ч. – С. 169–192.

5. О совершенном обращении к Богу от прелестей мира и греха / преосвященный Феофан // ТЕВ. – 1867. – № 4, прибавление. – С. 85–92 ; № 7, прибавление. – С. 177–188.

6. Письма в Бозе почившего епископа Феофана Затворника Вышенской пустыни // ТЕВ. – 1894. – № 34, неофиц. ч. – С. 627–632 ; № 35, неофиц. ч. – С. 658–663 ; № 36, неофиц. ч. – С. 680–683 ;

№ 37, неофиц. ч. – С. 699–704 ; № 38, неофиц. ч. – С. 725–729 ;
№ 39, неофиц. ч. – С. 755–759 ; № 40, неофиц. ч. – С. 795–800 ;
№ 41, неофиц. ч. – С. 820–823 ; № 42, неофиц. ч. – С. 855–858 ;
№ 44, неофиц. ч. – С. 905–909 ; № 45, неофиц. ч. – С. 934–938 ;
№ 47, неофиц. ч. – С. 987–990 ; № 49, неофиц. ч. – С. 1053–1056 ;
1895. – № 1, неофиц. ч. – С. 13–16 ; № 2, неофиц. ч. – С. 34–37 ;
№ 3, неофиц. ч. – С. 49–54 ; № 4, неофиц. ч. – С. 71–75 ; № 5, неофиц. ч. – С. 101–104 ; № 6, неофиц. ч. – С. 133–143 ; № 7, неофиц. ч. – С. 170–175 ; № 8, неофиц. ч. – С. 206–211 ; № 9, неофиц. ч. – С. 245–249 ; № 10, неофиц. ч. – С. 272–279 ; № 11, неофиц. ч. – С. 310–315 ; № 12/13, неофиц. ч. – С. 365–372 ; № 14/15, неофиц. ч. – С. 400–406 ; № 16, неофиц. ч. – С. 437–440 ; № 17, неофиц. ч. – С. 462–465 ; № 18, неофиц. ч. – С. 486–491 ; № 19, неофиц. ч. – С. 504–510 ; № 20, неофиц. ч. – С. 535–540 ; № 21, неофиц. ч. – С. 560–563 ; № 22, неофиц. ч. – С. 586–591 ; № 23, неофиц. ч. – С. 603–605 ; № 24, неофиц. ч. – С. 633–640 ; № 25, неофиц. ч. – С. 658–670 ; № 26, неофиц. ч. – С. 683–689 ; № 27, неофиц. ч. – С. 704–708 ; № 28, неофиц. ч. – С. 726–728 ; № 29, неофиц. ч. – С. 728–733 ; № 30, неофиц. ч. – С. 750–755 ; № 31, неофиц. ч. – С. 772–780 ; № 32, неофиц. ч. – С. 802–809 ; № 33, неофиц. ч. – С. 826–830 ; № 34, неофиц. ч. – С. 849–853 ; № 36, неофиц. ч. – С. 914 ; № 37, неофиц. ч. – С. 943–947 ; № 38, неофиц. ч. – С. 969–974 ;
№ 40, неофиц. ч. – С. 1022–1026 ; № 41, неофиц. ч. – С. 1051–1056 ;
№ 43, неофиц. ч. – С. 1104–1107 ; № 44, неофиц. ч. – С. 1131–1134 ;
№ 46, неофиц. ч. – С. 1172–1176 ; № 48, неофиц. ч. – С. 1229–1234 ;
1896. – № 1, неофиц. ч. – С. 8–14 ; № 4, неофиц. ч. – С. 61–64 ; № 6, неофиц. ч. – С. 133–143 ; № 8, неофиц. ч. – С. 173–179 ; № 11/12, неофиц. ч. – С. 259–263 ; № 13/14, неофиц. ч. – С. 311–317 ; № 15, неофиц. ч. – С. 340–343 ; № 17, неофиц. ч. – С. 393–397 ; № 18, неофиц. ч. – С. 423–428 ; № 22, неофиц. ч. – С. 525–530 ; № 23, неофиц. ч. – С. 558–562 ; № 31, неофиц. ч. – С. 768–771 ; № 35, неофиц. ч. – С. 848–854 ; № 38, неофиц. ч. – С. 932–937 ; № 40, неофиц. ч. – С. 992–997 ; № 42, неофиц. ч. – С. 1041–1044 ; № 43, неофиц. ч. – С. 1065–1073 ; № 48, неофиц. ч. – С. 1235–1241 ; № 49, неофиц. ч. – С. 1268–1273 ; 1897. – № 5, неофиц. ч. – С. 98–101 ; № 6, неофиц. ч. – С. 113–117 ; № 7, неофиц. ч. – С. 137–140 ; № 8, неофиц. ч. – С. 168–172 ; № 11, неофиц. ч. – С. 257–265 ; № 16/17, неофиц. ч. – С. 387–390 ; 1899. – № 15/16, неофиц. ч. – С. 390–396.

7. Письма о христианской жизни // ТЕВ. – 1861. – № 11, прибавление. – С. 240–245 ; 1862. – № 3, прибавление. – С. 117–121 ; № 5, прибавление. – С. 195–201 ; № 7, прибавление. – С. 270–275 ; № 10, прибавление. – С. 368–371 ; № 11, прибавление. – С. 407–412.

8. [Письмо от 22 декабря 1874 г.] / святитель Феофан Затворник // Творения иже во святых отца нашего Феофана Затворника : собр. Писем : [в 8 вып.] – Печоры : Св.-Успен. Псково-Печер. монастырь ; Москва : Паломник, 1994. – Вып. 7. – С. 48–51.

9. [Письмо от 24 февраля 1875 г.] / святитель Феофан Затворник // Book River: онлайн библиотека. – URL: <https://bookriver.org/read.php?b=14966&p=17> (дата обращения: 21.02.2020).

10. Пояснительные и поучительные заметки на 33-й псалом // ТЕВ. – 1869. – № 1, прибавление. – С. 1–10 ; № 2, прибавление. – С. 32–38 ; № 3, прибавление. – С. 89–96 ; № 4, прибавление. – С. 113–122 ; № 5, прибавление. – С. 140–150 ; № 6, прибавление. – С. 169–171 ; № 7, прибавление. – С. 198–204 ; № 8, прибавление. – С. 224–231 ; № 9, прибавление. – С. 250–257 ; № 10, прибавление. – С. 287–296 ; № 11, прибавление. – С. 319–324 ; № 12, прибавление. – С. 348–355.

11. Св. Отца нашего Максима Исповедника слово подвижническое в вопросах и ответах / преосвященнейший епископ Феофан // ТЕВ. – 1874. – № 1, неофиц. ч. – С. 716–731 ; № 20, неофиц. ч. – С. 757–772.

12. Святоотеческие наставления о трезвении и молитве / преосвященнейший епископ Феофан // ТЕВ. – 1877. – № 3, неофиц. ч. – С. 34–49 ; № 4, неофиц. ч. – С. 90–104 ; № 5, неофиц. ч. – С. 138–151 ; № 6, неофиц. ч. – С. 186–192 ; № 7, неофиц. ч. – С. 230–249 ; № 9, неофиц. ч. – С. 290–297 ; № 10, неофиц. ч. – С. 306–320 ; № 11, неофиц. ч. – С. 337–353 ; № 14, неофиц. ч. – С. 450–465 ; № 16, неофиц. ч. – С. 510–518 ; № 17, неофиц. ч. – С. 529–548 ; № 18, неофиц. ч. – С. 566–580 ; № 19, неофиц. ч. – С. 618–625 ; № 20, неофиц. ч. – С. 630–639 ; 1878. – № 3, неофиц. ч. – С. 42 ; № 4, неофиц. ч. – С. 82–97 ; № 5, неофиц. ч. – С. 117–125 ; № 6, неофиц. ч. – С. 162–169 ; 1879. – № 2, неофиц. ч. – С. 34–42 ; № 4, неофиц. ч. – С. 126–132 ; № 5, неофиц. ч. – С. 118–125 ; № 8, неофиц. ч. – С. 274–277.

13. Толкование первого послания к Солунянам / преосвященнейший епископ Феофан // ТЕВ. – 1872. – № 7, прибавление.

С. 348–377 ; № 9, прибавление. – С. 448–465 ; № 10, прибавление. – С. 487–514 ; № 11, прибавление. – С. 539–556 ; № 12, прибавление. – С. 579–588 ; 1873. – № 1, прибавление. – С. 8–30 ; № 2, прибавление. – С. 37–52 ; № 3, прибавление. – С. 66–94 ; № 4, прибавление. – С. 116–144 ; № 6, прибавление. – С. 181–196 ; № 7, прибавление. – С. 207–217 ; № 8, прибавление. – С. 231–244 ; № 9, прибавление. – С. 266–283.

14. Толкование послания апостола Павла к Филиппийцам / пресвященнейший епископ Феофан // ТЕВ. – 1875. – № 1, неофиц. ч. – С. 7–17 ; № 2, неофиц. ч. – С. 31–35 ; № 3, неофиц. ч. – С. 49–64 ; № 4, неофиц. ч. – С. 75–81 ; № 6, неофиц. ч. – С. 106–113 ; № 7, неофиц. ч. – С. 157–172 ; № 8, неофиц. ч. – С. 179–197 ; № 9, неофиц. ч. – С. 228–240 ; № 10, неофиц. ч. – С. 254–257 ; № 11, неофиц. ч. – С. 289–305 ; № 12, неофиц. ч. – С. 330–338 ; № 13, неофиц. ч. – С. 346–356 ; № 15, неофиц. ч. – С. 415–427 ; № 16, неофиц. ч. – С. 446–460 ; 1876. – № 9, неофиц. ч. – С. 222–237 ; № 11, неофиц. ч. – С. 294–301 ; № 13, неофиц. ч. – С. 362–377 ; № 15, неофиц. ч. – С. 446–456 ; № 18, неофиц. ч. – С. 566–573 ; № 20, неофиц. ч. – С. 642–644 ; № 21, неофиц. ч. – С. 694–696 ; № 22, неофиц. ч. – С. 730–731.

15. Указания, по которым всякий сам для себя может составить четырех Евангелий одну последовательную историю Евангельскую / епископ Феофан // ТЕВ. – 1871. – № 5, прибавление. – С. 278–303.

16. Шестопсалмие / епископ Феофан // ТЕВ. – 1871. – № 9, прибавление. – С. 489–527 ; № 10, прибавление. – С. 553–587.

UDC 2–4; 908

**PUBLICATIONS OF THE WRITINGS BY
ST. THEOPHAN THE RECLUSE IN THE
TAMBOV DIOCESE GAZETTE****Metropolitan of Tambov and Rasskazovo
FEODOSY (Sergey I. Vasnev)**

Doctor of Theology,

Rector of Tambov Theological Seminary

E-mail: admin@eparhia-tmb.ru

For citation: *Feodosy (Vasnev), Metropolitan.* Publications of the writings by St. Theophan the Recluse in the Tambov Diocese Gazette // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. Tambov, 2020, no. 1 (10), pp. 156–172. (in Russian)

Abstract

The article is devoted to the study of written works by Saint Theophan the Recluse of Vysha. In the Tambov Diocesan Gazette, he published his sermons, conversations, polemical and exegetical works, and translations of the works of the Holy fathers. After analyzing the issues of the magazine from its Foundation in 1861 to the end of the 19th century, the conclusion was reached that for almost two decades the Tambov Diocesan Gazette was the magazine where the Saint first printed many of his works.

Keywords: published works by St. Theophan the Recluse of Vysha; Tambov Diocesan Gazette; Bishop of Tambov and Shatsk Theophanes (Govorov); Tambov diocese.

References

1. Dusha i angel – ne telo, a dukh [The soul and the angel are not the body, but the spirit]. // Tambov Diocese Journal – 1867, no. 19, appendix, pp. 239–268; no. 20, appendix, pp. 263–299; no. 21, appendix, pp. 307–328; no. 22, appendix, pp. 351–363; no. 23, appendix, pp. 378–404; 1868, no. 1, appendix, pp. 13–38; no. 2, appendix, pp. 51–70; no. 3, appendix, pp. 73–88; no. 4, appendix, pp. 109–116. (in Russian)

2. Kratkoe svedenie o zhizni sv. Ioanna Kassiana / preosvyashchennishii episkop Feofan [Brief information about the life of St. John Cassian / His Grace Bishop Theophan]. // Tambov Diocese Journal – 1874, no. 10, unofficial part, pp. 382–384. (in Russian)

3. Nekotorye predosterezheniya pravoslavnyim khristianam / preosvyashchennyi Feofan [Some warnings to Orthodox Christians / His Grace Theophan]. // Tambov Diocese Journal – 1867, no. 12, appendix, pp. 479–485; no. 13, appendix, pp. 1–6; no. 15, appendix, pp. 129–136; no. 16, appendix, pp. 158–166; no. 17, appendix, pp. 183–192; no. 18, appendix, pp. 215–223. (in Russian)

4. Neskol'ko slov o zhizni i pisaniyakh sv. Antonoya / preosvyashchennishii episkop Feofan [A few words about the life and writings of St. Anthony / His Grace Bishop Theophan]. // Tambov Diocese Journal – 1873, no. 18, unofficial part, pp. 537–548; no. 19, unofficial part, pp. 572–580; no. 21, unofficial part, pp. 617–633; no. 23, unofficial part, pp. 689–696; no. 24, unofficial part, pp. 725–741; 1874, no. 1, unofficial part, pp. 1–8; no. 2, unofficial part, pp. 42–48; no. 3, unofficial part, pp. 83–102; no. 4, unofficial part, pp. 145–153; no. 5, unofficial part, pp. 169–192. (in Russian)

5. O sovershennom obrashchenii k Bogu ot prelestei mira i grekha / preosvyashchennyi Feofan [On the perfect appeal to God from the charms of the world and sin / Reverend Theophan]. // Tambov Diocese Journal – 1867, no. 4, appendix, pp. 85–92; no. 7, appendix, pp. 177–188. (in Russian)

6. Pis'ma v boze pochivshogo episkopa Feofana Zatvornika Vyshenskoj pustyni [Letters of the passed away Bishop Theophan the Recluse of the Vyshenskaya desert]. // Tambov Diocese Journal – 1894, no. 34, unofficial part, pp. 627–632; no. 35, unofficial part, pp. 658–663; no. 36, unofficial part, pp. 680–683; no. 37, unofficial part, pp. 699–704; no. 38, unofficial part, pp. 725–729; no. 39, unofficial part, pp. 755–759; no. 40, unofficial part, pp. 795–800; no. 41, unofficial part, pp. 820–823; no. 42, unofficial part, pp. 855–858; no. 44, unofficial part, pp. 905–909; no. 45, unofficial part, pp. 934–938; no. 47, unofficial part, pp. 987–990; no. 49, unofficial part, pp. 1053–1056; 1895, no. 1, unofficial part, pp. 13–16; no. 2, unofficial part, pp. 34–37; no. 3, unofficial part, pp. 49–54; no. 4, unofficial part, pp. 71–75; no. 5, unofficial part, pp. 101–104; no. 6,

unofficial part, pp. 133–143; no. 7, unofficial part, pp. 170–175; no. 8, unofficial part, pp. 206–211; no. 9, unofficial part, pp. 245–249; no. 10, unofficial part, pp. 272–279; no. 11, unofficial part, pp. 310–315; nos. 12/13, unofficial part, pp. 365–372; nos. 14/15, unofficial part, pp. 400–406; no. 16, unofficial part, pp. 437–440; no. 17, unofficial part, pp. 462–465; no. 18, unofficial part, pp. 486–491; no. 19, unofficial part, pp. 504–510; no. 20, unofficial part, pp. 535–540; no. 21, unofficial part, pp. 560–563; no. 22, unofficial part, pp. 586–591; no. 23, unofficial part, pp. 603–605; no. 24, unofficial part, pp. 633–640; no. 25, unofficial part, pp. 658–670; no. 26, unofficial part, pp. 683–689; no. 27, unofficial part, pp. 704–708; no. 28, unofficial part, pp. 726–728; no. 29, unofficial part, pp. 728–733; no. 30, unofficial part, pp. 750–755; no. 31, unofficial part, pp. 772–780; no. 32, unofficial part, pp. 802–809; no. 33, unofficial part, pp. 826–830; no. 34, unofficial part, pp. 849–853; no. 36, unofficial part, p. 914; no. 37, unofficial part, pp. 943–947; no. 38, unofficial part, pp. 969–974; no. 40, unofficial part, pp. 1022–1026; no. 41, unofficial part, pp. 1051–1056; no. 43, unofficial part, pp. 1104–1107; no. 44, unofficial part, pp. 1131–1134; no. 46, unofficial part, pp. 1172–1176; no. 48, unofficial part, pp. 1229–1234; 1896, no. 1, unofficial part, pp. 8–14; no. 4, unofficial part, pp. 61–64; no. 6, unofficial part, pp. 133–143; no. 8, unofficial part, pp. 173–179; nos. 11/12, unofficial part, pp. 259–263; nos. 13/14, unofficial part, pp. 311–317; no. 15, unofficial part, pp. 340–343; no. 17, unofficial part, pp. 393–397; no. 18, unofficial part, pp. 423–428; no. 22, unofficial part, pp. 525–530; no. 23, unofficial part, pp. 558–562; no. 31, unofficial part, pp. 768–771; no. 35, unofficial part, pp. 848–854; no. 38, unofficial part, pp. 932–937; no. 40, unofficial part, pp. 992–997; no. 42, unofficial part, pp. 1041–1044; no. 43, unofficial part, pp. 1065–1073; no. 48, unofficial part, pp. 1235–1241; no. 49, unofficial part, pp. 1268–1273; 1897, no. 5, unofficial part, pp. 98–101; no. 6, unofficial part, pp. 113–117; no. 7, unofficial part, pp. 137–140; no. 8, unofficial part, pp. 168–172; no. 11, unofficial part, pp. 257–265; nos. 16/17, unofficial part, pp. 387–390; 1899, nos. 15/16, unofficial part, pp. 390–396. (in Russian)

7. Pis'ma o khristianskoi zhizni [Letters on the Christian life]. // Tambov Diocese Journal – 1861, no. 11, appendix, pp. 240–245; 1862, no. 3, appendix, pp. 117–121; no. 5, appendix, pp. 195–201;

no. 7, appendix, pp. 270–275; no. 10, appendix, pp. 368–371; no. 11, appendix, pp. 407–412. (in Russian)

8. [Pis'mo ot 22 dekabrya 1874 g.] / svyatitel' Feofan Zatvornik [Letter of December 22, 1874] / St. Theophan the Recluse]. // Creations of the saints of our father Theophan the Recluse: collection of letters: [in 8 issues] – Pechory: St. Assumption Pskovo-Pechersky Monastery; Moscow: Pilgrim, 1994, issue 7, pp. 48–51. (in Russian)

9. [Pis'mo ot 24 fevralya 1875 g. / svyatitel' Feofan Zatvornik [Letter of February 24, 1875] / St. Theophan the Recluse]. // Book River: online library. (in Russian). Available at: <https://bookriver.org/read.php?b=14966&p=17> (Accessed: 21.02.2020).

10. Poyasnitel'nye i pouchitel'nye zametki na 33-i psalom [Explanatory and instructive notes on the 33rd psalm]. // Tambov Diocese Journal – 1869, no. 1, appendix, pp. 1–10; no. 2, appendix, pp. 32–38; no. 3, appendix, pp. 89–96; no. 4, appendix, pp. 113–122; no. 5, appendix, pp. 140–150; no. 6, appendix, pp. 169–171; no. 7, appendix, pp. 198–204; no. 8, appendix, pp. 224–231; no. 9, appendix, pp. 250–257; no. 10, appendix, pp. 287–296; no. 11, appendix, pp. 319–324; no. 12, appendix, pp. 348–355. (in Russian)

11. Sv. Otsa nashego Maksima Ispovednika slovo podvishchnicheskoe v voprosakh i otvetakh / preosvyashchennishii episkop Feofan [The Holy Father of our Maximus the Confessor the ascetic word in questions and answers / His Grace Bishop Theophan]. // Tambov Diocese Journal – 1874, no. 1, unofficial part, pp. 716–731; no. 20, unofficial part, pp. 757–772. (in Russian)

12. Svyatootecheskie nastavleniya o trezvenii i molitve / preosvyashchennishii episkop Feofan [Patristic instructions on sobriety and prayer / His Grace Bishop Theophan]. // Tambov Diocese Journal – 1877, no. 3, unofficial part, pp. 34–49; no. 4, unofficial part, pp. 90–104; no. 5, unofficial part, pp. 138–151; no. 6, unofficial part, pp. 186–192; no. 7, unofficial part, pp. 230–249; no. 9, unofficial part, pp. 290–297; no. 10, unofficial part, pp. 306–320; no. 11, unofficial part, pp. 337–353; no. 14, unofficial part, pp. 450–465; no. 16, unofficial part, pp. 510–518; no. 17, unofficial part, pp. 529–548; no. 18, unofficial part, pp. 566–580; no. 19, unofficial part, pp. 618–625; no. 20, unofficial part, pp. 630–639; 1878, no. 3, unofficial part, p. 42; no. 4, unofficial part, pp. 82–97; no. 5, unofficial part, pp. 117–125; no. 6, unofficial part, pp. 162–

169; 1879, no. 2, unofficial part, pp. 34–42; no. 4, unofficial part, pp. 126–132; no. 5, unofficial part, pp. 118–125; no. 8, unofficial part, pp. 274–277. (in Russian)

13. *Tolkovanie pervogo poslaniya k Solunyanam / preosvyashchenneishii episkop Feofan* [Interpretation of the first epistle to the Solunians / His Grace Bishop Theophan]. // *Tambov Diocese Journal* – 1872, no. 7, appendix, pp. 348–377; no. 9, appendix, pp. 448–465; no. 10, appendix, pp. 487–514; no. 11, appendix, pp. 539–556; no. 12, appendix, pp. 579–588; 1873, no. 1, appendix, pp. 8–30; no. 2, appendix, pp. 37–52; no. 3, appendix, pp. 66–94; no. 4, appendix, pp. 116–144; no. 6, appendix, pp. 181–196; no. 7, appendix, pp. 207–217; no. 8, appendix, pp. 231–244; no. 9, appendix, pp. 266–283. (in Russian)

14. *Tolkovanie poslaniya apostola Pavla k Filippiitsam / preosvyashchenneishii episkop Feofan* [Interpretation of the message of the Apostle Paul to the Philippians / His Grace Bishop Theophan]. // *Tambov Diocese Journal* – 1875, no. 1, unofficial part, pp. 7–17; no. 2, unofficial part, pp. 31–35; no. 3, unofficial part, pp. 49–64; no. 4, unofficial part, pp. 75–81; no. 6, unofficial part, pp. 106–113; no. 7, unofficial part, pp. 157–172; no. 8, unofficial part, pp. 179–197; no. 9, unofficial part, pp. 228–240; no. 10, unofficial part, pp. 254–257; no. 11, unofficial part, pp. 289–305; no. 12, unofficial part, pp. 330–338; no. 13, unofficial part, pp. 346–356; no. 15, unofficial part, pp. 415–427; no. 16, unofficial part, pp. 446–460; 1876, no. 9, unofficial part, pp. 222–237; no. 11, unofficial part, pp. 294–301; no. 13, unofficial part, pp. 362–377; no. 15, unofficial part, pp. 446–456; no. 18, unofficial part, pp. 566–573; no. 20, unofficial part, pp. 642–644; no. 21, unofficial part, pp. 694–696; no. 22, unofficial part, pp. 730–731. (in Russian)

15. *Ukazaniya, po kotorym vsyakii sam dlya sebya mozhnet sostavit' chetyrekh Evangelii odnu posledovatel'nyuyu istoriyu Evangel'skuyu / episkop Feofan* [Directions by which everyone for himself can compose the four Gospels, one consistent Gospel story / Bishop Theophan]. // *Tambov Diocese Journal* – 1871, no. 5, appendix, pp. 278–303. (in Russian)

16. *Shestopsalmie / episkop Feofan* [Six psalms / Bishop Feofan]. // *Tambov Diocese Journal* – 1871, no. 9, appendix, pp. 489–527; no. 10, appendix, pp. 553–587. (in Russian)

УДК 82.01/09

**МЕТАМОРФОЗЫ ЛЮБВИ
В РАССКАЗЕ А.И. КУПРИНА
«ГРАНАТОВЫЙ БРАСЛЕТ»**

Грудинина Елена Валерьевна
кандидат филологических наук,
проректор по научной работе
Тамбовской духовной семинарии
E-mail: evgrudinina@mail.ru

Для цитирования: Грудинина, Е.В. *Метаморфозы любви в рассказе А.И. Куприна «Гранатовый браслет» // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. – Тамбов, 2020. – № 1 (10). – С. 173–187.*

Аннотация

В статье на примере рассказа А.И. Куприна «Гранатовый браслет» рассматривается проблема нравственной деградации семьи и общества на рубеже XIX–XX столетий, которая непосредственно связана с искажением понимания высшей христианской добродетели – любви. Производится критическая оценка литературоведческих трактовок идейного содержания рассказа с позиций православного богословия. На основе лингвостилистического и литературоведческого анализа дается описание системы образов.

Ключевые слова: любовь; добродетель; нравственная деградация; литературная критика; художественный образ.

Рассказ А.И. Куприна «Гранатовый браслет» вошел в историю русской литературы как «гимн торжествующей любви». Именно такой метафорой обозначена самая популярная тема сочинения по данному произведению в 11-м классе средней общеобразовательной школы. Литературные критики и авторы учебников до странности единодушны во мнении, что в «Гранатовом браслете» автор изобразил поистине великое и редкое в современном мире чувство любви. Символом этого чувства в рассказе считают редчайший зеленый гранат, расположенный в центре браслета, преподнесенного восторженным героем сво-

ей возлюбленной. Например, С.Л. Штильман, как и большинство исследователей творчества автора, видит в «Гранатовом браслете» «рассказ о неразделенной великой любви, любви, которая повторяется только раз в тысячу лет» [10, с. 17].

В.Н. Афанасьев отмечает, что любовь в произведениях А.И. Куприна организует сюжет и выявляет лучшие качества любящих, однако почти никогда не бывает счастливой и редко находит отклик в том, к кому она направлена. Но те, кому, по мнению А.И. Куприна, выпал дар пережить идеальную любовь, возвышаются над бытом, внешним миром, их любовь «утверждает в сознании читателя мысль о силе и красоте подлинного, большого человеческого чувства» [1, с. 119]. В основе сюжета рассказа «Гранатовый браслет» лежит реальный жизненный эпизод. Куприн сообщал в письме к Ф.Д. Батюшкову 15 октября 1910 года: «Это <...> печальная история маленького телеграфного чиновника П.П. Жолтикова, который был так безнадежно, трогательно и самоотверженно влюблен в жену Любимова (Д.Н. теперь губернатор в Вильно)» [1, с. 118]. Однако в своем произведении автор намеренно изменил финал: прототип Желткова не совершил самоубийства.

По мнению Афанасьева, трагическая развязка была нужна Куприну для того, чтобы «сильнее оттенить силу любви Желткова к почти незнакомой ему женщине» [1, с. 118].

В ряде исследований неразделенная, трагическая любовь Желткова становится основанием для довольно смелых философских обобщений. Так, по мнению Л.А. Смирновой, тема любви, с одной стороны, «позволила писателю утвердить свои гуманистические идеалы: нравственно-эстетическую ценность земного бытия, способность и устремленность человека к высоким и самоотверженным чувствам, а с другой стороны – обнаружить во внутреннем мире личности мрачную печать противоречивой эпохи» [7, с. 382]. Из данного рассуждения логически следует вывод, что возвышенная душа Желткова страдает и гибнет, потому что несет в себе болезнь века. По причине той же подчиненности условностям окружающего мира княгиня Вера не сумела оценить высоту духовного порыва влюбленного в нее молодого человека.

Вместе с тем исследователи не могли не отметить определенную ограниченность и даже ущербность образа героя: «Отгородившийся любовью от жизни со всеми ее волнениями и тревогами, за-

мкнувшийся в своем чувстве, как в скорлупе, Желтков тем самым обедняет и саму любовь» [1, с. 120].

И.Г. Чеснокова также указывает на ограниченность героя, но при этом оправдывает его, подчеркивая высоту и искренность его неразделенных чувств: «Возвышенная любовь Желткова трагична, обречена, потому что безответна. И было бы нелепо ждать взаимности от Веры Николаевны Шеиной. Он это осознает, но не может отказаться от своей любви. Переключиться на что-то другое он не может, не хочет. <...> Конечно, он сам ограничил свою жизнь только любовью к Вере Николаевне. Но винить его за это нельзя» [9, с. 47]. Довольно парадоксальный вывод. Если винить молодого человека нельзя, то вовсе не по причине уникальности любовных переживаний, а потому, что его психическое состояние граничит с патологическим. Чувства, которые литературная критика именуется любовью, чрезвычайно далеко отстоят от идеала бескорыстной и жертвенной любви, а скорее указывают на порочную, страстную привязанность. Этим, собственно, и объясняется трагический финал жизни Желткова. Лингвостилистический анализ прощального письма героя к предмету его страсти позволяет проследить все аспекты развития в его душе опасных наклонностей. Обратимся к тексту письма:

«Я не виноват, Вера Николаевна, что Богу было угодно послать, мне, как громадное счастье, любовь к Вам. Случилось так, что меня не интересует в жизни ничто: ни политика, ни наука, ни философия, ни забота о будущем счастье людей – для меня вся жизнь заключается только в Вас. Я теперь чувствую, что каким-то неудобным клином врезался в Вашу жизнь. Если можете, простите меня за это. Сегодня я уезжаю и никогда не вернусь, и ничто Вам обо мне не напомнит.

Я бесконечно благодарен Вам только за то, что Вы существуете. Я проверял себя – это не болезнь, не маниакальная идея – это любовь, которую Богу было угодно за что-то меня вознаградить.

Пусть я был смешон в Ваших глазах и в глазах Вашего брата, Николая Николаевича. Уходя, я в восторге говорю: „Да святится имя Твое“.

Восемь лет тому назад я увидел Вас в цирке в ложе, и тогда же в первую секунду я сказал себе: я ее люблю потому, что на свете нет ничего похожего на нее, нет ничего лучше, нет ни зверя, ни расте-

ния, ни звезды, ни человека прекраснее Вас и нежнее. В Вас как будто бы воплотилась вся красота земли...

Подумайте, что мне нужно было делать? Убежать в другой город? Все равно сердце было всегда около Вас, у Ваших ног, каждое мгновение дня заполнено Вами, мыслью о Вас, мечтами о Вас... сладким бредом. Я очень стыжусь и мысленно краснею за мой дурацкий браслет, – ну, что же? – ошибка. Воображаю, какое он впечатление произвел на Ваших гостей.

Через десять минут я уеду, я успею только наклеить марку и опустить письмо в почтовый ящик, чтобы не поручать этого никому другому. Вы это письмо сожгите. Я вот сейчас затопил печку и сжигаю все самое дорогое, что было у меня в жизни: ваш платок, который, я признаюсь, украл. Вы его забыли на стуле на балу в Благородном собрании. Вашу записку, – о, как я ее целовал, – ею Вы запретили мне писать Вам. Программу художественной выставки, которую Вы однажды держали в руке и потом забыли на стуле при выходе... Кончено. Я все отрезал, но все-таки думаю и даже уверен, что Вы обо мне вспомните. Если Вы обо мне вспомните, то... я знаю, что Вы очень музыкальны, я Вас видел чаще всего на бетховенских квартетах, – так вот, если Вы обо мне вспомните, то сыграйте или прикажите сыграть сонату D-dur, N 2, op. 2.

Я не знаю, как мне кончить письмо. От глубины души благодарю Вас за то, что Вы были моей единственной радостью в жизни, единственным утешением, единой мыслью. Дай Бог Вам счастья, и пусть ничто временное и житейское не тревожит Вашу прекрасную душу. Целую Ваши руки.

Г.С.Ж.» [6, с. 266].

Несколько моментов обращают на себя внимание в этом тексте, который, подчеркнем, был написан, а не просто произнесен в порыве нахлынувшего чувства. Это значит, что герой хорошо обдумал свое обращение к возлюбленной и, безусловно, преследовал в своем послании определенную цель. Принимая во внимание его намерение свести счеты с жизнью и всепоглощающее чувство, испытываемое им в Вере Шеиной, закономерно предположить, что главная его цель – остаться навсегда в ее памяти, если уж в жизнь ее, как отмечает сам герой, он «каким-то неудобным клином врезался».

Для достижения этой цели он применяет приемы, именуемые в наши дни нейролингвистическим программированием. Во-пер-

вых, местоимение «Вы» в разных падежных формах повторяется в тексте 33 раза, что чисто механически призвано утвердить женщину в мысли о необыкновенной значимости ее личности для автора письма. Во-вторых, он трижды (в начале, в середине и в конце) упоминает имя Бога, подчеркивая, что его любовь есть «награда», дар небес. В-третьих, Желтков не слишком тщательно маскирует свою истинную цель – привлечь, наконец, к себе внимание возлюбленной – трижды повторяя, что собирается «уезжать» или «уходить». В том же письме он оговаривается, что мысль «убежать в другой город» он давно оставил, поскольку «сердце было всегда около Вас, у Ваших ног». Таким образом, герой прозрачно намекает, что его намерение «уехать навсегда», чтобы ничто не напоминало о нем, – лишь уловка, которая призвана встревожить сердце равнодушной к нему женщины, вызвать в ней, если не любовь, то, по крайней мере, жалость. Как мы видим по сюжету рассказа, именно так и происходит: Вера Николаевна с неожиданной для себя нежностью читает его письмо и с тревогой обсуждает его содержание с мужем. А узнав о трагической гибели своего обожателя, немедленно направляется на его съемную квартиру, чтобы проститься и даже подарить покойному первый и последний «дружеский поцелуй».

Вообще послание Желткова сплошь наполнено словами-зацепками, так называемыми «якорями», которые должны будут в дальнейшем, после его смерти, постоянно возвращать Веру Николаевну к мысли о невозвратимой потере «великой любви». Он извиняется перед ней за неловкость и навязчивость его писем и особенно подарка, заранее зная, что своим добровольным уходом из жизни лишает женщину возможности ответить ему. Он делает ей невообразимые комплименты, возвышая над всем тварным миром и даже обожествляя ее образ. Особенно обращает на себя внимание фраза из молитвы Господней, адресованная женщине: «Да святится имя Твое». Подобное высказывание является открытым богохульством, которое не может быть оправдано никакой силой и глубиной земного чувства и свидетельствует о смертном грехе – нарушении первой заповеди Христовой о любви к Богу: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим» (Мф. 22, 37), а также двух ветхозаветных заповедей, данных Богом пророку Моисею на горе Синай: «Не де-

лай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли» (Исх. 20, 2). Не создавая материального идола, Желтков сотворил в собственной душе недосыгаемый пьедестал, на который возвел придуманный им идеальный женский образ. И поскольку истинное поклонение он приносит именно предмету своей страсти, то имя Бога, трижды используемое в письме, по сути, является нарушением третьей заповеди Закона Моисеева: «Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно, ибо Господь не оставит без наказания того, кто произносит имя Его напрасно» (Исх. 20, 3). Именно ложно понимаемое чувство любви, смешенное с искаженным религиозно-мистическим мировоззрением, приводят героя к физической и духовной гибели. А видимое бескорыстие и самоуничтожение, которое он стремится продемонстрировать своими письмами и символическим подарком, на самом деле являются средствами установления ментальной связи с обожаемой им женщиной, вплоть до выработки у нее психологической зависимости посредством чувства вины.

Последняя просьба Желткова – прослушать вторую часть Бетховинской сонаты D-dur, N 2, op. 2 – эстетическая зацепка, призванная самым надежным образом закрепить в сознании Веры Николаевны, любящей творчество этого композитора, сожаление об их несостоявшейся любви. Примечательно, что она в точности реализовала заложенную в письме программу поведения, так как Желтков еще до своего самоубийства успел предупредить свою квартирную хозяйку о приходе некой женщины и передал ей устное сообщение. Не надеясь на свою память, хозяйка даже записала название того музыкального произведения, которое покойный завещал возлюбленной слушать в память о нем – это та же, упомянутая в последнем письме «Аппассионата» Бетховена.

В контексте проведенного анализа предсмертного письма Желткова требуют переосмысления три предложения в его финале, которые родились у автора почти спонтанно (после фразы: «Я не знаю, как мне кончить письмо»). Он благодарит княгиню Веру за то, что она была для него «единственной радостью в жизни, единственным утешением, единой мыслью». Но эта благодарность не так бескорыстна, как может показаться на первый взгляд. Здесь стоит вспомнить эпизод рассказа, ставший непосредственной причиной самоубийства Желткова: визит к нему мужа и брата Веры.

О глубоко затаенной обиде после разговора с Николаем Николаевичем молодой человек проговаривается в своем последнем письме («Пусть я был смешон в Ваших глазах и в глазах Вашего брата, Николая Николаевича». И тут же – как протест: «Уходя, я в восторге говорю: „Да святится имя Твое“»). Именно уязвленное самолюбие героя заставило его в этом разговоре упомянуть о «праве», которое дают ему восемь лет безответной любви. Не сумев реализовать в жизни свое мнимое «право», Желтков прилагает все усилия, чтобы воспользоваться им после смерти. И в этих сказанных вскользь словах выражается острое чувство неудовлетворенного самолюбия и стремление обладать предметом страсти, что является нарушением десятой заповеди: «Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего; ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ничего, что у ближнего твоего» (Исх. 20, 10).

Вовсе не о душевном покое возлюбленной он заботится, когда пишет фразу: «Дай Бог Вам счастья, и пусть ничто временное и житейское не тревожит Вашу прекрасную душу». «Временным» и «житейским», с точки зрения этого влюбленного фанатика, является все, что выходит за пределы его страсти. И совершенно бессмысленным выглядит упоминание в этом контексте имени Бога, от которого он давно отрекся, подменив Его образ ложным любовным идолом. Таким образом, погубив собственную душу, он стремится направить по тому же пути «прекрасную душу» возлюбленной. Поэтому несколько неуместная финальная фраза: «Целую Ваши руки», – есть не что иное, как надежда на встречу в мире ином.

Чрезвычайная узость мировосприятия, к которой пришел Желтков под влиянием своей «великой любви» и «счастья», открывает православному читателю истинную природу его чувства – крайнее порабощение страсти, усугубленное невозможностью ее удовлетворения. На этой почве у молодого человека закономерно развились тяжелые психические отклонения. Прямым подтверждением тому является вторая часть письма, в которой он сам рассказывает о странностях своего поведения: о постоянном тайном преследовании предмета страсти, о письмах-признаниях, о собирании и трепетном хранении предметов, украденных у нее или оставленных ею в общественных местах. Сама любовь Желткова, внезапно вспыхнувшая восемь лет назад к молодой девушке, за-

меченной им в ложе цирка, вызывает обоснованные подозрения в чрезмерной экзальтации героя. Вместе с тем в своем письме он с упорством заявляет, что «проверял себя», и убедился, что его любовь «не болезнь, не маниакальная идея». Трудно предполагать, в чем заключалась эта «проверка», но сама по себе эта фраза в письме убедительно доказывает психическую неадекватность молодого человека, утратившего духовные ориентиры и потерявшего связь с реальностью.

Для полного понимания причин духовной гибели героя важно рассмотреть развитие его чувства в контексте разнообразного понимания любви, отраженного в рассказе Куприна. К. Паустовский отмечал «горькую прелесть «Гранатового браслета», поскольку в этом произведении «звучит горькая и скорбная мысль о неспособности современников к большому настоящему чувству... Любовь победила, но она прошла какой-то бесплотной тенью...» [11]. А.А. Волков в своей монографии указывает аналогичную причину произошедшей трагедии: громадное чувство, которое поразило маленького чиновника Желткова, противопоставлено очерствелым душам тех людей, которые считают себя выше него [2, с. 302].

Действительно, в рассказе, который сам автор назвал «самой целомудренной вещью» о любви, мы не находим ни одного истинного проявления этого чувства.

Прежде всего необходимо сказать об окружении Веры Николаевны. Ее муж, предводитель дворянства князь Шеин, был наследником знатного, но разорившегося рода, а сама она – дочь именитого татарского князя, ведущего свой род от Тамерлана, и аристократки-англичанки. Однако в этом браке мы наблюдаем все признаки вырождения: от необходимости жить не по средствам, устраивая балы и приемы, до бездетности и перерождения ранее страстных отношений в спокойную, тихую дружескую привязанность. Несмотря на взаимное уважение и внимание супругов Шеиных друг к другу, их жизнь, словно выставленная на обозрение, выглядит постановочной и искусственной, в ней отсутствует истинный духовный стержень, превращающий семью в малую церковь.

Младшая сестра княгини Шеиной Анна описывается автором как полная ее противоположность, наделенная азиатскими чертами отца, в отличие от утонченной европейской красоты Веры.

Резкая контрастность натуры этой женщины, пленяющей очаровательной неправильностью своих черт, включает весьма специфичные стороны: с одной стороны, она ведет откровенно светский образ жизни, прожигая время на балах и в развлекательных поездках, надевая чрезмерно открытые наряды; с другой стороны, имеет склонность к мистицизму и религиозности, которые носят, однако, стихийный и даже пародийный характер и выражаются, например, в тайном принятии католичества и ношении власяницы под бальным платьем. Обличием псевдорелигиозности Анны служит подарок, который она преподносит сестре по случаю именин, – изящный дамский блокнот, изготовленный в обложке старинного молитвенника, идея которого кажется Вере шальной, но, тем не менее, интересной.

Свой столь оригинальный подарок Анна объяснила так: «Ты ведь знаешь мою слабость рыться в старинном хламе. Вот я и набрела на этот молитвенник. Посмотри, видишь, как здесь орнамент делает фигуру креста. Правда, я нашла только один переплет, остальное все пришлось придумывать – листочки, застёжки, карандаш» [12]. Крест – орудие победы Христа над смертью и символ нашего спасения, превращается в искаженном душевном мире Анны в орнаментальную фигуру, а от молитвенника – настольной книги каждого христианина, остается одна обложка, содержание же подменено пустыми листами.

Весьма показателен эпизод в рассказе, вскрывающий порочную и бездуховную основу образа жизни и семейного уклада Анны. Трагедия разрушения семьи при внешнем ее сохранении просматривается в следующей авторской характеристике: «Она была замужем за очень богатым и очень глупым человеком, который ровно ничего не делал, но числился при каком-то благотворительном учреждении и имел звание камер-юнкера. Мужа она терпеть не могла, но родила от него двух детей – мальчика и девочку; больше она решила не иметь детей и не имела» [12]. Своеволие, гордыня, неуважение и даже публичное высмеивание мужа являются обыденным явлением в жизни этой женщины, и утрата нравственных основ семейной жизни сказалась на ее золотушных детях с бледными, мучнистыми лицами и завитыми кукольными локонами.

Брат Веры Николаевны – Николай Николаевич, предстает в рассказе и вовсе человеком холостым, однако преуспевающим

адвокатом, самоуверенным и бескомпромиссным, убежденным в собственной правоте, которая основана на знании юридических законов при полном попрании законов нравственных. Именно он, явившись в дом Желткова, своим агрессивным поведением содействовал трагическому исходу его жизни. Амбициозная позиция этого человека обнаруживает пустоту его сердца, чуждого любви.

Наиболее интересным персонажем рассказа, выступающим в роли своеобразного резонера и выражающим авторскую идею, является генерал Аносов, крестный отец Веры, друг и бывший сослуживец ее покойного отца. На первый взгляд, этот человек представляется весьма благообразным, душевным и способным на глубокие чувства, которые он и проявляет к своей крестнице и всей ее семье. Генерал Аносов – желанный гость на званом ужине Веры и увлекательный собеседник. Именно из его уст мы слышим удивительные рассказы о «великой любви», которая встречается раз в тысячу лет и на которую способны лишь редкие люди. Аносов говорит Вере: «Любовь должна быть трагедией, величайшей тайной в мире! Никакие жизненные удобства, расчеты и компромиссы не должны ее касаться» [12]. И литературоведы часто проводят параллель между этим определением и экзальтированной влюбленностью Желткова. Например, А.А. Волков резюмирует: «Он ни на что не надеется и готов отдать все <...> Любовь ему (Желткову) диктует вдохновенные слова, в которых и огромное чувство, и покорность самоотречения, и дань глубокого преклонения. Его письмо дышит благородством. Это пишет человек, которого преобразила любовь» [3, с. 18]. Таким образом, становится понятно, что именно генерал Аносов является своеобразным идеологическим центром рассказа «Гранатовый браслет», оказывающим по сюжету наибольшее психологическое воздействие на других персонажей, но и во многом определяющим читательскую оценку данного произведения. Так, А.А. Волков отмечает очень важную функцию генерала Аносова в рассказе, поскольку его рассуждения «предвосхищают наступление трагедии. Его устами писатель провозглашает, что нельзя проходить мимо редкого, величайшего дара – большой и чистой любви» [3, с. 18]. Иными словами, Аносов косвенно содействует тому, чтобы Вера Николаевна оказалась в психологической зависимости и испытывала чувство вины из-за гибели своего незадачливого поклонника.

Примечательно, что человек, рассуждающий о настоящей любви и дающий духовные советы, сам не имеет позитивного опыта в этой сфере. Из рассказа нам известно о его неудачной первой женитьбе, в которой любовь оказалась подменена сентиментальной влюбленностью и растворилась в повседневном рутинном существовании. Вторая женитьба также обернулась семейной драмой: «Жена сбежала от него с проезжим актером, пленясь его бархатной курткой и кружевными манжетами» [12]. Двойное фиаско в любви привело генерала, в чьем облике автор подчеркивает «величественную голову», лицо, «какое свойственно мужественным и простым людям», «ласковый хриповатый <...> решительный бас», вызывает нерадостные размышления о том, что героико-романтическая концепция любви, представленная в его «эпически спокойных, простосердечных рассказах» лишена истинного духовного основания. Внешняя мужественность его фигуры и военное прошлое не сопрягаются с необходимым нравственным стержнем, который делает мужчину главой семейства, главой малой церкви. И подобный ему персонаж в рассказе – муж Анны, всю жизнь претерпевающий издевки и унижения со стороны супруги, не способный построить семейную жизнь по христианской модели.

Подводя итог проведенному исследованию, можно сделать вывод о том, что «гимн торжествующей любви» в рассказе Куприна «Гранатовый браслет» скорее следует назвать реквиемом. Символично, что лейтмотивом произведения стала бетховенская соната. Устремление к синтезу, взаимопроникновению словесного искусства с искусством музыкальным было весьма популярным в художественном пространстве Серебряного века, но одновременно восходит к христианской богослужебной традиции. Не случайно, анализируя «Гранатовый браслет», А.С. Чалова приходит к выводу, что в нем автор использовал модель акафиста, что в переводе с греческого означает «гимн, при исполнении которого нельзя сидеть». В целом акафист, по наблюдению Чаловой, разделяется на тринадцать частей, столько же глав и в рассказе Куприна. Именно тринадцатая глава заканчивается молитвой, которая приводит к перевоплощению души княгини Веры. А усиливает воздействие молитвы мелодия бетховенской «Аппассионаты» [8, с. 4].

Параллель с акафистом, проведенная указанным выше исследователем, лишь подтверждает сделанный нами ранее вывод о намеренном искажении духовно-нравственных установок в общественном сознании на рубеже XIX–XX веков, что находит адекватное отражение в искусстве и, прежде всего, в литературе. Высочайшая христианская добродетель – любовь, имеющая множество земных воплощений: супружеская, материнская и отцовская, братско-сестринская, дружеская, – не способна сохраниться неповрежденной, если не освящается благодатью Святого Духа, ибо заповедь о любви к ближнему есть продолжение заповеди о любви к Богу.

Список литературы

1. *Афанасьев, В.Н.* Александр Иванович Куприн : критико-биограф. очерк / В.Н. Афанасьев. – Москва : Гослитиздат, 1960. – 206 с.
2. *Волков, А.А.* Творчество А.И. Куприна / А. Волков. – 2-е изд. – Москва : Худож. лит., 1981. – 360 с.
3. *Волков, С.* Любовь должна быть трагедией : из наблюдений над идейно-худож. своеобразием повести Куприна «Гранатовый браслет» / Сергей Волков // Литература : [прил. к журн. «Первое сентября»]. – 2002. – № 8. – С. 18–24.
4. *Дьякова, Е.А.* Александр Куприн / Дьякова Е.А. // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов) : в 2 кн. – Москва : Ин-т мировой лит. Рос. Акад. Наук : Наследие, 2000. – Кн. 1. – С. 586–625.
5. *Колобаева, Л.А.* Преобразование идеи «маленького человека» в творчестве А. Куприна / Л.А. Колобаева // Концепция личности в русской литературе рубежа XIX–XX веков / Л.А. Колобаева. – Москва : Изд-во Мос. гос. ун-та, 1990. – С. 62–84.
6. *Куприн, А.И.* Собрание сочинений. В 9 т. Т. 5 / А.И. Куприн. – Москва : Худож. лит., 1974. – 511 с.
7. *Смирнова, Л.А.* В поисках духовной гармонии / Л.А. Смирнова // Повести и рассказы / А.И. Куприн. – Москва : Совет. Россия, 1987. – С. 382–395.
8. *Чалова, А.* «Гранатовый браслет» Куприна : (некоторые замечания к проблеме формы и содержания) / Анна Чалова // Ли-

тература: [прил. к журн. «Первое сентября»]. – 2000. – № 36. – С. 4–10.

9. *Чеснокова, И.Г.* Личность могучего чувства в произведении А.И. Куприна «Гранатовый браслет» // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* – Тамбов, 2017. – № 4 (70) : в 2 ч. Ч. 2. – С. 46–48.

10. *Штильман, С.* О мастерстве писателя : повесть А. Куприна «Гранатовый браслет» / Сергей Штильман // *Литература : [прил. к журн. «Первое сентября»]*. – 2002. – № 8. – С. 13 – 17. См. № 3.

11. Тема «идеальной любви» в творчестве А.И. Куприна // ALLBEST: база знаний : сайт. – URL: https://knowledge.allbest.ru/literature/3c0a65625a3ac69a5c43b88421216c26_0.html#text (дата обращения: 19.03.2020).

12. *Куприн, А.И.* Гранатовый браслет / А.И. Куприн // Интернет-библиотека Алексея Комарова : [сайт]. – URL: <https://ilibrary.ru/text/1022/p.3/index.html> (дата обращения: 16.03.2020).

UDC 82.01/09

METAMORPHOSES OF LOVE IN THE SHORT NOVEL BY A.I. KUPRIN THE GARNET BRACELET

Elena V. Grudinina
PhD in Philology,
Vice-rector for Research
Tambov Theological Seminary
E-mail: evgrudinina@mail.ru

For citation: *Grudinina, E.V.* Metamorphoses of love in the short novel by A.I. Kuprin The Garnet Bracelet // *Theological Collection of Tambov Theological Seminary.* Tambov, 2020, no. 1 (10), pp. 173–187. (in Russian)

Abstract

The article uses the example of the image system of the short novel The Garnet Bracelet by A. I. Kuprin to consider the problem of moral degradation

of the family and society at the turn of the 19th–20th centuries, which is directly related to the distortion of the understanding of the highest Christian virtue – love. A critical assessment of literary interpretations of the ideological content of the story from the perspective of Orthodox theology is made. On the basis of linguistic and literary analysis, the description of the image system is given.

Keywords: love; virtue; moral degradation; literary criticism; artistic image.

References

1. *Afanasyev, V.N.* Aleksandr Ivanovich Kuprin: kritiko-biograficheskii ocherk [Aleksandr Ivanovich Kuprin: a critical and biographical essay]. / V.N. Afanasyev. – Moscow: Goslitizdat, 1960. 206 p. (in Russian)

2. *Volkov, A.A.* Tvorchestvo A.I. Kuprina [A.I. Kuprin's literary career]. / A. Volkov. – 2nd ed. – Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1981. 360 p. (in Russian)

3. *Volkov, S.* Lyubov' dolzhna byt' tragrdiei : iz nablyudenii nad ideino-khudozhestvennym svoebraziem povesti Kuprina "Granatovy braslet" [Love should be a tragedy: from observations of ideological and artistic peculiarity of Kuprin's short novel The Garnet Bracelet] / Sergey Volkov // Literature: [appendix to the journal The First of September]. – 2002, no. 8, pp. 18–24. (in Russian)

4. *Dyakova, E.A.* Aleksandr Kuprin [Alexander Kuprin]. / Dyakova E.A. // Russian literature of the turn of the century (1890^s – early 1920^s): in 2 books. – Moscow: Institute of the World Literature of the Russian Academy of Sciences: Heritage, 2000, book. 1, pp. 586–625. (in Russian)

5. *Kolobaeva, L.A.* Preobrazovanie idei "malen'kogo cheloveka" v tvorchestve A. Kuprina [Transformation of the idea of a «little man» in literary works by A. Kuprin]. / L.A. Kolobaeva // The concept of personality in Russian literature at the turn of the 19th – 20th centuries / L.A. Kolobaeva. – Moscow: Publishing house of Moscow State University, 1990, pp. 62–84. (in Russian)

6. *Kuprin, A.I.* Sobranie sochinenii [Collected works]. In 9 vols., vol. 5 / A.I. Kuprin. – Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1974. 511 p. (in Russian)

7. *Smirnova, L.A.* V poiskakh dukhovnoi garmonii [In search of spiritual harmony]. / L.A. Smirnova // Tales and short stories / A.I. Kuprin. – Moscow: Soviet Russia, 1987, pp. 382–395. (in Russian)

8. *Chalova, A.* «Granatovyi braslet» Kuprina : (nekotorye zamechaniya k probleme formy i soderzhaniya [The Garnet Bracelet by Kuprin: (some comments on the problem of form and content)]. / Anna Chalova // Literature: [appendix to the journal The First of September]. – 2000, no. 36, pp. 4–10. (in Russian)

9. *Chesnokova, I.G.* Lichnost' moguchego chuvstva v proizvedenii A.I. Kuprina «Granatovyi braslet» [The personality of a powerful feeling in the work by A.I. Kuprin The Garnet Bracelet]. // Philological Sciences. Issues of theory and practice. – Tambov, 2017, no. 4 (70): in 2 parts, part 2, pp. 46–48. (in Russian)

10. *Shtilman, S.* O masterstve pisatelya : povest' A. Kuprina «Granatovyi braslet» [About the writer's skill: the short novel by A. Kuprin The Garnet Bracelet]. / Sergey Shtilman // Literature: [appendix to the journal The First of September]. – 2002, no. 8, pp. 13–17. See no. 3.

11. Tema «ideal'noi lyubvi» v tvorchestve A.I. Kuprina [The theme of «ideal love» in literary works by A.I. Kuprin]. // ALLBEST: knowledgebase:website.(inRussian). Available at: https://knowledge.allbest.ru/literature/3c0a65625a3ac69a5c43b88421216c26_0.html#text (Accessed: 19.03.2020).

12. *Kuprin, A.I.* Granatovyi braslet [The Garnet Bracelet]. / A.I. Kuprin // Alexei Komarov Internet library: [site]. (in Russian). Available at: <https://ilibrary.ru/text/1022/p.3/index.html> (Accessed: 16.03.2020).

УДК 82.01/09

ПРОБЛЕМЫ ИЗОБРАЖЕНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ДУХОВЕНСТВА В ТВОРЧЕСТВЕ И.С. ТУРГЕНЕВА

Священник Михаил Игоревич Липунцов
магистрант Тамбовской духовной
семинарии направления «Теология»,
профиль «Русская духовная словесность»
E-mail: mishlen68@mail.ru

Для цитирования: *Липунцов, М.И., священник.* Проблемы изображения представителей духовенства в творчестве И.С. Тургенева // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. – Тамбов, 2020. – № 1 (10). – С. 188–197.

Аннотация

Статья посвящена вопросу отражения православной духовной традиции и жизни Церкви в творчестве И.С. Тургенева (вторая половина XIX века). Автор подчеркивает специфику восприятия писателем христианских духовных ценностей, а также анализирует особенности изображения православного духовенства и церковной жизни в его произведениях.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь; пореформенное время; И.С. Тургенев; духовенство.

Истоки отношения И.С. Тургенева к православной вере и Церкви следует искать в его семье. С ранних лет будущий писатель получил псевдохристианское воспитание: его мать Варвара Петровна считала себя верующей, но к Православию относилась как к «мужицкой вере». На ее служителей она смотрела свысока: перед смертью отказалась исповедоваться тайно, и как-то раз отменила Пасхальное богослужение в имении. Молитвы она читала по-французски. Отец писателя Сергей Николаевич жил одиноко и без Бога, но был суеверен: боялся не Бога, не смерти и суда, а домовых. Писатель запомнил, как отец ходил за священником, освящавшим поздним вечером углы обширного дома. Священник являлся тут для Сергея Николаевича чем-то вроде экзорци-

ста. «Доброты, светлого уюта в отчем доме он не встретил – как-то с первых шагов оказался одиноким» [3, с. 14], – вспоминал русский писатель Б.К. Зайцев.

В будущем Иван Сергеевич станет бороться с суевериями в Спасском. Знаменателен случай, когда два священника, отец и сын, пытались убедить писателя в пагубном действии так называемого «залом» – куклы или чучела из колосьев, сплетаемых на чьей-нибудь полосе и имеющих страшные последствия для хозяев. Священники рассказывали случай гибели всех представителей одной зажиточной семьи от действия «залом». Другая история повествовала о призраке-утопленнике, который являлся жителям села, пока архиерей не благословил отслужить вселенскую панихиду. Писатель на эти рассказы отвечал, что сам ходил смотреть на «залом», разорил его и съел на глазах у крестьян все зерна: «Темнота, суеверие и легкоеверие, – сказал он с досадой, – это три пальца на одной руке, – где один, там другой, там и третий» [11].

Тургенев признавался: «В ежовых рукавицах держали меня в детстве и матери моей я боялся, как огня. Взыскивали с меня за все, точно с рекрута николаевской эпохи» [5]. Семья Тургенева была изначально построена по искаженной модели: властная и деспотичная мать, суеверный и изменяющий ей отец; сам же брак был по расчету. Таким образом, истинной встречи со Христом в детстве у писателя не состоялось. Все это не могло не отразиться на его характере и на отношении к духовенству его в творчестве.

В романе «Отцы и дети» в эпизоде смерти Евгения Базарова есть следующие слова: «Когда его соборовали, когда святое миро коснулось его груди, один глаз его раскрылся, и, казалось, при виде священника в облачении, дымящегося кадила, свеч перед образом что-то похожее на содрогание ужаса мгновенно отразилось на помертвелом лице» [10, с. 220]. Автор называет соборование «обрядом религии», но Елеосвящение – одно из семи церковных таинств, в котором при помазании тела больного специально освященным елеем на него призывается благодать Божия, исцеляющая от телесных и душевных болезней и грехов [6, с. 325]. Писатель в романе не забыл упомянуть использование отцом Алексеем кадила. Действительно, использование кадила имеет место в таинстве, но лишь вначале: «Вземлет первый священников кадильницу с фиамомом, и кадит окрест стола елей на нем сущий, и всю церковь,

или дом, и люди: и став пред столом, зря к востоком, начинает» [7, с. 127]. Возможно, Иван Сергеевич описывает какую-то запомнившуюся ему картину, где слилось соборование умирающего с панихидой по усопшему. Поэтому писатель использует термин «обряды религии», а не «обряд». Современный исследователь творчества И.С. Тургенева А.А. Новикова-Строганова, указывая на множественное число в сочетании «обряды религии», не исключает возможности последующих «обрядов» (таинств) – Покаяния и Причащения. Тем не менее перед смертью Базаров один раз уже времени с Причастием, и, скорее всего, писатель либо ошибается в словосочетании «обряды религии», либо указывает на соборование и последующую заупокойную литию (панихиду) с кадиллом. Также стоит отметить, что в таинстве Елеосвящения (Соборования) не используется святое миро, а употребляется оливковое масло (елей). Миро же предназначено для таинства Миропомазания. Совершение таинства перед смертью отправляет нас к «последнему помазанию» в латинской традиции как к чину приготовления к смерти.

Немаловажно, что таинство Елеосвящения совершается вообще без желания главного участника. То есть перед нами факт участия священника в требе по просьбе матери, а не Базарова, который содрогается от ужаса совершаемого с ним обряда и умирает. Видимо, такая практика (соборования перед смертью и в беспомощности) была распространена во времена Тургенева, Базаров даже упоминает о возможности причащения в беспомощности. Утверждая это, писатель, скорее всего, снова ошибается в описательном моменте.

Верующая и любящая мать Евгения Арина Власьева по его приезду в родной дом в тайне от всех заказала благодарственный молебен, который отслужил местный священник отец Алексей без присутствия Базарова. Евгений Васильевич называет священника «попом», и отцу приходится извиняться перед сыном, что священнослужителя оставили обедать вместе с ними. Набожный Василий Иванович положительно отзываясь о местном священнике: «Он у нас очень хороший и рассудительный человек» [10, с. 148]. Стараюсь, чтобы священнослужитель понравился сыну, отец выставляет напоказ «современные» качества батюшки, чем создает неприятное впечатление у читателя: «Он тебе понравится, ты увидишь.

Он и в карточки не прочь поиграть, и даже... но это между нами... трубочку курит» [10, с. 149].

И.С. Тургенев составил такой портрет священнослужителя: «Отец Алексей, мужчина видный и полный, с густыми, тщательно расчесанными волосами, с вышитым поясом на лиловой шелковой рясе, оказался человеком очень ловким и находчивым. Он первый поспешил пожать руку Аркадию и Базарову, как бы понимая заранее, что они не нуждаются в его благословении, и вообще держал себя непринужденно. И себя он не выдал и других не задел; кстати посмеялся над семинарскою латынью и заступился за своего архиерея; две рюмки вина выпил, а от третьей отказался; принял от Аркадия сигару, но курить ее не стал, говоря, что повезет ее домой. <...> Он сел за зеленый стол с умеренным изъятием удовольствия и кончил тем, что обыграл Базарова на два рубля пятьдесят копеек ассигнациями» [10, с. 149]. В целом этот священник в шелковой рясе не располагает к себе, и здесь читатель может согласиться с впечатлением Базарова.

В романе «Дым», написанном в 1865–1867 годы, упоминается о рязанском священнике как о «мастере против порчи». В романе «Новь» представлен священник отец Киприан, человек почтенной наружности с набедренником и камилавкой, но говорящий трудную для восприятия проповедь по тетрадке. Продолжая сцену похода господ на именины Коли в местный храм на обедню, автор упоминает «едва ли не самый продолжительный из всех молебнов православной церкви» молебен Николаю Чудотворцу. Видимо, здесь идет речь о молебне с водосвятием, так как затем духовенство окропляло святой водой господский дом. Тем не менее молебен святителю Николаю нельзя считать самым длинным в богослужбной практике, так как канон и акафист святому не отличаются особой продолжительностью. В романе духовенство дружит с господами, отец Киприан из Спасо-Преображенского храма хвалится знакомством с архиереем, экзаменовавшим его при посещении прихода. Сипягин также похвалил Преосвященнейшего. В романе есть еще эпизодический герой – «податливый поп Зосима», готовый обвенчать пару по просьбе двоюродного брата.

Следующее небольшое произведение «Рассказ отца Алексея» (1877) повествует о несчастье старого приходского священника, у которого умер младший сын после того, как истоптал Прича-

стие. Сюжет напоминает случай, описанный Ф.М. Достоевским в Дневнике писателя и романе «Братья Карамазовы». Однако если у Достоевского все заканчивается покаянием и явлением распятого Христа, то у Тургенева – галлюцинацией черта, повелевающего растоптать Святые Дары.

При описании остального духовенства в рассказе автор отмечает, что все они «оказывались личностями довольно однообразными и как бы на одну мерку сшитыми» [11, с. 615]. Отец Алексей был «весьма старей, почти дряхлей», прихожане его любили и уважали, по их просьбам он продолжал служить, несмотря на немощь. Он ничего не просил, любил играть в дурачка и говорил простым деревенским языком без семинарских изысков. Он очень любил жену, сыновей и тужил, что сын не пошел по его стопам, ведь, по его словам: «В нашем приходе близко двухсот годов все из нашей семьи священники живали!» [11, с. 615]. Он любил молиться и верил в силу молитвы, наставляя заблудшего: «Яков, не малодушествуй; я ладаном покурю, молитву почитаю, святой водой кругом тебя окроплю». Яков только рукой махнул [11, с. 615]. Последняя его надежда была на пешее паломничество к святому угоднику Митрофану Воронежскому, и самое главное – участие Якова в таинствах Покаяния и Евхаристии. Во время паломничества Яков, как сначала казалось, преображается, но во время причастия старая галлюцинация вновь возникает перед ним и повелевает совершить святотатство. И корень зла в безверии Якова, который дерзко бросает в лицо отцу: «Ни в ладан я твой не верю, ни в воду святую; не помогают они ни на грош» [11, с. 615].

Весь отрицательный посыл рассказа заключается в том, что священник, наделенный неплохими пастырскими качествами, не сумел воспитать сына верующим. В одном из переводов рассказа на французский язык автор разъясняет читателю, что в России хорошее отношение к священнику является редкостью. О том же говорится в письме от 1875 года: «Послушайте, Золя, когда в русском посольстве было торжество по случаю освобождения крепостных – событие, которому, как вы знаете, и я кое-чем содействовал, мой друг граф Орлов (я когда-то был шафером у него на свадьбе), – пригласил меня на обед. В России я, возможно, не первый среди русских писателей, но поскольку в Париже другого нет, ведь вы согласитесь, что первый русский писатель

здесь все-таки я? Ну так вот, несмотря на это обстоятельство, мне отвели за столом – как бы вы думали, какое место? – сорок седьмое! Меня посадили ниже попа, а вам известно, с каким презрением относятся в России к священникам!» [2].

В повести «Степной король Лир» встречается описание священника с бедного прихода: «У левой стены гостиной сидел священник в изношенной рясе табачного цвета, старый человек с жесткими бурыми волосами. Эти волосы и унылые, тусклые глаза и большие заскорузлые руки, которые словно его самого бременили и лежали, как груды, на коленях, и выглядывавшие из-под рясы смазные сапоги – все свидетельствовало о трудовой, нерадостной жизни: приход его был очень беден» [11, с. 1050]. Именно здесь встречается ошибка автора в розжиге паникадила, а не кадила: «Священник облачился в старую, еле живую ризу; еле живой дьячок вышел из кухни, с трудом раздувая ладан в старом медном паникадиле. Молебен начался» [11, с. 1050]. Священник показан голодным: «Священник между тем, уже стоя на ногах, но предчувствуя скорый конец трапезы, беспрестанно посылал в рот кусок за куском [11, с. 1050]. Такое чрезмерное пристрастие к пище, безусловно, снижает образ представителя духовенства.

В «Странной истории» также есть косвенное упоминание о священнике с негативным оттенком. Софи хочет сменить духовника, так как ей «нужен такой наставник, который сам бы мне на деле показал, как жертвуют собою!» [11, с. 1130].

Сам Иван Сергеевич Тургенев не раз в воскресные дни заходил в свою церковь в Спасском к обедне и не мог не заметить, что на богослужении стоят старухи, дряхлые старики да бабы с грудными детьми и ни одного мужика, ни одного взрослого парня. В ответ на вопрос о причинах отсутствия большей части паствы местный священник разъяснял, что «воскресные дни крестьяне не справляют, выдумывая свои собственные праздники, в которые пропивают все. Сами крестьяне недолюбливали своего священника и ему не верили» [4].

Таким образом, И.С. Тургенев в своих произведениях говорит об общем падении нравов и ослаблении веры. Причина подобного негативного взгляда на церковную жизнь, несомненно, лежит в духовных проблемах самого писателя. Не получив должного

семейного воспитания, он и сам не сумел создать семью, прожив жизнь, по его собственному выражению, на краю чужого гнезда. Не будучи воспитан в христианской традиции, Иван Сергеевич не сумел в полной мере компенсировать этот ущерб ни своим блестящим образованием, ни писательским успехом. Церковь Христова, к сожалению, осталась чуждой для него, как и малая церковь – семья. Видимо, поэтому в его произведениях с такой контрастностью подмечены все черты усугубляющегося духовного кризиса личности и общества, в дальнейшем отразившиеся в революционных катаклизмах XX столетия.

Список литературы

1. *Гонкур, Э.* Из «Дневника» / Эдмон и Жюль де Гонкур // Lib.ru: Библиотека Максима Мешкова : сайт. – URL: http://az.lib.ru/g/gonkur_z_e/text_1883_iz_dnevnika.shtml (дата обращения: 01.03.2020).

2. *Житова, В.Н.* Воспоминания о семье И.С. Тургенева / Варвара Житова // Lib.ru: Библиотека Максима Мешкова : сайт. – URL: http://az.lib.ru/z/zhitowa_w_n/text_1884_vospominanya_o_semie_turgeneva_olderfo.shtml (дата обращения: 01.03.2020).

3. *Зайцев, Б.К.* Жизнь Тургенева : роман / Б.К. Зайцев. – Москва : Директ-Медиа, 2014. – 234 с. – URL: Зайцев, Б.К. Жизнь Тургенева : роман / Б.К. Зайцев. – Москва : Директ-Медиа, 2014. – 234 с. – Режим доступа: по подписке. – URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=49309> (дата обращения: 10.03.2020).

4. *Полонский, Я.П.* И.С. Тургенев у себя в его последний приезд на родину / Полонский Яков Петрович // Lib.ru: Библиотека Максима Мешкова : сайт. – URL: http://az.lib.ru/p/polonskij_j_p/text_1884_turgenev.shtml (дата обращения: 01.03.2020).

5. *Соловьев-Андреевич, Е.А.* И.С. Тургенев : его жизнь и литературная деятельность // Lib.ru: Библиотека Максима Мешкова : сайт. URL: http://az.lib.ru/s/solowxewandreewich_e_a/text_0060.shtml (дата обращения: 01.03.2020).

6. *Ткаченко, А.А.* Елеосвящение / А.А. Ткаченко // Православная энциклопедия. – Москва, 2008. – Т. 18. – С. 325–337.

7. *Третьяков, В.В.* Третьяков : в двух частях. – Москва : Сиб. Благовонница, 2016. – 960 с.

8. *Тургенев, И.С. Дым* / И.С. Тургенев. – Москва : Директ-Медиа, 2012. – 196 с. – URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=8841> (дата обращения: 10.03.2020). – Режим доступа: по подписке.

9. *Тургенев, И.С. Новь* / И.С. Тургенев. – Москва : Директ-Медиа, 2012. – 314 с. – URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=8843> (дата обращения: 10.03.2020). – Режим доступа: по подписке.

10. *Тургенев, И.С. Отцы и дети* / И.С. Тургенев. – Москва : Директ-Медиа, 2010. – 227 с. – (Хрестоматия по школьной литературе, 10–11 класс). – URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=8844> (дата обращения: 10.03.2020). – Режим доступа: по подписке.

11. *Тургенев, И.С. Повести и рассказы* / И.С. Тургенев. – Москва : Директ-Медиа, 2010. – 1824 с. – URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=8846> (дата обращения: 10.03.2020). – Режим доступа: по подписке.

UDC 82.01/09

ISSUES OF DEPICTING CLERGY IN I.S. TURGENEV'S CREATIVE WORKS

Mikhail I. Lipuntsov, Priest
Master's Degree Student in Theology
Tambov Theological Seminary
Majoring in Russian Spiritual Literature
E-mail: mishlen68@mail.ru

For citation: *Lipuntsov, M.I., priest. Issues of depicting clergy in I.S. Turgenev's creative works // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. Tambov, 2020, no. 1 (10), pp. 188–197. (in Russian)*

Abstract

The article is devoted to the reflection of the Orthodox spiritual tradition and the life of the Church in the works of I. S. Turgenev (the second half of the 19th century). The author emphasizes the specifics of the writer's perception of

Christian spiritual values, and also analyzes the features of the image of the Orthodox clergy and Church life in his works.

Keywords: Russian Orthodox Church; post-reformation times; I. Turgenev; clergy.

References

1. *Goncourt, E.* Iz «Dnevnika» [From the «Diary»] / Edmond and Jules de Goncourt // Lib.ru: Maxim Meshkov Library: website. (in Russian). Available at: http://az.lib.ru/g/gonkur_z_e/text_1883_iz_dnevnika.shtml (Accessed: 01.03.2020).

2. *Zhitova, V.N.* Vospominaniya o sem'e I.S. Turgeneva [Memories of the family of I.S. Turgenev]. / Varvara Zhitova // Lib.ru: Maxim Meshkov Library: website. (in Russian). Available at: http://az.lib.ru/z/zhitowa_w_n/text_1884_vospominanya_o_semie_turgeneva_oldorfo.shtml (Accessed: 01.03.2020).

3. *Zaitsev, B.K.* Zhizn' Turgenva : roman [Turgenev's life: novel]. / B.K. Zaitsev. – Moscow: Direct Media, 2014. 234 p. (in Russian). Available at: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=49309> (Accessed: 10.03.2020).

4. *Polonsky, Ya.P.* I.S. Turgenev u sebya v ego poslednii priezd na rodinu [I.S. Turgenev at his home place during his last visit to his homeland]. / Polonsky Yakov Petrovich // Lib.ru: Maxim Meshkov Library: website. (in Russian). Available at: http://az.lib.ru/p/polonskij_j_p/text_1884_turgenev.shtml (Accessed: 01.03.2020).

5. *Soloviev-Andreevich, E.A.* I.S. Turgenev : ego zhizn' i literaturnaya deyatel'nost' [I.S. Turgenev: his life and literary activity]. // Lib.ru: Maxim Meshkov library: site. (in Russian). Available at: http://az.lib.ru/s/solowxewandreewich_e_a/text_0060.shtml (Accessed: 01.03.2020).

6. *Tkachenko, A.A.* Eleosvyashchenie [Anointing of the sick]. / A.A. Tkachenko // Orthodox Encyclopedia. – Moscow, 2008, vol. 18, pp. 325–337. (in Russian)

7. *Trebnik: v dvukh chastyakh* [Book of Needs : in two parts]. – Moscow: Sibirskaya Blagozvonitsa, 2016. 960 p. (in Russian)

8. *Turgenev, I.S.* Dym [Smoke]. / I.S. Turgenev. – Moscow: Direct Media, 2012. 196 p. (in Russian). Available at: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=8841> (Accessed: 10.03.2020).

9. *Turgenev, I.S. Nov' [Virgin Soil]*. / I.S. Turgenev. - Moscow: Direct Media, 2012. 314 p. (in Russian). Available at: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=8843> (Accessed: 10.03.2020).

10. *Turgenev, I.S. Otsy i deti [Fathers and Sons]*. / I.S. Turgenev. Moscow: Direct Media, 2010. 227 p. – (A reader in school literature, grades 10–11). (in Russian). Available at: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=8844> (Accessed: 10.03.2020).

11. *Turgenev, I.S. Povesti i rasskazy [Tales and Stories]*. / I.S. Turgenev. Moscow: Direct Media, 2010. 1824 p. (in Russian). Available at: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=8846> (Accessed: 10.03.2020).

УДК 82.01/09

МНОГОГРАННОСТЬ ЖАНРА РОМАНА С.П. ЗАЛЫГИНА «КОМИССИЯ»

Филиппова Светлана Викторовна
кандидат филологических наук,
заведующая кафедрой филологии,
заведующая сектором заочного обучения
Тамбовской духовной семинарии
E-mail: 234888@mail.ru

Для цитирования: *Филиппова, С.В.* Многогранность жанра романа С.П. Залыгина «Комиссия» // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. – Тамбов, 2020. – № 1 (10). – С. 197–209.

Аннотация

Статья посвящена вопросу изучения жанрового своеобразия романа С.П. Залыгина «Комиссия». Исследуя идейно-композиционную структуру, опираясь на труды известных литературоведов, деятелей науки и искусства, автор статьи анализирует многочисленные высказывания – предположения в отношении разновидностей жанра романа. В заключение сделан вывод о том, что «Комиссия» не только опирается на опыт мировой литературы и общественной мысли, но и отражает индивиду-

ально-авторское видение природы и человека, национально-психологическую специфику преломления утопических идей и взглядов русского человека.

Ключевые слова: С.П. Залыгин; роман «Комиссия»; жанрово-стилевая система; экологическая тематика; натурфилософия; сказ; утопия.

Название романа «Комиссия» (1975), по мнению его автора, «может быть, и не очень литературное, но <...> точное, потому что речь идет действительно о лесной комиссии, созданной мужиками для охраны ленточного бора, и потому, что комиссия – это еще и в смысле назначения человека, в смысле поставленной им перед собой задачи – тоже звучит» [5, с. 124]. «Комиссия» как «задача», ответственность актуализирует то значение слова, которое было представлено еще в комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума»: «Что за комиссия, Создатель, быть взрослой дочери отцом!» «Задача» романа, как и его героев и его автора, является предельно ответственной: уберечь природу от разорения человеком, уберечь человека от разорения природного в нем самом и ответить на вопрос, может ли человек выстроить гармонические отношения с природой?

Автор романа, являясь профессиональным писателем, ученым, специалистом-гидрологом, знатоком экологических процессов и проблем, исходя из научного, философского знания, этических оценок, создает сложное художественное единство литературного произведения. Гармоническое единство логического и художественного, имеющее место в залыгинской «Комиссии», во многом объясняется установкой самого автора: «"Комиссия" – это роман образов, как и большинство из того, что я пишу. Для меня литература всегда была мышлением в образах. Это определение я принимаю, ему я и служу. Мышление живет вместе с человеком» [5, с. 127].

Роман «Комиссия» возник на основе документальных материалов реальной лесной комиссии, найденных автором в период работы над романом «Соленая Падь» (1968). Сам Залыгин вспоминал об этом так: «Работая над романом „Соленая Падь“, изучая множество материалов, я наткнулся на протокол такой вот Лесной комиссии. Сначала у меня была глава в этом романе, посвященная лесу. <...> Но потом я почувствовал, что глава эта в романе у меня

как бы лишняя что ли. Так что в окончательный вариант „Соленой Пади“ (материалы лесной комиссии. – Ф. С.) не вошли. <...> Много лет спустя я подумал, что, наверное, надо бы эту главу восстановить, написать небольшую повесть. Но, как говорят, “лиха беда – начало ...” Стал писать повесть – получился роман» [18, с. 5].

Этот эпизод – свойство стиля С. Залыгина. Он вновь возвращается к мотиву, детали, сюжету, уже однажды задействованному отчасти в каком-либо произведении. Это свойство сохранится и в позднем творчестве С. Залыгина. В «Комиссии» Кудеяр сокрушается о смерти царя, предсказывает, что за его смертью последует гибель всего крестьянства. Правда, в «Комиссии» Кудеяр отвергнут героями, над ним иронизирует и автор. Через 21 год, в 1996 году, из-под пера Залыгина выходит «экспериментальный» (как вся русская история, по мнению писателя) роман «Свобода выбора». Жизнь царя Николая II в связи с судьбой России становится в романе предметом размышления писателя. А мысль о возможной гибели уже целого народа, гибели, как следствия однажды совершенного трагического свободного выбора, становится в романе лейтмотивной.

Произрастая из жизненного опыта и документальных материалов, натурфилософия писателя, облекаясь в художественную, а иногда и в публицистическую форму, стала своеобразным призывом к «экологической этике», «природному разуму». Заслуживает особого внимания высказывание И. Деткова, исследователя творчества Залыгина: «Художник хочет понять свое время и свое общество не только как данность, открытую ему в опыте, а как результат развития и роста, как нечто „генетически“ обусловленное и едва ли не по всем „пунктам“: от психологии человека до обычаев и традиций всего народного общежития, от бытового, семейного уклада до уклада экономической и общественной жизни» [4, с. 14].

Художественный мир романа С. Залыгина «Комиссия» – яркий образец природной жизни, где сообщество людей, животные, растения сосуществуют гармонично в одном относительно замкнутом пространстве – Лебязке, объединенном духовно-эстетическими идеалами, высокой целью сохранить гармонию отношений человека и природы.

Роман не однажды подвергался анализу в литературной критике, однако особенного внимания заслуживает вопрос о жанровой

специфике «Комиссии». Одним из первых о жанре романа «Комиссия» высказался критик А. Бочаров. Он справедливо заявил, что «Комиссия» – «роман-диспут» [2, с. 37]. В этом плане «Комиссия» продолжила диалогическую структуру «Соленой Пади». Там столкновение идей радикала и догматика Брусенкова со здравомыслящим Мещеряковым составляет композиционную основу романа. В «Комиссии» тоже диалог, дискуссия, диспут приобретают форму доминирующего в структуре романа полилога, когда в споре участвует множество лиц, защищающих свою «правду».

Заметим в свою очередь, что самый главный из дискутируемых в «Комиссии» вопросов – вопрос натурфилософский: может ли и должен ли человек устраивать свою жизнь в соответствии с законами природы? Неравнодушная постановка этого вопроса в диалогах и монологах, в описаниях и повествовании отделяет роман Залыгина от других произведений деревенской прозы (рассказов, повестей, романов В. Шукшина, Ф. Абрамова, В. Белова), но сближает его с натурфилософским течением внутри прозы «деревенщиков» (В. Астафьев, В. Распутин).

Однако такое определение жанра романа (роман-диспут) не могло быть исчерпывающим. Другие исследователи творчества Залыгина внесли в определение жанра «Комиссии» свои коррективы, выявившие и неожиданные аспекты авторского замысла. Не отрицая присутствия диалогического начала в структуре романа, В. Ковалев видит в нем средоточие народных стремлений, готовность народа «практически начать осуществление вековых идеалов правдоискательства» [7, с. 128]. Здесь нет прямого упоминания утопической тенденции, но в сущности она подразумевается в «вековых идеалах правдоискательства». Другое дело, что литературовед не квалифицирует их (в жестких условиях эпохи реализации утопического проекта) как утопические. В.А. Ковалев, не используя для характеристики жанра «Комиссии» понятия «утопия», заостряет внимание на историческом аспекте залыгинского романа. Обращая внимание на созданную Залыгиным модель социального устройства, он видит в «Комиссии» «самозарождение нового, подлинного народовластия. Мелкий, частный факт из жизни отдаленного от центров села отразил в себе закономерности истории человечества в начале XX века» [7, с. 128]. Таким образом, косвенно (через «подлинное народовластие») еще

раз подчеркивается связь романа Залыгина с развитием утопического дискурса общественного сознания.

В. Саватеев в своем убеждении близок к позиции А. Бочарова, считая, что «Комиссия» – «роман-исследование. Это еще и роман-диалог, роман-спор» [13, с. 31]. Тем самым подчеркивается логическое, восходящее к научному знанию, жанрообразующее начало романа. Литературовед мотивирует свое мнение тем, что споры герои «Комиссии» ведут как друг с другом, так и с самими собой. В то же время В. Саватеев отмечает, что «концепция романа “Комиссия” самобытна и органична в своем художественном воплощении» [13, с. 32].

Интересно, что критик И. Дедков мотивирует несогласие с А. Бочаровым иными доводами. Он считает, что подобное «оприходование» произведений мало что дает для выяснения их смысла и идейно-художественной состоятельности. По утверждению Дедкова, «диспуты» в романе выполняют специальную функцию, а уточняющим заключением критика является утверждение, что в романе диспуты – «это специально устроенные разговоры, публичное столкновение мнений, горячение ума. Споры, исповеди, пророчества, одинокое устиновское томление мысли у Залыгина – это вынужденная жизнью попытка людей самим во всем разобраться и самим собою править» [4, с. 254–255].

Наиболее интересным в этом отношении представляется сформулированный еще в 1981 году взгляд В.А. Сурганова. Критик утверждает мысль о том, что Лебяжка похожа на лабораторию, где интересующее автора «социально-психологическое явление представало бы в максимальной “чистоте”» [15, с. 438]. Это подчеркивает исключительность и экспериментальной структуры романа, и его жанровой модификации.

Позиция А. Нуйкина в этом смысле может быть дополняющей и полемической по отношению к уже охарактеризованным ранее точкам зрения. Он считает, что «Комиссия» – «это одновременно и роман-притча, и роман-сказ, и роман романтической мечты и веры» [11, с. 604]. В этом определении обоснованно подчеркивается функция фольклорных, в том числе и легендарно-утопических, вкраплений, роль религиозной образности и проблематики.

В.И. Коробов и А.И. Овчаренко близки в своих позициях по отношению к определению специфики жанра романа, называя «Ко-

миссию» соответственно – энциклопедией русской крестьянской жизни [10, с. 83]. Действительно, многоплановая композиция романа Залыгина живописно и достоверно воспроизводит исторические события, обстановку, характеры, быт, нравы, традиции провинции начала XX века. В связи с этим обращает на себя внимание и иной важный аспект: роман проникнут размышлениями о «мире» социальном и вместе с этим повествует о практических действиях, направленных на защиту природного мира и его сохранение, что актуально и для современности и возможно будущего.

Вопрос о жанре «Комиссии» получил аргументированное изложение в диссертационных исследованиях Н.Р. Скалона и Е.В. Тихомировой. Н.Р. Скалон настаивает на принципиальной жанровой новизне произведения: «Новое жанровое качество „Комиссии“ обусловлено исходной авторской мыслью, в которой особо важен гносеологический аспект. Искомый закон жизни претворяется в сюжетно-композиционной структуре произведения, “опредмечивается” в ней» [14, с. 14–15]. Интересно здесь то, что гносеология представляет собой традиционно ту часть философского знания, которая занимается законами познания мира и человека. Н.Р. Скалон, таким образом, в унисон с цитированными критиками подчеркивает соединение в «Комиссии» научного и художественного элемента, синтеза науки и искусства. Он утверждает: «Поиск героями универсального „закона жизни“ словно детерминирован не автором, а грандиозными историческими событиями, вызвавшими потребность в глубочайшем осмыслении жизни, в реализации социальной и духовной гармонии» [4, с. 8]. Действительно, гармония в романе выступает как неотъемлемый компонент целостности. Н.Р. Скалон подчеркивает: «Повествовательная форма „Комиссии“ – сказ» [14, с. 6]. Его новаторское использование в «Комиссии», справедливо утверждает литературовед, в том, что С. Залыгин «создает художественные условия, при которых герои, чей социальный статус и образовательный ценз, казалось бы, лишает их самой возможности глубоких интеллектуальных обобщений, тем не менее, изображены людьми не просто думающими, но мыслящими, философствующими» [14, с. 15]. Исходя из этого наблюдения, Н.Р. Скалон заключает, что условность в романе предстает художественно мотивирован-

ной. Он считает такого рода мотивацию специфическим признаком философского романа.

Интересна точка зрения В.В. Виноградова, на которого не однажды ссылаются исследователи «Комиссии». Литературовед, отмечая философию мироустройства, акцентирует внимание на распространенность в романе жанра сказки, легенды, предания, сказа. За понятием «сказ» он видит «реальность индивидуально-художественных построений», «художественную имитацию монологической речи, которая, воплощая в себе повествовательную фабулу, как будто строится в порядке ее непосредственного говорения». «Комиссия» наглядно подтверждает, что «формы сказа открывают широкую дорогу причудливым смещениям разных диалектных сфер с разными жанрами письменной речи» [3, с. 49]. На наш взгляд, сказовая манера повествования в романе выполняет значительную поэтическую функцию. Но писателю, вероятно, нужна не «языковая структура сказа, а лишь его атмосфера» [3, с. 51]. Целью такой стилизации становится рождение и утверждение в романе легендарно-сказочного повествования.

Жанровая специфика «Комиссии» обусловлена и социально-историческим контекстом. Писатель изображает природную реальность прошлого для сопоставления ее с реальностью настоящего и грядущего будущего, понимания, социально-этических задач, стоящих перед обществом. О специфике писательского почерка С.П. Залыгина Н.Р. Скалон пишет: «Создатель идет не от жизни к идее, а, напротив, от идеи к жизни» [14, с. 15].

В диссертационном исследовании Е.В. Тихомировой проводятся параллели между залыгинским романом и другими литературными жанрами, утверждается, что Залыгин продолжает традиции «синтетичного» в жанровом плане русского философского романа» [17, с. 8]. Исследовательница отмечает особую объективность и «стереоскопичность» залыгинского подхода.

Литературовед А.Е. Ильяш считает, что «роман „Комиссия“, вбирая опыт классического романа, предстает как жанр, в основе которого лежит новая художественная концепция мира и человека» [6, с. 20]. А.Е. Ильяш видит глубинную сущность «Комиссии» в призыве к «природному разуму». Такие противоречивые и вместе с тем дополняющие друг друга мнения подтверждают явную многогранность специфики жанра залыгинского романа.

Исследователь Л.Ф. Ершов полемически утверждает, что у Залыгина «природное начало трактуется не в натурфилософском, а социально-этическом, психологическом разрезе. Не столько собственно экологические проблемы решаются художником, сколько вопросы человеческого бытия, судьба не универсума (как было у натурфилософов), но социума» [9, с. 21]. Следует заметить, что такое противопоставление проблем натурфилософских, социальных и онтологических представляется не вполне корректным. Залыгинские герои не мыслят своего бытия вне природы, его цель – гармонизировать закон природный с законом социума.

В. Байтц, обращая внимание на «легко обозримую площадь действия» и относительность спокойствия в романе, подчеркивает, что сюжет романа имеет строго очерченный и в то же время «открытый» характер. Важно отметить интересное его замечание: «Действие разворачивается в исключительных, экспериментальных условиях, а смысл этого эксперимента ведет наши мысли и чувства далеко за пределы данного случая и времени – в центр процессов формирования и укрепления новой, социалистической общественности и соответствующего типа “общественного человека”» [1, с. 35].

Л.А. Теракопьян, как бы поддерживая предыдущее мнение, уточняет: «Неизменная цель залыгинских экспериментов заключается именно в том, чтобы углубить представления о человеке, о взаимоотношениях личности и общества, выявить закономерности жизни, ее поступательного движения» [16, с. 166.].

И.М. Куликова не без оснований считает, что «мотив гармонии мира и человека определяет смысл всех духовных поисков героя писателя, в процессе философо-этических исканий героями С. Залыгина найдены и сформулированы важнейшие идеологические истины» [8, с. 113].

Изложенного выше достаточно, чтобы сделать важные выводы. «Комиссия» С.П. Залыгина является сложным по жанру произведением натурфилософской проблематики. Мнения критиков и литературоведов не отрицают, а предполагают и констатируют присутствие в структуре романа элементов, которые могут и должны быть соотнесены с литературной утопией.

Проведенное исследование жанра и композиции романа в утопическом ракурсе позволяет утверждать, что «Комиссия» представляет собой природную утопию, так как «содержит в себе яв-

ные утопические идеи, образы, мотивы, характерные для этого жанра» [19, с. 20]. Следует заметить, что в традиционной, патриархальной крестьянской организации отношений между людьми, между человеком и природой С.П. Залыгин видит путь к решению социальных и экологических проблем. «Природная» утопия, гармония в природе, по мысли Залыгина, должны стать и становятся в «Комиссии», своеобразным идеальным «модусом бытия», образцом организации общественной жизни.

Роман С.П. Залыгина «Комиссия» вобрал в себя ценнейший опыт литературы и общественной мысли, отразил индивидуально-авторское видение природы и человека, национально-психологическую специфику преломления утопических идей и взглядов русского человека. Исходя из многогранности, проблематики, жанрово-стилевой системы романа, следует заключить, что «Комиссия» представляет собой образец, близкий произведениям русской словесности, и является значительным вкладом в историко-документальную и этико-философскую традиции великой русской литературы.

Список литературы

1. *Байтц, В.* Активный герой, структура реальности, «Время» и «Пространство» // Современный советский роман. Философские аспекты / В. Байтц. – Л., 1979. – С. 30–35.
2. *Бочаров, А.* Время кристаллизации / А. Бочаров // Вопросы литературы. – 1976. – № 3. – С. 37–39.
3. *Виноградов, В.В.* О языке художественной прозы. Избранные труды / В.В. Виноградов. – М., 1980. – 360 с.
4. *Дедков, И.А.* Сергей Залыгин. Страницы жизни, страницы творчества / И.А. Дедков. – М.: Современник, 1985. – 431 с.
5. *Залыгин, С.П.* «Вы по-настоящему трудились...» Мнение автора романа / С.П. Залыгин // Театр. – 1986. – № 8. – С. 119–124.
6. *Ильяш, А.Е.* Традиции русской литературной классики и творчество С.П. Залыгина / А.Е. Ильяш. Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 – Одесса, 1982. – 26 с.
7. *Ковалев, В.А.* Путешествие в известное // Современный советский роман. Философские аспекты / В.А. Ковалев. – Л., 1979. – С. 125–128.

8. *Куликова, И.М.* Судьба современной женщины в творчестве С. Залыгина 70-х годов / И.М. Куликова. Автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 – Л., 1986. – 19 с.
9. *Ершов, Л.Ф.* Современная социально-философская проза (1970–80-е годы) / Л.Ф. Ершов. – Л., 1989. – 32 с.
10. *Коробов, В.* Солнце правды / В. Коробов // Литературная Россия. – 1978. – 31 марта. – С. 3–6.
11. *Нуйкин, А.* Энергия творчества // Залыгин С.П. Три пункта бытия: Роман. Повесть. Рассказы / А. Нуйкин. – М., 1988. – 344 с.
12. *Овчаренко, А.И.* Большая литература. Основные тенденции развития советской художественной прозы 1945–1985 годов. Шестидесятые годы / А.И. Овчаренко. – М., 1985. – 446 с.
13. *Саватеев, В.* Герои революции – творцы истории // Познание и утверждение / В. Саватеев. – М., 1980. – 317 с.
14. *Скалон, Н.Р.* Становление философского романа в творчестве С. Залыгина: к типологии жанра / Н.Р. Скалон. Автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 – М., 1984. – 16 с.
15. *Сурганов, В.* Человек на земле / В.А. Сурганов. – М., 1981. – 624 с.
16. *Теракопян, Л.А.* Параллели и пересечения / Л.А. Теракопян. – М., 1984. – 366 с.
17. *Тихомирова, Е.В.* Творчество С.П. Залыгина: философские аспекты / Е.В. Тихомирова. Автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 – Горький, 1989. – 17 с.
18. Чтобы связь не оборвалась. Беседа писателей С. Залыгина, В. Распутина, В. Астафьева // Литературное обозрение. – 1981. – № 9. – С. 3–5.
19. *Филиппова, С.В.* Утопический вектор натурфилософской прозы С. Залыгина 1970–1990-х годов / С.В. Филиппова. Автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 – Тамбов, 2007. – 22 с.

UDC 82.01/09

**THE VERSATILITY OF GENRE IN
S.P. ZALYGIN 'S NOVEL COMMISSION****Svetlana V. Filippova**

PhD in Philology,

Head of the Philology Department,

Head of the Extramural Studies Division

Tambov Theological Seminary

E-mail: 234888@mail.ru

For citation: *Filippova, S.V.* The versatility of genre in S.P. Zalygin's novel *Commission* // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. Tambov, 2020, no. 1 (10), pp. 197–209. (in Russian)

Abstract

The article is devoted to the study of the genre originality of the novel *Commission* by S.P. Zalygin. Exploring the ideological and compositional structure, relying on the works of famous literary critics, scientists and artists, the author of the article analyzes numerous statements and assumptions about the varieties of the novel genre.

The author comes to the conclusion that the *Commission* is not only based on the experience of world literature and public thought, but also reflects the author's individual vision of nature and man, the national psychological specifics of the refraction of utopian ideas and views of the Russian person.

Keywords: S. P. Zalygin; the novel *Commission*; genre and style system; environmental themes; natural philosophy; fairy tale; utopia.

References

1. *Bayts, V.* Aktivnyi geroi, struktura real'nosti, «Vremya» i «Prostranstvo» [Active hero, structure of reality, «Time» and «Space»]. // *Modern Soviet novel. Philosophical aspects* / V. Bayts. – Leningrad, 1979. pp. 30–35. (in Russian)
2. *Bocharov, A.* Vremya kristallizatsii [Time of crystallization]. / A. Bocharov // *Issues of literature.* 1976, no. 3, pp. 37–39. (in Russian)

3. *Vinogradov, V.V.* O yazyke khudozhestvennoi prozy. Izbrannye trudy [On the language of fiction. Selected Works]. / V.V. Vinogradov. Moscow, 1980. 360 p. (in Russian)
4. *Dedkov, I.A.* Sergey Zalygin. Stranitsy zhizni, stranitsy tvorchestva [Sergey Zalygin. Pages of life, pages of creative activity]. / I.A. Dedkov. Moscow: Sovremennik, 1985. 431 p. (in Russian)
5. *Zalygin, S.P.* «Vy po-nastoyashchemu trudilis'...» Mnenie avtora romana [«You really worked...» Opinion of the author of the novel]. / S.P. Zalygin // Theater. 1986, no. 8. pp. 119–124. (in Russian)
6. *Ilyash, A.E.* Traditsii russkoi literaturnoi klassiki i tvorchestvo S.P. Zalygina [Traditions of Russian classical literature and S.P. Zalygin's creative activity]. / A.E. Ilyash. Abstract of Cand. Sci. (Philology) Dissertation: 10.01.01 – Odessa, 1982, 26 p. (in Russian)
7. *Kovalev, V.A.* Puteshestvie v izvestnoe [Journey to the known]. // Modern Soviet novel. Philosophical aspects / V.A. Kovalev. Leningrad, 1979, pp. 125–128. (in Russian)
8. *Kulikova, I.M.* Sud'ba sovremennoi zhenshchiny v tvorchestve S. Zalygina 70-kh godov [The fate of a modern woman in the works by S. Zalygin of the 1970^s]. / I.M. Kulikova. Abstract of Cand. Sci. (Philology) Dissertation: 10.01.01 – Leningrad, 1986. 19 p. (in Russian)
9. *Ershov, L.F.* Sovremennaya sotsial'no-filosofskaya proza (1970–80-e gody) [Modern socio-philosophical prose (1970^s – 80^s)]. / L.F. Ershov. Leningrad, 1989. 32 p. (in Russian)
10. *Korobov, V.* Solntse pravdy [The Sun of Truth]. / V. Korobov // Literary Russia. 1978, March 31. pp. 3–6. (in Russian)
11. *Nuykin, A.* Energiya tvorchestva [Energy of creativity]. // Zalygin S.P. Three points of being: Novel. Novelette. Stories / A. Nuykin. Moscow, 1988. 344 p. (in Russian)
12. *Ovcharenko, A.I.* Bol'shaya literature. Osnovnye tendentsii razvitiya sovetskoi khudozhestvennoi prozy 1945–1985 godov. Shestidesyatye gody [Great literature. The main trends in the development of Soviet fiction in 1945–1985. The sixties]. / A.I. Ovcharenko. Moscow, 1985. 446 p. (in Russian)
13. *Savateev, V.* Geroi revolyutsii – tvortsy istorii [Heroes of the revolution are the creators of history]. // Poznanie i utverzhdenie / V. Savateev. Moscow, 1980. 317 p. (in Russian)
14. *Skalon, N.R.* Stanovlenie filosofskogo romana v tvorchestve S. Zalygina: k tipologii zhanra [The formation of a philosophical novel in

the works by S. Zalygin: to the typology of the genre]. / N.R. Skalon. Abstract of Cand. Sci. (Philology) Dissertation: 10.01.01 – Moscow, 1984, 16 p. (in Russian)

15. *Surganov, V.* Chelovek na zemle [Man on the Earth]. / V.A. Surganov. Moscow, 1981, 624 p. (in Russian)

16. *Terakopyan, L.A.* Paralleli i peresecheniya [Parallels and intersections]. / L.A. Terakopyan. Moscow, 1984, 366 p. (in Russian)

17. *Tikhomirova, E.V.* Tvorchestvo S.P. Zalygina: filosofskie aspekty [S.P. Zalygin's literary activity: philosophical aspects]. / E.V. Tikhomirova. Abstract of Cand. Sci. (Philology) Dissertation: 10.01.01 – Gorky, 1989, 17 p. (in Russian)

18. Chtoby svyaz' ne oborvalas'. Beseda pisatelei S. Zalygina, V. Rasputina, V. Astaf'eva [So that the connection does not break. Conversation with writers S. Zalygin, V. Rasputin, V. Astafiev]. // Literary Review. 1981, no. 9, pp. 3–5. (in Russian)

19. *Filippova, S.V.* Utopicheskii vector naturfilosofskoi proy S. Zalygina 1970–1990-kh godov [Utopian vector of S. Zalygin natural philosophical prose of the 1970^s–1990^s]. / S.V. Filippova. Abstract of Cand. Sci. (Philology) Dissertation: 10.01.01 – Tambov, 2007. 22 p. (in Russian)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ**АРХИВЫ И ИНСТИТУЦИИ**

ВЧК	Всероссийская чрезвычайная комиссия
ГАПО	Государственный архив Пензенской области
ГАСПИТО	Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области
ГАТО	Государственный архив Тамбовской области
ЖМП	Журнал Московской Патриархии
ИТУАК	Известия Тамбовской ученой архивной комиссии
НИОР РГБ	Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва)
ОГПУ	Особое государственное политическое управление
ОР РНБ	Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
ОРЭСО	Объединение русских эмигрантских студенческих организаций
ОСРК	Основное собрание рукописной книги
РГБ	Российская государственная библиотека (Москва)
РНБ	Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург)
РСХД	Русское студенческое христианское движение
ТЕВ	Тамбовские епархиальные ведомости
ТОКМ	Томский областной краеведческий музей
ЦК РКП(б)	Центральный Комитет Российской Коммунистической партии (большевиков)

Научный журнал

**БОГОСЛОВСКИЙ СБОРНИК
ТАМБОВСКОЙ
ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ**

№ 1(10) 2020

Компьютерная верстка – **Т.В. Подковырова**
Корректор – **Л.И. Дудова**

Подписано в печать 27.04.2020 г. Формат 70x100¹/₁₆. Печать офсетная
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 17,09. Тираж 500 экз. Заказ № 257

Отпечатано в обществе с ограниченной ответственностью
«Тамбовский полиграфический союз»
392000, г. Тамбов, Моршанское шоссе, 14А
Тел. 8 (4752) 53-26-27
E-mail: info@tps68.ru
www.tps68.ru

ISSN 2687-072X

9 772687 072007 >